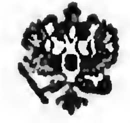
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ XXII.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1883—1910.

I.

И отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца; тогда свѣтъ твой взойдетъ во тьмѣ, и мракъ твой будетъ, какъ полдень.

Исаія LVIII.

Поэту.

Не презирай людей! безжалостной и гнѣвной
Насмѣшкой не клейми ихъ горестей и нуждъ,
Сознавъ могущество заботы повседневной,
Ихъ страха и надеждъ не оставайся чуждъ.
Какъ другъ, не какъ судья неумолимо-строгій,
Войди въ толпу людей и оглянись вокругъ,
Пойми ты говоръ ихъ и смутный гулъ тревоги,
И стонъ подавленный невыразимыхъ мукъ.
Сочувствуй горячо ихъ радостямъ и бѣдамъ,
Узнай и полюби простой и темный людъ,
Внимай безъ гордости ихъ будничнымъ бесѣдамъ,
И, какъ святыню, чти ихъ незамѣтный трудъ.
Сквозь мутную волну житейскаго потока
Жемчужины на днѣ ты различишь тогда:
Въ постыдной оргіи продажнаго порока—
Слѣды раскаянья и жгучаго стыда,
Улыбку матери надъ тихой колыбелью,
Молитву грѣшника, и поцѣлуй любви,
И вдохновеннаго возвышенною цѣлью,
Борца за истину во мракѣ и крови.
Поймешь ты красоту и смыслъ существованья
Не въ упоительной и радостной мечтѣ,
Не въ блескахъ и цвѣтахъ, но въ терніяхъ страданья,
Въ работѣ, въ бѣдности, въ суровой простотѣ.

И жаждущую грудь роскошно утоляя,
Неисчерпаема, какъ нектаръ золотой,
Твой подвигъ тягостный сторицей награждая,
Изъ жизни сумрачной поэзія святая
Польется свѣтлою, могучею струей.

1883

* * *

Герой, пѣвецъ отрадны ваши слезы
И ваша скорбь завидна, мудрецы:
Нетлѣнный лавръ, невянущія розы
Вамъ обовьютъ терновые вѣнцы.
Свѣтло горитъ звѣзда высокой цѣли;
Вамъ есть за что бороться и страдать,
И обо всемъ, что втайнѣ вы терпѣли,
Должны вѣка вѣкамъ пересказать:
То выразятъ плѣнительные звуки
Пѣвучихъ струнъ, иль славныя дѣла.
Всѣ назовутъ святыми ваши муки,
И загремитъ имъ вѣчная хвала.
Но тамъ, въ толпѣ, страдальцы есть иные,
Тамъ скорби есть, терзающія грудь,
Безмолвныя, какъ плиты гробовыя,
Что не даютъ подняться и вздохнуть.
И много ихъ, героевъ неизвѣстныхъ,
Непризнанныхъ, но твердыхъ до конца,
Что не щадятъ въ борьбѣ усилій честныхъ
И падаютъ, не требуя вѣнца.
Ихъ не смутятъ ни злоба, ни проклятья,
Они идутъ, какъ мученики шли
На смерть и казнь...

Припомнимъ же ихъ, братья,
И руку къ нимъ для крѣпкаго пожатья,
Хотя на мигъ протянемъ издали!

1883

Кораллы.

Широко раскинулся вѣтвями,
Чуждый неба, звуковъ и лучей,
Цѣлый лѣсъ коралловъ подъ волнами,
Въ глубинѣ тропическихъ морей.
Милліонамъ тружениковъ вѣчныхъ—
Колыбель, могила и пріютъ,
Дивный плодъ усилій безконечныхъ,
Этотъ міръ полипы создаютъ.
Каждый родъ,—ступень для жизни новой,—
Будетъ смертью въ камень превращенъ
Чтобы лечь незыблемой основой
Поколѣньямъ будущихъ временъ;
И встаетъ изъ бездны океана,
И растетъ коралловый узоръ;
Презирая натискъ урагана,
Онъ стремится къ небу на просторъ,
Онъ вознесся кружевомъ пурпурнымъ,
Исполинской чащею вѣтвей
Въ полусвѣтѣ мягкомъ и лазурномъ
Преломленныхъ, трепетныхъ лучей.
Часъ придетъ,—и гордо надъ волнами
Раздробивъ ихъ влажный изумрудъ,
Новый островъ, созданный вѣками,
Съ торжествомъ кораллы вознесутъ...

О, пускай въ глухой и темной долѣ,
Какъ полипъ, ничтоженъ я и слабъ,—
Я могучъ святою жаждой воли,
Утомленный труженикъ и рабъ!
Тамъ, за далью, вижу я надъ нами
Новый рай, лучами весь облитъ,
Новый островъ, созданный вѣками,
Высоко надъ бездною царитъ.

1884.

На распутьи.

Жить ли мнѣ, забывъ мои страданья,
Горечь слезъ, сомнѣній и заботъ,
Какъ цвѣтокъ, безъ проблеска сознанья,
Ни о чемъ не думая живетъ,

Ничего не видитъ и не слышитъ,
Только жадно впитываетъ свѣтъ,
Только нѣгой молодости дышитъ,
Теплотой ласкающей согрѣтъ.

Но кипятъ недремлющія думы,
Но въ груди—сомнѣнье и тоска;
Стыдно сердцу жребій свой угрюмый
Промѣнять на счастіе цвѣтка...

И усталъ я вѣчно сомнѣваться!
Я разгадки требую съ тоской,
Чтобъ чему бы ни было отдаться,
Но отдаться страстно, всей душой.

Эти думы—не мечты досуга,
Не созданье юношескихъ грезъ,
Это—боль тяжелаго недуга,
Роковой, мучительный вопросъ.

Мнѣ не надо лживыхъ примиреній,
Я отъ грозной правды не бѣгу;
Пусть погибну жертвою сомнѣній,—
Предъ собой ни въ чемъ я не солгу!

Испытавъ весь ужасъ отрицанья,
До конца свободы не отдамъ,
И послѣдній крикъ негодованья
Я, какъ вызовъ, брошу небесамъ!

1883.

* * *

Всѣ грезы юности и всѣ мои желанья
Предъ Богомъ и людьми я смѣло признаю;
И мнѣ ни отъ кого не нужно оправданья,
И я ни передъ кѣмъ въ груди ихъ не таю.
Я правъ, когда живу и требую отъ жизни
Не только подвиговъ въ борьбѣ за идеалъ,
Не только мукъ и жертвъ страдалицѣ-отчизнѣ,
Но и всего, о чемъ такъ страстно я мечталъ:
Хочу я творчествомъ и знаніемъ упиться,
Хочу весеннихъ дней, лазури и цвѣтовъ,
Хочу у милыхъ ногъ я плакать и молиться,
Хочу безумнаго веселія пировъ;
Хочу изъ нѣжныхъ устъ дыханья аромата
И смѣха, и вина, и пѣсенъ молодыхъ,
И блѣдныхъ ландышей, и пурпура заката,—
Всей дивной музыки аккордовъ міровыхъ;
Хочу,—и не стыжусь той жажды упоеній:
Она природою заброшена мнѣ въ грудь,
И красотой иныхъ божественныхъ стремленій
Я алчущей души не въ силахъ обмануть.
«Живи для радости!» какой-то тайный голосъ
Повсюду, день и ночь, мнѣ ласково твердитъ;
Волна, и темный лѣсъ, и золотистый колосъ,—
«Живи для радости!» мнѣ тихо говоритъ.
Всѣ грезы юности и всѣ мои желанья
Предъ Богомъ и людьми я смѣло признаю;
И мнѣ ни отъ кого не нужно оправданья,
И я ни передъ кѣмъ въ груди ихъ не таю.

1884.

* * *

Въ борьбѣ на жизнь и смерть не сдамся я врагу!
Тебѣ, нашъ рокъ-палачъ, ни одного стенанья
И ни одной слезы простить я не могу
За все величье мірозданья.

Нѣтъ! капля первая всей крови пролитой
Навѣкъ лицо земли позоромъ осквернила—
И каждый василекъ на нивѣ золотой
И въ небѣ каждый лучъ свѣтила!

Къ чему мнѣ пурпуръ розъ и трели соловья,
И тишина ночей съ ихъ дѣвственною лаской?..
Ужель ты прячешься, природа, отъ меня
Подъ обольстительною маской?

Ужель безчувственна, мертва и холодна,
Ты лентой радуги и бархатной листвою,
Ты бриллiантами созвѣздiй убрана
И нарумянена зарею,

Чтобъ обмануть меня, нарядомъ ослѣпить
И скрыть чудовищность неправды вопiющей
Чтобъ убаюкать мысль и сердце покорить
Красой улыбки всемогущей,

Чтобъ сталъ я вновь рабомъ, смирясь и позабывъ
Всѣ язвы нищеты, всѣ ужасы разврата
И негодующiй и мстительный порывъ
За брата, гибнущаго брата!...

1883.

* * *

Порой, какъ образъ Прометея,
Подъ вѣчнымъ бременемъ оковъ
Весь родъ людей во мглѣ вѣковъ
Я созерцалъ, благоговѣя.
И я обнять его хотѣлъ
Моими слабыми руками,
И сердцемъ любящимъ скорбѣлъ,
И плакалъ чистыми слезами.
Я за него бы въ этотъ мигъ
Пошелъ на смерть безъ содроганья,
Я жаждалъ пытки и страданья!
Я былъ герой, я былъ великъ.

Но жизнь принять ихъ не хотѣла
Всѣхъ этихъ мукъ и жертвъ, и слезъ;
Ей нужно—вмѣсто пылкихъ грезъ—
Простого, будничнаго дѣла;
Ей нуженъ—не полетъ орла,
Не смѣло поднятыя крылья,
Но терпѣливыя усилья
Порабощеннаго вола.
А тамъ,—за рядомъ дней убитыхъ
Безъ вдохновенья, безъ страстей—
Смерть отъ уколовъ ядовитыхъ,
Смерть—хуже тысячи смертей.
Могу я страстно ждать свободы,
Могу любить я всѣ народы,
Но людямъ нужно отъ меня,
Чтобы въ толпѣ ихъ безпредѣльной
Подъ небомъ пасмурнаго дня
Любилъ я каждаго отдѣльно,—
И кто бы ни былъ предо мной—
Ничтожный шутъ или калѣка,
Чтобъ я нашелъ въ немъ человѣка...
Не мнѣ безсильною душой,
Не мнѣ принять съ вѣнцомъ терновымъ
Такое бремя тяжкихъ узъ:
Предъ этимъ подвигомъ суровымъ
Я не герой, я—жалкій трусъ...

1884.

* * *

И хочу, но не съ силахъ любить я людей:
Я чужой среди нихъ; сердцу ближе друзей—
Звѣзды, небо, холодная, синяя даль
И лѣсовъ, и пустыни нѣмая печаль...
Не наскучитъ мнѣ шуму деревьевъ внимать,
Въ сумракъ ночи могу я смотрѣть до утра

И о чемъ-то такъ сладко, безумно рыдать,
Словно вѣтеръ мнѣ братъ, и волна мнѣ сестра,
И сырая земля мнѣ родимая мать...
А межъ тѣмъ не съ волной и не съ вѣтромъ мнѣ жить,
И мнѣ страшно всю жизнь не любить никого.
Неужели навѣкъ мое сердце мертво?..
Дай мнѣ силы, Господь, моихъ братьевъ любить!

1887.

* * *

Напрасно я хотѣлъ всю жизнь отдать народу:
Я слишкомъ слабъ; въ душѣ—ни вѣры, ни огня...
Святая ненависть погибнуть за свободу
Не увлечетъ меня:

Пускай шумитъ ручей и блещетъ на просторѣ,—
Струи безсильныя смирятся и впадутъ
Не въ безконечное, сверкающее море,
А въ тихій, сонный прудъ.

1887.

* * *

(Отрывокъ).

Любить народъ?.. Какъ часто, полный
Неутолимою тоской,
Въ его невѣдомыя волны
Стремился жадно я душой,
И на немъ мечталъ я, какъ въ нирванѣ,
Отъ жгучей мысли отдохнуть,
И въ этомъ мощномъ океанѣ
Безсильной каплей потонуть.
Но тщетно! Бездною глубокой
Вѣка позорные легли
И оторвали насъ жестоко
Отъ лона матери-земли...
И что я дамъ теперь народу?

Онъ полонъ вѣрою святой;
А я... ни въ Бога, ни въ свободу
Не вѣрю скорбною душой.
Съ неумолимымъ отрицаньемъ
Я не дерзну къ нему итти—
Его учить моимъ страданьямъ
И къ той же гибели вести.
Зачѣмъ покой его разрушу,
И чѣмъ я вѣру замѣню?
Ужель младенческую душу
Сомнѣньемъ жгучимъ отравлю,
Чтобъ онъ въ отчаяньи безплодномъ
Постигъ ничтожность бытія,
И въ мертвой тьмѣ умомъ холоднымъ
Блуждая, мучился, какъ я,
Чтобъ безъ надежды въ глубь эѳира
Съ усмѣшкой горькой онъ взиралъ
И передъ вѣчной тайной міра
Свое безсилье проклиналъ!..
. . . .

1887.

* * *

Тишь и мракъ—въ душѣ моей:
Ни желаній, ни страстей
Блѣдныхъ дней нѣмая цѣпь
Безъ конца уходитъ въ даль,
И мертва моя печаль,
Словно выжженная степь.
Жертвы, жертвы... съ каждымъ днемъ,
Какъ на полѣ боевомъ,
Гибнутъ тысячи бойцовъ.
Мнѣ наскучилъ этотъ міръ
Пытокъ, тюремъ и оковъ,
Мнѣ противенъ буйный пиръ
Торжествующихъ рабовъ,

Боже, скоро ли конецъ!..
Въ сердцѣ—холодъ, грудь—пуста.
Муза сбросила вѣнецъ,
И не манитъ красота:
Ни желаній, ни страстей,—
Тишь и мракъ—въ душѣ моей...

1887.

* * *

Скажи мнѣ, почему, когда въ румяномъ утрѣ
Дельфины прыгаютъ въ серебряныхъ волнахъ,
И снѣгъ Кавказскихъ горъ, какъ жемчугъ въ перламутрѣ,
Таинственно мерцаетъ въ облакахъ,—
Скажи мнѣ, почему душа моя томится
И, возмущенная неполнотой
Всего, что можетъ дать земля, куда стремится
Она, какъ раненая птица,
Съ безсильной, жгучею тоской?...
Скажи мнѣ, почему когда въ блестящей залѣ
Среди молитвенной блаженной тишины,
Какъ духи свѣтлые, надъ нами пролетали
Аккорды полные печали,
Аккорды плачущей струны,
И тихо тихо умирали,—
О, почему въ тотъ мигъ слились мы въ ожиданьи
Того, что никогда, нигдѣ не настаетъ,
И страстно замерли, и думали: вотъ, вотъ—
Насытится безумное желанье,
И что-то дивное, великое придетъ,
Что сразу выкупитъ всѣ прошлыя страданья.
Но смолкла музыка, и въ тишинѣ глубокой
Намъ сердце сжала вновь знакомая тоска,
Какъ чья-то жесткая, холодная рука,
И каждый про себя томился одиноко.
Скажи мнѣ, почему и тамъ, у милыхъ ногъ,

Я не нашелъ того, чего искалъ такъ страстно,
И втайнѣ чувствовалъ, что это все—напрасно,
Хотѣлъ отдаться и не могъ;
И какъ-то холодно я радовался счастью;
Я понялъ, что нельзя съ душою душу слить,
Что никакимъ огнемъ, что никакою страстью—
Моей тоски не утолить...
Скажи мнѣ, почему душа моя томится
И, возмущенная неполнотой
Земной любви, куда, куда она стремится
Съ безсильной, жгучею тоской?

1886.

Осеннее утро.

Непривѣтное утро въ туманѣ сѣдомъ,
Для кого ты, зачѣмъ поднялось?
Безъ румяныхъ лучей въ полумракѣ сыромъ
Ты слезами дождя залилось.

О зачѣмъ ты съ осеннихъ, угрюмыхъ небесъ
Заглянуло съ усмѣшкой нѣмой,
Проникая межъ бархатныхъ складокъ завѣсъ,
Въ благовонный, роскошный покой—

На помятое платье съ увядшимъ цвѣткомъ.
На бокалъ недопитый вина,
Эту спальню красавицы блѣднымъ лучомъ
Пробуждая отъ нѣги и сна?

О, разсвѣтъ, на тебя ей взглянуть тяжело:
Новый день—только новый позоръ...
И горитъ отъ стыда молодое чело,
И поникъ отуманенный взоръ.

Для чего ты, какъ воръ, незамѣтно проникъ
Къ бѣдняку въ его скорбный пріютъ,
Гдѣ усталыя очи смежая на мигъ,
Онъ забылъ недоконченный трудъ?..

У него ты похитилъ минутный покой:
День борьбы и заботъ—впереди,
День постылой работы онъ видитъ съ тоской
Въ наболѣвшей, разбитой груди.

И зачѣмъ ты къ больному на ложе проникъ?
Передъ мертвеннымъ блескомъ твоимъ
Отвратилъ онъ свой блѣдный, измученный ликъ:
Новый день, день страданій предъ нимъ.

И зачѣмъ въ эту келью, печальный разсвѣтъ,
Въ этотъ міръ упоительныхъ грезъ,
Гдѣ такъ страстно мечталъ одинокій поэтъ,
Ты заботу и горе принесъ?

Его лампа померкла въ холодныхъ лучахъ,
И перо онъ роняетъ съ тоской,
И трепещетъ слеза въ его скорбныхъ очахъ,—
Онъ безсиленъ и нѣмъ предъ тобой.

О зачѣмъ тебѣ было надъ міромъ вставать
Передъ этимъ мучительнымъ днемъ,
О зачѣмъ ты намъ не далъ навѣкъ задремать
И забыться во мракѣ ночномъ?

1883.

Voluntas est superior intellectu.
Дунсъ Скоттъ.

Блаженъ, кто цѣль избралъ, кто вышелъ на дорогу,
И мужествомъ бойца и вѣрой надѣленъ,
Кто бросился стремглавъ въ житейскую тревогу,
Кто весь насущною заботой поглощенъ.
Волнуемъ злобой дня, въ работѣ торопливой
Онъ поневолѣ чуждъ сомнѣній роковыхъ,
И некогда ему отыскивать пытливо
Завѣтнаго ключа вопросовъ міровыхъ.
Со знаменемъ въ рукахъ, вступая въ бой кровавый,
Онъ можетъ ранами гордиться предъ толпой,
Онъ можетъ совершить свой подвигъ величавый

И на виду у всѣхъ погибнуть, какъ герой,
Погибнуть, какъ орелъ, что гордо умираетъ,
Пернатою стрѣлой пронзенный въ облакахъ,
И гаснущій зрачокъ на солнце устремляетъ,
Встрѣчая свой конецъ въ родимыхъ небесахъ.
Но горекъ твой удѣлъ, мечтатель безполезный:
Ненуженъ никому, отъ жизни ты далекъ,
И трепетно склонясь надъ сумрачною бездной
Неразрѣшимыхъ тайнъ, ты вѣчно одинокъ...
Струной надорванной мучительнымъ разладомъ,
Твой каждый чуткій нервъ болѣзненно дрожитъ,
И каждый твой порывъ неотразимымъ ядомъ
Сомнѣній роковыхъ въ зародышѣ убитъ.
Въ бездѣйствіи проживъ, погибнешь ты безцѣльно...
Не тронетъ никого твой заунывный плачъ,
Не въ силахъ ничему отдаться нераздѣльно,—
Ты самъ своей души—безжалостный палачъ.
Порой ты рвешься въ даль, надеждой увлеченный,
Но воля скована тяжелымъ мертвымъ сномъ:
Ты недвижимъ, — какъ трупъ, въ безсильи роковомъ,
Ты живъ,—какъ заживо въ могилу погребенный.
Хотя бы вѣчностью влачился каждый мигъ,
Изъ гроба вырваться на волю не пытайся;
Не вылетитъ изъ устъ ни жалоба, ни крикъ,—
Молчи и умирай, терпи и задыхайся.

1884.

* * *

Пройдетъ немного лѣтъ и отъ моихъ усилій,
Отъ жизни, отъ всего, чѣмъ я когда-то былъ,
Останется лишь горсть нѣмой, холодной пыли,
Останется лишь холмъ среди чужихъ могилъ.
Мнѣ кто-то жить велѣлъ; но по какому праву?.
И кто-то, не спросясь, зажегъ въ груди моей
Огонь безцѣльныхъ мукъ и влилъ въ нее отраву
Болѣзненной тоски, порока и страстей.

Откройся, гдѣ же ты, палачъ неумолимый?

. . . .

Нѣтъ, сердце, замолчи... ни звука, ни движенья...
Никто намъ изъ небесъ не можетъ отвѣчать,
И отнято у насъ святое право мщенья:
Намъ даже некого за муки—проклинать!

1885.

* * *

Печальный мертвый сумракъ
Наполнилъ комнату: теперь она похожа
На мрачную, холодную могилу...
Я заглянулъ въ окно: попрежнему въ туманѣ
Возносятся дома, какъ призраки нѣмые;
Внизу по улицѣ прохожіе бѣгутъ,
И клячи мокрыя плетутся въ желтомъ снѣгѣ.
Вотъ лампа подъ зеленымъ абажуромъ
На пятомъ этажѣ у моего сосѣда,
Какъ и всегда, въ обычный часъ зажглась;
Я ждалъ ея, какъ, можетъ-быть, и онъ
Порою ждетъ моей лампады одинокой.
Протяжный благовѣстъ откуда-то уныло
Издалека доносится ко мнѣ...
Перо лѣниво падаетъ изъ рукъ...
Въ душѣ—молчанье, сумракъ...

1886.

* * *

Какъ лѣтней засухой сожженная земля
Тоскуетъ и горитъ, и жаждою томится,
Какъ ждутъ ночной росы усталыя поля,—
Мой духъ къ невѣдомой поэзіи стремится.

Плыветъ, колышется тумановъ бѣлый свитокъ,
И чѣмъ-то мертвеннымъ онъ застилаетъ даль...
Головки васильковъ и блѣдныхъ маргаритокъ
Склонила до земли безмолвная печаль.

Приди ко мнѣ, о ночь, и мысли потуши!
Мнѣ надо сумрака, мнѣ надо тихой ласки:
Противенъ яркій свѣтъ очамъ больной души.
Люблю я темныя, таинственныя сказки...

Приди, приди, о ночь, и солнце потуши!

1887.

* * *

Съ потухшимъ факеломъ мой геній отлетаетъ,
Погасъ на маякѣ дрожащій огонекъ,
И сердце безъ борьбы, безъ жалобъ умираетъ,
Какъ холодомъ ночнымъ обвѣянный цвѣтокъ.
Меня безумная надежда утомила:
Я ждалъ, такъ долго ждалъ, что если бы теперь
Исполнилась мечта, взошло мое свѣтило,
Какъ филина—заря, меня бы ослѣпила
Въ сіяющій эдемъ отворенная дверь.
Весь пылъ души моей истратилъ я на грезы,
Когда настанетъ жизнь, мнѣ нечѣмъ будетъ жить.
Я пролилъ надъ мечтой восторженныя слезы,
Когда придетъ любовь, не хватитъ силъ любить!

1886.

* * *

От книги, лампой озаренной,
Къ открытому окну я обратилъ свой взоръ,
Блестящей бѣлизной бумаги утомленный,
На влажно-голубой, полуночной просторъ.
И слезы въ тотъ же мигъ наполнили мнѣ очи,
И въ нихъ преломлены, все ярче и длиннѣй
Сплетаются лучи таинственныхъ огней,
Что сыплетъ надо мной полетъ осенней ночи.
Склонился я въ окно, и въ пыльную траву
Безплодно падаютъ невѣдомыя слезы;
И плачу я надъ тѣмъ, что завтра эти грезы
Я самъ игрою нервъ, быть-можетъ, назову,

2*

Надъ тѣмъ, что этотъ мигъ всю жизнь не будетъ длиться.
Надъ тѣмъ, что эта ночь окончиться должна,
Я плачу потому, что некому молиться,
Когда молитвою душа моя полна...
А ночь по небесамъ медлительно проходитъ
И вѣетъ свѣжестью, и мнится, что порой
По жаркому лицу холодною рукой
Мнѣ кто-то ласково проводитъ.

1884.

* * *

Когда безмолвныя свѣтила надъ землей
Медлительно плывутъ въ таинственной лазури,
То умолкаетъ скорбь въ душѣ моей больной,
Какъ утихающій раскатъ далекой бури...

Плывутъ безмолвныя свѣтила надъ землей,

И небо саркофагъ съ потухшими мірами,
Сіянье тихихъ звѣздъ и голубая даль
Печалью дышитъ все... Могучими волнами
И у меня въ груди встаетъ твоя печаль,

Огромный саркофагъ съ потухшими мірами!

Однимъ мучительнымъ вопросомъ: для чего?
Вселенная полна, какъ роковымъ сознаньемъ
Глубокой пустоты, базцѣльности всего,
И кажется мы съ ней больны однимъ страданьемъ.

Вселенная полна вопросомъ: для чего?

И тонутъ каплею въ безбрежномъ океанѣ
Земныя горести съ ихъ мелкой суетой
Тамъ, гдѣ-то далеко, въ лазуревомъ туманѣ
И въ необъятности печали міровой,—

Ничтожной каплею—въ безбрежномъ океанѣ.

1886.

* * *

Надъ нѣмымъ пространствомъ чернозема,
Словно уголь, вырѣзаны въ тверди
Темныхъ избъ подгнившая солома,
Старыхъ крышъ разобранныя жерди.

* * *

Солнце грустно въ тучу опустилось,
Не дрожитъ печальная осина;
Въ мутной лужѣ небо отразилось...
И на всемъ—знакомая кручина...

* * *

Каждый разъ когда смотрю я въ поле,—
Я люблю мою родную землю:
Хорошо и грустно мнѣ до боли,
Словно тихой жалобѣ я внемлю.

* * *

Въ сердцѣ миръ, печаль и безмятежность...
Умолкаетъ жизненная битва,
А въ груди—задумчивая нѣжность
И простая, дѣтская молитва...

1887.

* * *

Іюльскимъ вечеромъ слѣдилъ ли ты порою,
Какъ мошекъ золотыхъ веселыя стада
Блестятъ и кружатся надъ дремлющей рѣкою
Въ тотъ тихій часъ, когда янтарною зарею
Облито все—тростникъ и небо, и вода?..
Такъ передъ тѣмъ, чтобъ навсегда
Намъ слиться съ вѣчностью нѣмою,
Не оставляя за собою

Ни памяти, ни звука, ни слѣда,—
Мы всѣ полны на мигъ любовью и весною;
Потомъ,—не вѣдая, зачѣмъ, куда,–
Уносимся мгновенною толпою,
Какъ мошекъ золотыхъ веселыя стада
Въ іюльскихъ сумеркахъ надъ дремлющей рѣкою..

1887.

* * *

Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть
Тоску и желанья,
Уснуть—и не видѣть, не думать, не жить,
Уйти отъ сознанья!
Но тихо ползутъ безконечной чредой
Пустыя мгновенья,
И маятникъ мѣрно стучитъ надо мной...
Ни сна, ни забвенья!..

1887.

Къ смерти.

(Отрывокъ).

Приди, желанная, приди,
И осѣни меня крылами.
И съ нѣжной лаской припади,
Какъ ледъ холодными устами
Къ моей пылающей груди!..

1883.

* * *

Ужъ дышитъ оттепель, и воздухъ полонъ лѣни,
Порой на улицѣ саней неровный бѣгъ
Касается камней, и вечеромъ на снѣгъ
Ложатся отъ домовъ синѣющія тѣни.
Въ груди—разслабленность и кроткая печаль;
Голубка сизая воркуетъ на балконѣ
Межъ колоколенъ трубъ и крышъ на небосклонѣ
Янтарные пары куда-то манятъ въ даль,

И капли падаютъ съ карнизовъ освѣщенныхъ;
Щебечутъ воробьи на вѣткахъ обнаженныхъ,
Изъ городскихъ садовъ, обвѣянныхъ весной,
Ужъ пахнетъ сыростью и рыхлою землей;
И черная кора дубовъ ужъ разогрѣта.
Желанье смутное—въ проснувшейся крови;
Какъ сѣмя подъ землей, такъ зрѣетъ стихъ любви
Въ растроганной душѣ поэта.

1888.

Лѣтнія, душныя ночи
Мучатъ тоскою, вѣютъ безумною страстью,
Блѣдныя, звѣздныя очи
Дышатъ восторгомъ и непонятною властью.

* * *

Съ колосомъ колосъ въ тревогѣ
Шепчетъ о чемъ-то, шепчетъ и вдругъ умолкаетъ,
Бѣлую пыль на дорогѣ
Вѣтеръ спросонокъ въ мертвомъ затишьи вздымаетъ.

* * *

Ярче, все ярче зарница,
На горизонтѣ тучи пожаромъ объяты,
Сердце горитъ и томится
Дальняго грома ближе, все ближе раскаты...

1888.

Смерть Всеволода Гаршина.

Погибъ и онъ... Когда тотъ слухъ къ намъ долетѣлъ,
Не вѣрилось, и въ страхѣ мы внимали,
Мысль отрывалась вдругъ отъ мелкихъ, пошлыхъ дѣлъ,
Отъ будничной заботы и печали;
«И онъ, и онъ погибъ», блѣднѣя, мы шептали,
Насъ ужасъ леденилъ нежданнаго конца;

И что-то пронеслось, и душу намъ смутило,
И содрогнулися безпечныя сердца
Предъ этой новою открывшейся могилой...
Какъ будто всѣ почувствовали вдругъ,
Что слишкомъ близки намъ его мученья,
И что недугъ его—для всѣхъ родной недугъ;
Какъ будто поняли мы сердцемъ на мгновенье
Послѣдній вопль его предсмертныхъ мукъ....
Зачѣмъ такъ много силъ дала ему природа?
Вѣдь съ чуткой совѣстью и страстною душой
Нельзя привыкнуть жить межъ насъ во тьмѣ глухой..
И онъ страдалъ всю жизнь, не находя исхода,
Истерзанъ внутренней, незримою борьбой.
О, горе тѣмъ, кто въ наше время
Проснулся хоть на мигъ отъ рокового сна,—
Какимъ отчаяньемъ душа его полна,
И какъ онъ чувствуетъ тоски гнетущей бремя!
О, горе тѣмъ, кто смѣлъ донынѣ сохранить
Живую душу человѣка,
Кто не успѣлъ въ себѣ сознанья задушить
И кто во прахъ не палъ предъ идолами вѣка!
Въ немъ скорбь за всѣхъ людей была такъ велика,
Что, нѣжнымъ ландышемъ главу къ землѣ склоняя,
На нивѣ жизненной онъ палъ, изнемогая...
Какъ будто ядомъ «Краснаго цвѣтка»
Была отравлена душа его больная...

* * *

Друзья, вотъ безконечный рядъ могилъ,—
Рѣдѣетъ кругъ бойцовъ... не стало лучшихъ силъ.
Все честное хоронимъ мы послушно,
Но долго ли еще намъ, братья, хоронить?..
Вѣдь жизнь теперь, какъ склепъ, гдѣ такъ отъ
труповъ душно,
Что скоро намъ самимъ нельзя въ немъ будетъ жить...
О, если правда въ насъ заглохла не совсѣмъ,
И голосъ совѣсти еще не вовсе нѣмъ,—

Сюда, друзья, сюда на раннюю могилу!
Оплачемъ юныя надежды и мечты...
Подавленную творческую силу,
Оплачемъ нѣжные, убитые цвѣты,
Миръ отстрадавшему!.. Здѣсь, братья, мы сойдемся
Надъ гробомъ тѣсной, дружеской толпой,
И въ общей горести, хотя на мигъ сольемся,
И прахъ его почтимъ горячею слезой.

1888.

* * *

Кой-гдѣ листы склонила внизъ
Грозою сломанная вѣтка,
А дождь сіяющій повисъ,
Какъ брилліантовая сѣтка.
И онъ былъ свѣтелъ и пѣвучъ,
И въ немъ стрижи купались смѣло,
И тамъ, гдѣ падалъ солнца лучъ,
Они сверкали грудью бѣлой
На фонѣ синихъ, грозныхъ тучъ.

1888.

* * *

Въ темныхъ, росистыхъ вѣтвяхъ встрепенулись веселыя птицы,
Ласточки въ небо летятъ съ щебетаньемъ привѣтнымъ
Въ небо, что тихо наполнилось свѣтомъ денницы
Словно глубокая чаша—виномъ искрометнымъ.
И вотъ въ побѣдной багряницѣ
Блеснуло солнце въ облакахъ,
Какъ тріумфаторъ въ колесницѣ
На огнедышащихъ коняхъ.
Все, что живетъ, въ это утро—свѣтло и безпечно,
Ропщетъ одинъ лишь потокъ отъ мятежнаго горя усталый,
И какъ титанъ Прометей, безотвѣтныя скалы
Онъ оглашаетъ рыданьемъ и жалобой вѣчной.

1888.

Восточный миѳъ.

Взлелѣянный въ тиши чертога золотого,
Царевичъ никогда не видѣлъ мукъ и слезъ,
Про зло не говорилъ никто ему ни слово,
И зналъ онъ лишь одно о силѣ черныхъ грозъ,
Что послѣ нихъ въ саду свѣжѣе пурпуръ розъ.
Онъ молвилъ разъ: «Отецъ, мѣшаетъ мнѣ ограда
Смотрѣть, куда летятъ весною журавли,
Мнѣ хочется узнать, что тамъ, за дверью сада,
Мнѣ что-то чудится волшебное вдали...
Пусти меня туда!..» И двери отворились,
И свѣтлый, радостный, едва блеснулъ восходъ,
Царевичъ выѣхалъ на сѣверъ изъ воротъ.
Изъ шелка вѣера и зонтики склонились,
Гремѣла музыка, и амброй дорогой
Кропили путь его, какъ свѣжею росой,
Но вдругъ на улицѣ, усѣянной цвѣтами,
Въ ликующей толпѣ онъ видитъ, какъ старикъ
Съ дрожащей головой съ потухшими очами,
На ветхую клюку безпомощно поникъ.
И конюха спросилъ царевичъ изумленный:
«О, что съ нимъ?.. взоръ его мнѣ душу леденитъ...
Какъ страшенъ блѣдный ликъ и черепъ обнаженный,
Бѣги ему помочь!.. Но конюхъ говоритъ!
«Помочь ему нельзя: то старость роковая,
Съ тѣхъ поръ какъ потерялъ онъ юность и красу,
Покинутый людьми, живетъ онъ, угасая,
Забытъ и одинокъ, какъ старый пень въ лѣсу.
Таковъ удѣлъ земной»...
«О, если такъ, — довольно,
Не надо музыки и пѣсенъ, и цвѣтовъ.
Домой, скорѣй домой!.. Мнѣ тягостно и больно
Смотрѣть на счастіе безсмысленныхъ глупцовъ.
Какъ могутъ жить они, любить и веселиться,

Когда спасенья нѣтъ отъ старости сѣдой;
О, стоитъ ли желать, и вѣрить, и стремиться,
Когда вся жизнь — лишь бредъ! Домой, скорѣй домой!»...

* * *

Семь дней прошло и вновь, едва блеснулъ восходъ,
Царевичъ выѣхалъ на полдень изъ воротъ.
Душистой влагою пропитанныя ткани
Надъ пыльной улицей раскинули навѣсъ,
Свѣтился золотомъ въ дыму благоуханіи
Хоругвій и знаменъ колеблющійся лѣсъ.
Но въ праздничной толпѣ, что весело шумѣла,
Забытый, брошенный, имъ встрѣтился больной.
И песъ ему въ пыли на ранахъ лижитъ гной,
И въ струпьяхъ желтое, измученное тѣло
Отъ холода дрожитъ, межъ тѣмъ какъ знойный бредъ
Зрачки воспламенилъ, и юноша не смѣло
Спросилъ о немъ раба, и рабъ ему въ отвѣтъ:
«Недугъ сразилъ его: мы немощны и хрупки,
Какъ стебли высохшей травы: недугъ—вездѣ,
Въ лобзаньяхъ женщины и въ пѣнящемся кубкѣ,
Въ прозрачномъ воздухѣ и пищѣ и водѣ!...»
И юноша въ отвѣтъ: «О горе! жизнь умчится,
Какъ дѣтская мечта, какъ тѣнь отъ облаковъ,
И вотъ, гдѣ цѣль борьбы, усилій и трудовъ,
И вотъ, во что краса и юность превратится!..
О горе, горе намъ!..» И блѣдный, и нѣмой
Вернулся въ свой чертогъ царевичъ молодой.

* * *

Семь дней прошло, и вновь, едва блеснулъ восходъ,
Царевичъ выѣхалъ на западъ изъ воротъ.
Гирлянды жемчуга таинственно мерцали,
И дѣти лепестки раздавленныхъ цвѣтовъ
За колесницею съ любовью подымали,

И дѣвы, падая у ногъ коней, лобзали
На мягкомъ пурпурѣ разостланныхъ ковровъ
Глубокіе слѣды серебряныхъ подковъ.
Но вдругъ предъ нимъ—мертвецъ: безъ страха, безъ надежды,
Окутанъ саваномъ и холоденъ, и нѣмъ—
Въ недоумѣніи сомкнувшіяся вѣжды
Онъ въ небо обратилъ, чтобы спросить: зачѣмъ?
Рыдали вкругъ него—отецъ, жена и братья,
И волосы рвала тоскующая мать,
Но слышать не хотѣлъ онъ ласки и проклятья,
На жаркія мольбы не могъ онъ отвѣчать.
И юноша спросилъ въ мучительной тревогѣ:
«Ужель не слышитъ онъ рыдающую мать,
Зачѣмъ уста его такъ холодны и строги?»..
Слуга ему въ отвѣтъ: «Онъ мертвъ, онъ навсегда
Ушелъ отъ насъ, ушелъ, невѣдомо куда,
Въ какой-то чудный міръ, безвѣстный и далекій.
И яму выроютъ покойному въ землѣ,
Онъ будетъ тамъ лежать въ сырой, холодной мглѣ,
Безъ помысловъ, безъ чувствъ, забытый, одинокій,
И черви трупъ съѣдятъ, и отъ того, кто жилъ,
Исполненный огня, любви, надеждъ и страха,
Останется лишь горсть покинутаго праха.
Потомъ умрутъ и тѣ, кто такъ его любилъ,
Кто нынѣ гробъ его со скорбью провожаютъ,
За листьями листы подъ вьюгой улетаютъ—
И люди за людьми подъ бурею временъ
Вся жизнь—о гибнувшихъ одинъ лишь стонъ печальный—
Весь міръ—лишь шествіе великихъ похоронъ,
И солнце вѣчное—лишь факелъ погребальный!...»
И юноша молчалъ и, блѣдный, какъ мертвецъ,
Безъ ропота, безъ слезъ вернулся во дворецъ.
Какъ въ нору звѣрь больной, настигнутый врагами,
Бѣжалъ онъ отъ людей, и въ темномъ уголкѣ
Къ колоннѣ мраморной припалъ въ нѣмой тоскѣ,
Пылающимъ лицомъ съ закрытыми глазами,

Забывъ себя и міръ, забывъ причину мукъ,
Лежалъ, не двигаясь,—безчувственный безмолвный...
Ночныя сумерки плывутъ, плывутъ, какъ волны,
И все темнѣй становится вокругъ....

* * *

Съ тѣхъ поръ промчались дни: однажды, въ часъ вечерній
Царевичъ вышелъ въ степь; безъ свиты и рабовъ,
Одинъ среди камней и запыленныхъ терній
Глядѣлъ онъ на зарю, глядѣлъ безъ прежнихъ сновъ
На дальнія гряды темнѣвшихъ облаковъ.
И вдругъ онъ увидалъ: по меркнущей дорогѣ
Въ смиренной простотѣ идетъ къ нему старикъ:
Въ привѣтливыхъ чертахъ—ни горя, ни тревоги
И тихой благостью спокойный дышитъ ликъ.
Онъ не былъ мудрецомъ, учителемъ, пророкомъ,
Простымъ поденщикомъ онъ по-міру бродилъ,
Не въ древнихъ письменахъ, не въ книгахъ находилъ,
А въ сердцѣ любящемъ, свободномъ и широкомъ—
Все то, что о добрѣ онъ людямъ говорилъ.
Одежда грубая, котомка за плечами
И деревянный ковшъ—вотъ все, чѣмъ онъ владѣлъ,
Но дружный съ волею, пустыней и цвѣтами,
На пышные дворцы онъ съ жалостью глядѣлъ.
Съ открытой головой, подъ звѣздной ширью неба
Ночуетъ онъ въ степи и не боится грозъ,
Онъ пьетъ въ лѣсныхъ ключахъ, онъ сытъ лишь коркой хлѣба;
Не страшны для него ни солнце, ни морозъ,
Ни муки, ни болѣзнь, ни злоба, ни гоненья.
Онъ жаждетъ одного: утѣшить, пожалѣть,
Помочь—безъ думъ, безъ словъ и раздѣлить мученья,
И одинокаго любовью отогрѣть.
Онъ весь былъ жалостью и жгучимъ состраданьемъ
Къ животнымъ, паріямъ, злодѣямъ и рабамъ,
Ко всѣмъ страдающимъ, покинутымъ созданьямъ,
Онъ ихъ любилъ, какъ братъ, за что—не зная самъ.

Онъ понялъ ихъ нужду, онъ плакалъ ихъ слезами,
Училъ простыхъ людей и дѣлалъ все, что могъ,
Страдалъ и жилъ, какъ всѣ, не жалуясь на рокъ,
И въ будничной толпѣ работалъ съ бѣдняками.

* * *

Какъ удивился онъ—веселый простодушный—
Изъ устъ царевича услышавъ дѣтскій бредъ,
Что вѣрить нечему, что въ жизни цѣли нѣтъ,
Что человѣкъ—лишь звѣрь порочный и бездушный.
Межъ тѣмъ какъ пламенный мечтатель говорилъ,
Качалъ онъ головой, съ улыбкой добродушной
И съ кроткой жалостью одно ему твердилъ,
Не внемля ничему: «О, если бъ ты любилъ!..»
И отъ него ушелъ царевичъ раздраженный,
Озлобленный больной вернулся онъ въ чертогъ,
На ложе бросился, но задремать не могъ,
И кто-то въ тишинѣ холодной и безсонной
Упрямо на ухо твердилъ ему, твердилъ
Безумныя слова: «О если бъ ты любилъ!..»
Тогда онъ всталъ, взглянулъ на блещущія вазы,
На исполинскій рядъ порфировыхъ столбовъ
Съ каріатидами изваянныхъ слоновъ,
На груды жемчуга, и пурпуръ, и алмазы,
И стыдъ проснулся въ немъ, къ лицу во тьмѣ ночной
Вся кровь прихлынула горячею волной;
«Какъ, въ этой роскоши, не видѣвъ слезъ и муки,
Я жизнь дерзнулъ назвать ничтожной и пустой,
Чтобъ, не трудясь, сложить изнѣженныя руки,
Владѣя разумомъ и силой молодой!..
Какъ будто могъ понять я смыслъ и цѣль вселенной,
Больное глупое, несчастное дитя,
Безъ вѣры, безъ любви рѣшалъ я дерзновенно
Вопросы вѣчные о тайнахъ бытія;
А за стѣной межъ тѣмъ—все громче крикъ и стоны,
И холодно взиралъ я съ высоты моей,

Какъ тамъ во тьмѣ, въ крови тѣснятся милліоны
Голодныхъ, гибнущихъ, истерзанныхъ людей.
На ложѣ золотомъ, облитый ароматомъ
Смотрѣлъ, какъ тысячи измученныхъ рабовъ
Трудились для меня подъ тяжестью оковъ;
Упитанный виномъ, пресыщенный развратомъ
Я гордо спрашивалъ: «Какъ могутъ жить они,
Влача позорные, безсмысленные дни?»
Но прочь отсюда, прочь!.. Душѣ пора на волю—
Туда, къ трудящимся, смиреннымъ и простымъ,
А, только бъ раздѣлить ихъ сумрачную долю,
И слиться, все забывъ, съ ихъ горемъ вѣковымъ!
О, только бъ грудь стыдомъ безплодно не горѣла,
Послѣднимъ воиномъ погибну я въ борьбѣ,
Чтобъ жизнь отдать любви, я выберу себѣ
Глухое, темное, невѣдомое дѣло.
Не думать о себѣ, не спрашивать: зачѣмъ?
На муки и на смерть пойти, не размышляя,
О, лишь тогда въ любви, въ простой любви ко всѣмъ
Я счастье обрѣту, отъ счастья убѣгая!..»

1888.

* * *

Мы въ одной долинѣ о любви мечтали,
Чуждые другъ другу, полные печали,—
Ночью звѣзды тѣ же къ намъ въ окно глядѣли,
Мы внимали той же соловьиной трели,
И, слѣдя, какъ меркнутъ на закатѣ горы,
Сколько разъ встрѣчались въ небѣ наши взоры.
И, любви не зная, оба одиноки—
Были мы такъ близки—близки и далеки...
Мы нашли другъ друга и, полны надежды,
Любимъ безпредѣльно... Но зачѣмъ ты вѣжды
Грустно опустила, стала молчаливѣй...
Развѣ въ этомъ мірѣ можно быть счастливѣй!..
Понялъ я родная: сердце хочетъ снова

Прежней тихой грусти, сумрака ночного,
Хочетъ звѣздъ тѣхъ самыхъ, что въ окно глядѣли,
И давно умолкшей соловьиной трели...
Какъ о мертвомъ другѣ, съ нѣжностью во взорѣ,
Въ эти дни блаженства ты грустишь о горѣ...

1889.

* * *

Дома и призраки людей—
Все въ дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
Въ туманѣ мертвомъ задыхалось.
И мимо каменныхъ громадъ
Куда-то люди торопливо,
Какъ тѣни блѣдныя, скользятъ,
И самъ иду я молчаливо
Куда—не знаю, какъ во снѣ,
Иду, иду, и мнится мнѣ,
Что вотъ сейчасъ я утомленный
Умру, какъ пламя фонарей,
Какъ блѣдный призракъ порожденный
Туманомъ сѣверныхъ ночей.

1889.

* * *

Трепетныя зори
Потухаютъ въ морѣ,
Въ сумрачномъ просторѣ
И поднялся туманъ,
И заснулъ океанъ.
Мертвой зыби волны
Тяжки и безмолвны
Поднимаютъ челны.
Мягко стелется мгла,
И заря умерла.

Звѣзды ночи рады,
И полны отрады,
Тихо, какъ лампады
Въ небѣ блеснутъ,—и вновь
Въ сердцѣ миръ и, любовь.

1889.

* * *

Какъ странникъ путь окончивъ дальній,
Вернувшись радостно домой,
Вступаетъ въ дверь опочивальни,
Гдѣ вѣчный сумракъ и покой,—
Гдѣ ложе, полное отрады,
Гдѣ мирный роскоши дары—
Сквозь шелкъ завѣсы лучъ лампады.
Узорно-темные ковры:
Такъ я гляжу на міръ природы,
На берегъ дремлющій, на лѣсъ,
На успокоенныя воды,
На даль темнѣющихъ небесъ,
И снова радъ душой усталой,
Что тамъ, въ природѣ, отдыхъ ждетъ...
О чемъ ты, сердце, горевало?
Забудь, не стоитъ, все пройдетъ,—
Пройдетъ любовь, пройдутъ мученья,
И, погружаясь въ тишину,
Я непробуднымъ сномъ забвенья
Уснувъ, отъ жизни отдохну.
Безъ думъ, безъ мукъ, безъ грусти прежней
Я внемлю шелесту волны:
Ахъ, эти звуки безмятежнѣй,
Еще спокойнѣй тишины!..
Такъ странникъ, путь окончивъ дальній,
Вернувшись радостно домой,
Вступаетъ въ дверь опочивальни,
Гдѣ вѣчный сумракъ и покой.

1891.

Какъ отъ рожденія слѣпой
Своими тусклыми очами
На солнце смотритъ и порой,
Облитый теплыми лучами,
Лишь улыбается въ отвѣтъ
На ласку утра, но не можетъ
Ея понять, и только свѣтъ
Его волнуетъ и тревожитъ:
Такъ мы порой не смерть глядимъ,
О смерти думаемъ, живые
Все что-то въ ней понять хотимъ,
Понять не можемъ, какъ слѣпые...

1891.

* * *

Я бы людямъ не могъ разсказать, почему
Вы для сердца, о волны родныя,
Только знаю, что чѣмъ непонятнѣй уму,
Тѣмъ я глубже душою пойму
Ваши рѣчи живыя.

Я люблю васъ, не знаю, зачѣмъ и за что,
Только знаю, что здѣсь, передъ вами
Наши пѣсни—ничтожны: вы скажете то,
Что вовѣки не можетъ никто
Разсказать никакими словами.

1892.

Свѣтъ вечерній.

Слѣды заботъ, какъ иглы терній,
Оставилъ въ сердцѣ скорбный день.
Гори же, тихій свѣтъ вечерній,
Привѣтъ тебѣ, ночная тѣнь!
Я жду съ улыбкою блаженной,
Я радъ тому, что жизнь пройдетъ,
Что все прекрасное—мгновенно,
Что все великое умретъ.

Покой печальный и безстрастье—
Удѣлъ того, кто міръ постигъ,
На мигъ—любовь, на мигъ и счастье,
Но сердцу вѣчность—этотъ мигъ

Безъ упованья, безъ тревоги
Отъ капли нектара вкушай,
И прежде, чѣмъ отнимутъ боги,
Ты кубокъ жизни покидай.

Любовь умретъ, какъ лучъ заката,
Но память прошлое хранитъ,
И все, чему ужъ нѣтъ возврата,
Душѣ навѣкъ принадлежитъ.

Да будетъ легкимъ разставанье,
Ты мнѣ, о солнце, подари
Еще послѣднее лобзанье,
Еще послѣдній лучъ зари.

Я слышу въ листьяхъ слабый лепетъ,
Я слышу въ морѣ шопотъ струй,—
Вотъ онъ, послѣдній жизни трепетъ,
Любви послѣдній поцѣлуй!

И ты зашло мое, мое свѣтило!..
Тебя увижу ли я вновь?
Прости же все, что сердцу мило,
Прости, о солнце и любовь!

1892.

Пѣвецъ.

На солнце выхожу изъ тѣни молчаливой,
По влажной колеѣ невѣдомой тропы,
Туда, гдѣ въ полдень серпъ звенитъ надъ желтой нивой,
И золотомъ блестятъ тяжелые снопы.

Благослови, Господь, святое дѣло жизни,
И жатву мирную,—тебѣ угодный трудъ!
Жнецы родныхъ полей когда-нибудь поймутъ,
Что не чужой и ты, пѣвецъ, въ своей отчизнѣ.

Не праздна жизнь твоя, не лгутъ твои уста:
Какъ жатва Господомъ дарованнаго хлѣба,
Святое на землѣ благословенье неба
И вѣчныхъ словъ твоихъ живая красота.
Какъ въ полдень свѣжести отрадной дуновенье
На ликъ согбеннаго, усталаго жнеца—
За безкорыстный трудъ и на главу пѣвца,
Пошли, о Господи, Твое благословенье!

1893.

Въ лѣсу.

Дремлютъ полною луной
Озаренныя поляны.
Бродятъ бѣлые туманы
Надъ болотною травой.
Мертвыхъ вѣтокъ черный ворохъ,
Блѣдныхъ листьевъ слабый лепетъ,
Каждый вздохъ и каждый шорохъ
Пробуждаютъ въ сердцѣ трепетъ.

* * *

Ночь подъ яркимъ блескомъ луннымъ
Холодѣющая спитъ,
И аккордомъ тихострунныкъ
Вѣтерокъ не пролетитъ.
Неразгаданная тайна—
Въ чащахъ лѣса... И повсюду
Тишина—необычайна.
Вѣрю сказкѣ, вѣрю чуду...

1893.

* * *

Нѣтъ, ей не жить на этомъ свѣтѣ:
Она увянетъ, какъ цвѣтокъ,
Что распустился на разсвѣтѣ
И до зари прожить не могъ.

Оставь ее! Печальной жизни
Она не знаетъ, но груститъ;
Иной, невѣдомой отчизнѣ
Ея душа принадлежитъ.
Она лишь птицей мимолетной
Издалека примчалась къ намъ,—
И вновь вернется беззаботно,
Къ своимъ родимымъ небесамъ!

1893.

Спокойствіе.

Мы въ путь выходимъ налегкѣ,
Тому, что жизнь пройдетъ, не вѣримъ
И видимъ счастье вдалекѣ,
И взоромъ прошлаго не мѣримъ.
Но день за днемъ за годомъ годъ
Уходитъ медленное время,
И тяжесть прошлыхъ дней растетъ,
И сердце давитъ жизни бремя.
Теперь, когда я вспомню вдругъ,
Какъ въ жизни дней счастливыхъ мало
И сколько сердце зла и мукъ,
Чтобъ только жить, судьбѣ прощало,—
Въ душѣ усталой нѣтъ слѣда,—
Хотя и грѣшенъ я во многомъ,—
Ни покаянья, ни стыда
Ни предъ людьми, ни передъ Богомъ.
И я молиться не хочу:
Страданья вѣру побѣдили
Нѣтъ даже слезъ—и я молчу
И мнѣ спокойно, какъ въ могилѣ.
Зачѣмъ дрожать? О чемъ молить?
И отъ кого мнѣ ждать прощенья?
Я самъ не долженъ ли простить
Того, кто мнѣ послалъ мученья!

1893.

Сѣрый день.

Какъ этотъ сѣрый день и нѣженъ, и отраденъ!
Къ намъ, дѣтямъ страждущимъ своимъ, какъ мать, полна
Природа жалостью. И вѣтерокъ прохладенъ
И все смиренная объемлетъ тишина.

* * *

Какъ благодаренъ я и какъ доволенъ малымъ!
Не надо солнца намъ: милѣй, чѣмъ яркій лучъ,
Уютный полумракъ—очамъ моимъ усталымъ—
И темныхъ хвойныхъ иглъ, и теплыхъ сѣрыхъ тучъ.

* * *

Я смерти не боюсь и жизни покоряюсь:
Какъ это облако, уснувшее вдали,
И какъ цвѣты—безъ думъ, я только наслаждаюсь
Спокойствіемъ небесъ, спокойствіемъ земли...

1893.

Неуловимое.

Всю жизнь искать я буду страстно,
И не найду, и не пойму,
Зачѣмъ люблю Его напрасно
Зачѣмъ нѣтъ имени Ему.
Оно—въ моей высокой мысли,
Оно—въ тѣни плакучихъ ивъ,
Что надъ гробницею повисли,
Оно—въ тиши родимыхъ нивъ.—
Въ словахъ любви и въ шумѣ сосенъ
И наяву, и въ грезахъ сна,
Въ тебѣ, задумчивая осень,
Въ тебѣ безгрѣшная весна!
Въ страницахъ древнихъ книгъ, въ лазурѣ,
Въ согрѣтомъ матерью гнѣздѣ,

Въ молитвѣ дѣтскихъ дней и въ бурѣ,
Оно—вездѣ, Оно—нигдѣ!
Недостижимо, но сіяетъ,
Едва найду, едва коснусь,
Неуловимо ускользаетъ,
И я одинъ, и я томлюсь.
И возстаю порой мятежно:
Хочу забыть, хочу уйти,
И вновь тоскую безнадежно,
И, знаю, нѣтъ къ Нему пути.

893.

Цвѣты.

Не рви, не рви цвѣтовъ, но къ нимъ чело склони.
Лелѣетъ ихъ весна и радуетъ свобода.
Не разрушай того, что создаетъ природа:
Прими ихъ чистый даръ, ихъ ароматъ вдохни.
Они живутъ, какъ ты, но зло имъ недоступно
О, радуйся тому, что осквернить не могъ
Донынѣ на землѣ рукой своей преступной
Ты хоть одинъ еще забытый уголокъ.
Слова людскихъ молитвъ и суетны, и жалки.
Изъ вашихъ же сердецъ, не вѣдающихъ зла,
О, дочери земли, смиренныя фіалки,
Возносится къ Творцу безмолвная хвала!

1893

Бѣлая ночь.

Столица ни на мигъ въ такую ночь не дремлетъ:
Едва вечерняя слетаетъ полутьма,
Какъ снова блѣдная заря уже объемлетъ
Не небѣ золотомъ огромные дома.
Какъ перья, облаковъ прозрачныя волокна
Сквозятъ, и на домахъ безмолвныхъ и пустыхъ
Мерцаютъ тусклыя, завѣшанныя окна
Зловѣщей бѣлизной, какъ очи у слѣпыхъ,—

Всегда открытыя, безжизненныя очи.
Уходитъ отъ земли свѣтлѣющая твердь...
Въ такія бѣлыя, томительныя ночи—
Подобенъ мраку свѣтъ, подобна жизни смерть.
Когда умолкнетъ все, что духъ мой возмущало,
Я чувствую, что есть такая тишина,
Гдѣ радость и печаль въ единое начало
Сливаются навѣкъ, гдѣ жизни смерть равна.

1894.

Развѣнчанный лѣсъ.

Какъ царь развѣнчанный, стоитъ могучій лѣсъ.
У ногъ его лежитъ пурпурная одежда...
А въ свѣтлой глубинѣ торжественныхъ небесъ
Не хочетъ умереть послѣдняя надежда.

Есть ласка вешняя и въ нѣжности лучей,
Уже слабѣющихъ склоненныхъ и прощальныхъ...
Есть радость вешняя и въ ясности моей,
Въ безстрастьи этихъ думъ глубокихъ и печальныхъ.

Листы увядшіе и мертвые шуршатъ.
И какъ у мертвыхъ тѣлъ, упитанныхъ мастями,
Унылый есть у нихъ могильный ароматъ,
Мнѣ въ душу вѣющій безстрастными мечтами.

И радуетъ меня покой души моей,
И сердце кроткая плѣняетъ безнадежность.
Объемлетъ всѣхъ враговъ, объемлетъ всѣхъ друзей,
Какъ ласка осени,—прощающая нѣжность.

1894.

Краткая пѣсня.

Порой умолкнетъ завыванье
Косматыхъ вѣдьмъ, декабрьскихъ вьюгъ,
И солнца блѣдное сіянье
Сквозь тучи робко вспыхнетъ вдругъ...

Тогда мой садъ гостепріимнѣй,—
Онъ полонъ чуткой тишины,
И въ краткой пѣснѣ птички зимней
Есть обѣщаніе весны!..

1894.

Пчелы.

Они, рѣшая всѣ вопросы,
Друзей и недруговъ язвятъ,
Они, какъ суетныя осы,
Какъ трутни праздные, жужжатъ.
Но ты своимъ смертельнымъ жаломъ,
Поэтъ, не дѣлаешь имъ зла...
Ты знаешь—прелесть жизни—въ маломъ,
Ты извлекаешь, какъ пчела,—
Для Божьихъ сотъ, въ земномъ скитаніи,
Презрѣвъ земную суету,
Изъ всѣхъ цвѣтовъ—благоуханье,
Изъ всѣхъ мученій—красоту?
И счастье—для тебя возможно,
И міръ твой—первобытный рай:
Изъ каждой радости ничтожной
Ты медъ по каплѣ собирай.

1894.

Дѣти.

Увы, мудрецъ сѣдой,
Какъ умъ твой гордый пустъ
И тщетенъ—предъ одной
Улыбкой дѣтскихъ устъ.
Твои молитвы—грѣхъ.
Но чуждъ страстей и битвъ,
Ребенка милый смѣхъ—
Священнѣй всѣхъ молитвъ.
Родного неба вѣсть—
Его глубокій взглядъ,

Онъ радъ всему, что есть,
Онъ только жизни радъ.
Онъ съ горной вышины,
Какъ ангелъ, къ намъ слетѣлъ,
Отъ райской тишины
Проснуться не успѣлъ.
Душа хранитъ слѣды
Своихъ небесныхъ грезъ,
Какъ сонные цвѣты
Росинки Божьихъ слезъ.
1894.

* * *

Эту заповѣдь въ сердцѣ своемъ напиши:
Больше счастья, добра и себя самого
Жизнь люби—выше нѣтъ на землѣ ничего.
Смѣй желать... Если хочешь, иди, согрѣши,
Но да будетъ безстрашенъ, какъ подвигъ, твой грѣхъ.
Въ мукахъ радостный смѣхъ сохрани до конца:
Нѣтъ ни въ жизни, ни въ смерти прекраснѣй вѣнца!
Чѣмъ послѣдній, безстрастный, ликующій смѣхъ,
Смѣхъ дѣтей и боговъ,
Выше зла, выше бурь,
Этотъ смѣхъ, какъ лазурь—
Выше всѣхъ облаковъ...
Есть одна только вѣчная заповѣдь—жить
Въ красотѣ, въ красотѣ, несмотря ни на что,
Ужасъ міра понявъ, какъ не понялъ никто,
Безпредѣльную скорбь безпредѣльно любить!..
1894.

Снѣгъ.

(Посвящается К. С. М.).

Глухимъ путемъ, неѣзжаннымъ,
На блѣдномъ склонѣ дня,
Иду въ лѣсу оснѣженномъ,
Печаль ведетъ меня.

Молчитъ дорога странная,
Молчитъ невѣрный лѣсъ,
Не мгла ползетъ туманная
Съ безжизненныхъ небесъ,—
То вьюга хлопья снѣжные
И мягкой пеленой,
Безшумные, безбрежные,
Ложатся предо мной.
Пушисты хлопья бѣлые,
Какъ пчелъ веселыхъ рой;
Играютъ хлопья смѣлые
И гонятся за мной,
И падаютъ, и падаютъ...
Къ землѣ все ближе твердь...
Но странно сердце радуютъ
Безмолвіе и смерть.
Мѣшается, сливается
Дѣйствительность и сонъ,—
Все ниже опускается
Зловѣщій небосклонъ...
И я иду, и падаю,
Покорствуя судьбѣ,
Съ невѣдомой отрадою
И мыслью о тебѣ.
Люблю недостижимое,
Чего, быть-можетъ, нѣтъ...
Дитя мое любимое,—
Единственный мой свѣтъ!
Твое дыханье нѣжное
Я чувствую во снѣ—
И покрывало снѣжное
Легко и сладко мнѣ.
Я знаю,—близко вѣчное,
Я слышу—стынетъ кровь...
Молчанье безконечное,
И сумракъ, и любовь...

1894.

Пѣсня солнца.

Я наливаю колосъ хлѣба
Благоухающимъ зерномъ
И наполняю чашу неба
Я золотымъ моимъ виномъ;

Приди и пей—кто сколько жаждетъ!
Что значитъ подвигъ или грѣхъ?..
Не бойтесь—надо всѣмъ, что страждетъ,
Непобѣдимъ мой вѣчный смѣхъ!

Изъ всѣхъ пѣвцовъ—я лучшій въ мірѣ:
Какъ на эоловыхъ струнахъ
Люблю играть на вѣчной лирѣ—
На золотыхъ моихъ лучахъ.

И пѣснь моя есть первый лепетъ
Весеннихъ листьевъ, гулъ морей
И въ тучахъ радугъ легкихъ трепетъ,
И ужасъ бурь, и смѣхъ дѣтей.

И полны дивнаго значенья,
Въ неоцѣненной красотѣ,
Спятъ драгоцѣнные каменья,
Мои любимцы, въ темнотѣ,—

Мои загадочныя дѣти
Тамъ, подъ землею, ждутъ меня,
Безмолвный рядъ тысячелѣтій
Мой первозданный лучъ храня.

Люблю, что молодо и смѣло,
Люблю я силу въ красотѣ
И нестыдящееся тѣло
Въ богоподобной наготѣ.

Зачѣмъ, безумецъ, ты не внемлешь,
Потупивъ взоръ слѣпыхъ очей,
И мертвымъ сердцемъ не пріемлешь
Ты евхаристіи моей?

Приди и пей—кто сколько жаждетъ!
Что значитъ подвигъ или грѣхъ?
Не бойтесь—надо всѣмъ что страждетъ.
Непобѣдимъ мой вѣчный смѣхъ!

1894.

Пѣсня вакханокъ.

Пѣвцы любви, пѣвцы печали,
Довольно каждую весну
Вы съ томной нѣгой завывали,
Какъ псы на бѣдную луну!..
Эванъ-Эвоэ! Къ намъ, о Младость,
Унынье—величайшій грѣхъ:
Одинъ есть подвигъ въ жизни—радость,
Одна есть правда въ жизни—смѣхъ!
Да будетъ каждый день украшенъ
Весельемъ, пѣсней и борьбой!..
Какъ львиный ревъ,—могучъ и страшенъ
Смѣхъ Діонисія святой.
Подобно теплой, вешней бурѣ,
Мы, безпощадныя, летимъ...
Намъ вѣчный смѣхъ—какъ блескъ лазури...
Мы смѣхомъ землю побѣдимъ!
Смиримъ надменныхъ и премудрыхъ!..
Скорѣе—къ намъ—и, взявъ одну
Изъ нашихъ дѣвъ змѣинокудрыхъ,
Покинь и скуку, и жену!
Ханжамъ ревнивымъ вы не вѣрьте
И не стыдитесь наготы,
Не бойтесь ни любви, ни смерти,
Не бойтесь нашей красоты!
Эванъ-Эвоэ! Къ намъ, о Младость!
Унынье—величайшій грѣхъ.
Одинъ есть подвигъ въ жизни—радость,
Одна есть правда въ жизни—смѣхъ!
Подобны смѣху наши стоны...

Гряди, всесильный Вакхъ, дерзай,
И всѣ преграды, всѣ законы
Съ невиннымъ смѣхомъ нарушай!
Мы нектаръ жизни выпиваемъ
До дна, какъ боги въ небесахъ,
И смѣхомъ смерть мы побѣждаемъ,
Съ безумьемъ Вакховымъ въ сердцахъ.!.

1894.

Поэтъ.

Сладокъ мнѣ вѣнецъ забвенья темный,
Посреди ликующихъ глупцовъ,
Я иду отверженный, бездомный,
И бѣднѣй послѣднихъ бѣдняковъ.
Но душа не хочетъ примиренья,
И не знаетъ, что такое страхъ;
Къ людямъ въ ней—великое презрѣнье,
И любовь, любовь въ моихъ очахъ:
Я люблю безумную свободу!
Выше храмовъ, тюремъ и дворцовъ,
Мчится духъ мой къ дальнему восходу,
Въ царство вѣтра, солнца и орловъ!..
А внизу, межъ тѣмъ, какъ призракъ темный,
Посреди ликующихъ глупцовъ,
Я иду отверженный, бездомный
И бѣднѣй послѣднихъ бѣдняковъ.

1894.

Зимній вечеръ.

О бѣдная луна
Надъ блѣдными полями!
Какая тишина —
Надъ зимними полями!
О тусклая луна
Съ недобрыми очами....

Кругомъ—покой великъ.
Къ землѣ тростникъ поникъ,
Нагой, сухой и тощій...
Луны проклятый ликъ
Исполненъ злобной мощи...
Къ землѣ поникъ тростникъ,
Большой, сухой и тощій...
Вороны хриплый крикъ
Изъ голой слышенъ рощи.
А въ небѣ—тишина—
Какъ въ оскверненномъ храмѣ...
Какая тишина—
Надъ зимними полями!
Преступная луна,
Ты ужасомъ полна—
Надъ яркими снѣгами!..

1895.

Рабство любви.

Съ усильемъ тяжкимъ и безплоднымъ
Я цѣль любви хочу разбить:
О, если бъ вновь мнѣ быть свободнымъ,
О, если бъ могъ я не любить!
Душа, полна стыда и страха,
Влачится въ прахѣ и крови.
Очисти душу мнѣ отъ праха,
Избавь, о Боже, отъ любви!
Ужель не побѣдима жалость?
Напрасно Бога я молю:
Все безнадежнѣе усталость,
Все безконечнѣе люблю.
И нѣтъ покоя, нѣтъ прощенья.
Мы всѣ рабами рождены,
Мы всѣ на смерть и на мученья,
И на любовь обречены.

1895.

То, чѣмъ я былъ.

Скажите мнѣ, за что люблю, о волны,
Вашъ сладостный и непонятный шумъ,
Когда всю ночь ему внимаю, полный
Таинственныхъ и несказанныхъ думъ...
Измѣнчивы, какъ я, и неизмѣнны,
Вы боретесь, и нѣтъ вамъ тишины,
И все-таки вы праздны и блаженны
И олимпійской рѣзвостью полны.
Вы любите безумныя тревоги
И тихую, глубокую лазурь,
И каждый разъ еще яснѣй, какъ Боги,
Съ улыбкою выходите изъ бурь.
И страстнаго вы учите безстрастью—
Не вѣрить злу людскому и добру,
Быть радостнымъ и не стремиться къ счастью
И жизнь любить, какъ вѣчную игру.
И мудрости вы учите свободной,—
Все пѣніемъ и смѣхомъ побѣждать,
И въ красотѣ великой и холодной
Безцѣльно жить, безцѣльно умирать.
Вашъ вольный шумъ—для сердца укоризна.
Мой духъ влечетъ къ вамъ древняя любовь.
Не прахъ земли, а вы—моя отчизна,
Вы—то чѣмъ былъ и чѣмъ я буду вновь!..

1895.

Не надо звуковъ.

Духъ Божій вѣетъ надъ землею.
Недвиженъ прудъ, безмолвенъ лѣсъ;
Учись великому покою
У вечерѣющихъ небесъ.

Не надо звуковъ: тише, тише,
У молчаливыхъ облаковъ

Учись тому теперь, что выше
Земныхъ желаній, дѣлъ и словъ.

1895.

* * *

И вновь, какъ въ первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ страданья,
Какъ будто въ сердцѣ нѣтъ грѣха.
Не надо мнѣ любви и славы.
Въ молчаньи утреннихъ полей
Дышу, какъ дышатъ эти травы.
Ни прошлыхъ, ни грядущихъ дней
Я не хочу пытать и числить:
Я только чувствую опять,
Какое счастіе—не мыслить,
Какая нѣга—не желать.

1896.

Родное.

Далекихъ стадъ унылое мычанье
И близкій шорохъ свѣжаго листа...
Потомъ опять—глубокое молчанье...
Родимыя, печальныя мѣста!
Протяжный гулъ однообразныхъ сосенъ,
И бѣлые, сыпучіе пески...
О, блѣдный май, задумчивый, какъ осень!..
Въ поляхъ затишье полное тоски...
И крѣпкій запахъ молодой березы,
Травы и хвойныхъ иглъ, когда порой,
Какъ робкія, безпомощныя слезы,
Струится теплый дождь во тьмѣ ночной.
Здѣсь—тише радость и спокойнѣй горе,
Живешь какъ въ миломъ и безгрѣшномъ снѣ,
И каждый мигъ, подобно каплѣ въ морѣ,
Теряется въ безстрастной тишинѣ.

1896.

* * *

Увы! Что сдѣлалъ жизни холодъ.
Съ душой печальною: туда,
Гдѣ ты былъ радостенъ и молодъ,
Не возвращайся никогда!

* * *

Все такъ же розовъ цвѣтъ миндальный,
И ночью море дышитъ вновь.
Но гдѣ восторгъ первоначальный,
Гдѣ наша прежняя любовь?
Мгновенья счастья стали рѣже.
На высяхъ горъ вечерній свѣтъ,
Долины, рощи, волны—тѣ же,
И только молодости нѣтъ!

1896.

Передъ грозой.

Не пылитъ еще дорога,—
Но вездѣ уже тревога,
Непонятная тоска.
Утомительно для слуха
Гдѣ-то ноетъ, ноетъ муха
Въ тонкой сѣткѣ паука

* * *

И похожъ далекій громъ
На раскатъ глухого смѣха.
Въ черной тьмѣ, въ лѣсу ночномъ—
Грозовой тяжелый запахъ,
Удушающаго мѣха,
Въ небѣ—гулъ глухого смѣха.

О, тяжелый, душный запахъ!
Этотъ мракъ не успокоитъ,—
Сердце бьется, сердце ноетъ,
Въ сердцѣ—вѣщая тоска.
Гдѣ-то муха ноетъ въ лапахъ,
Въ страшныхъ лапахъ паука...

1896.

Зимніе цвѣты.

Въ эти бѣлые дни мы живемъ, какъ во снѣ.
Наше сердце баюкаетъ нѣга
Чьихъ-то ласкъ неживыхъ въ гробовой тишинѣ
Усыпительно мягкаго снѣга.
Если въ комнатѣ ночью при лампѣ сидишь,—
Зимній городъ молчитъ за стѣною,
И такая кругомъ безконечная тишь,
Какъ на днѣ, глубоко подъ водою.
Даже снѣгъ въ переулкѣ ночномъ не хруститъ.
Съ каждымъ днемъ въ моей кельѣ все тише,
Только саванъ холодный и нѣжный блеститъ
При лунѣ на бѣлѣющей крышѣ.
И подобье прозрачныхъ невиданныхъ розъ—
По стеклу ледяныя растенья
Ночью въ лунномъ сіяніи чертитъ морозъ
Невозможныхъ цвѣтовъ сновидѣнья.

1897.

Спокойствіе.

Мы близки къ вѣчному концу,
Но не возропщемъ на Создателя...
Уже не въ зеркалѣ гадателя,
Мы видимъ смерть лицомъ къ лицу.
Всю жизнь безвыходнымъ путемъ,
Сквозь щели узкія, бездонныя,
Во тьмѣ, кроты слѣпорожденные,
Къ могилѣ ощупью полземъ,—

Къ той черной ямѣ, къ западнѣ,
Гдѣ ожидаетъ неизвѣстное,—
Сквозь подземелье жизни тѣсное
Идемъ и бродимъ, какъ во снѣ,

И шепчемъ: скоро ли конецъ?
Верховной Волѣ покоряемся,
За жизнь безумно не цѣпляемся,
Какъ утопающій пловецъ....

Съ печатью смерти на челѣ,
Искали правды въ беззаконіи,
Искали въ хаосѣ гармоніи,
Искали мы добра во злѣ,—

Затѣмъ, что насъ покинулъ Богъ:
Отвергнувъ ангела хранителя,
Мы звали духа-соблазнителя,
Но намъ и дьяволъ не помогъ.

Теперь мы больше не зовемъ,
Передъ дверями заповѣдными,
Блуждая призраками блѣдными,
Мы не стучимся и не ждемъ.

Мы успокоились давно:
Надежды нѣтъ и нѣтъ раскаянья,
И полны тихаго отчаянья,
Мы опускаемся на дно.

1897.

Воля.

Слышишь, гдѣ-то далеко
Плачетъ колоколъ?
Какъ душѣ моей легко
Въ одиночествѣ!
По невѣдомой тропѣ,
Въ блѣдныхъ сумеркахъ,
Ухожу къ нѣмой толпѣ
Скалъ нахмуренныхъ.

От҃ъ враговъ и отъ друзей.
Въ тихой пропасти,—
Только тамъ, гдѣ нѣтъ людей,
Легче дышится...
Въ счастьи друга не зови:
Молча, радуйся.
Сердцу сладостнѣй любви—
Воля дикая.

1897.

* * *

Синѣетъ море слишкомъ ярко,
И въ глубинѣ чужихъ долинъ
Подъ зимнимъ солнцемъ рдѣетъ жарко
Благоуханный апельсинъ.

Но цѣломудрены и жалки,
Вы сердцу чуткому милѣй,
О безуханныя фіалки
Родимыхъ сѣверныхъ полей!

1897.

Поэту нашихъ дней.

Молчи, поэтъ, молчи: толпѣ не до тебя.
До скорбныхъ думъ твоихъ кому какое дѣло?
Твердить былой напѣвъ ты можешь про себя.—
Его намъ слушать надоѣло...

Не каждый ли твой стихъ сокровища души
За славу мнимую безумно расточаетъ,—
Такъ за глотокъ вина послѣдніе гроши
Порою пьяница бросаетъ.

Ты опоздалъ, поэтъ: нѣтъ въ мірѣ уголка,
Въ груди такого нѣтъ блаженства и печали,
Чтобъ тысячи пѣвцовъ объ нихъ во всѣ вѣка,
Во всѣхъ краяхъ не повторяли.

Ты опоздалъ, поэтъ: твой міръ опустошенъ,—
Ни колоса—въ поляхъ, на деревѣ—ни вѣтки;
Отъ сказочныхъ пировъ счастливѣйшихъ временъ
Тебѣ остались лишь объѣдки...

Попробуй слить всю мощь страданій и любви
Въ одинъ безумный вопль; въ негодованьи гордомъ
На лирѣ и въ душѣ всѣ струны сборви
Однимъ рыдающимъ аккордомъ,—

Ничто не шевельнетъ потухшія сердца,
Въ священномъ ужасѣ толпа не содрогнется,
И на послѣдній крикъ послѣдняго пѣвца
Никто, никто не отзовется!

1884.

* * *

.... Онъ сидѣлъ на гранитной скалѣ;
За плечами поникли два темныхъ крыла.
А внизу между тѣмъ на далекой землѣ
Разстилалась вечерняя мгла,
И какъ робкія звѣзды въ прозрачной тѣни,
Въ городахъ въ этотъ часъ зажигались огни.
И сидѣлъ онъ и думалъ: «какъ счастливы тѣ,
Кто для сна въ этотъ мигъ могутъ очи сомкнуть!
Только мнѣ одному никогда не уснуть:
Повелитель міровъ на нѣмой высотѣ
Съ безграничною властью моей, —
Я завидую участи жалкихъ людей,
А завидую тѣмъ, кто ничтоженъ и слабъ,
Кто жестокому небу послушенъ, какъ рабъ,
Кто надъ грудами золота жадно поникъ,
Кто безумно ликуетъ надъ жертвой въ крови,
Кто въ объятьяхъ блудницы забылся на мигъ,
Кто виномъ опьяненъ, кто отдался любви,—
Только бъ чѣмъ-нибудь скорбныя думы унять,
Только бъ мертвую скуку въ груди заглушивъ,
Охватилъ бы всю душу могучій порывъ,

Только бъ боль отъ сознанья могла перестать:
Эта боль хуже всѣхъ человѣческихъ мукъ!
Исчезаютъ міры, пролетаютъ вѣка,
Но сознанье мое — заколдованный кругъ,
Но темница моя — роковая тоска!
Я могу потушить милліоны планетъ, —
Но лишь сердце въ груди я убить не могу:
Отъ него въ цѣломъ мірѣ спасенія нѣтъ,
        Отъ него я напрасно бѣгу.
Вѣчно все до послѣдняго атома знать —
        Формы, звуки, движенья, цвѣта —
Знать, какой вопіющій обманъ красота,
И что кромѣ обмана намъ нечего ждать,
        Что за нимъ — пустота!...
И нельзя умереть, позабыться, уйти,
Ни забвенья, ни мира нигдѣ не найти!
Смерти, смерти!»...
                                        И въ грозный, далекій предѣлъ,
Гдѣ лишь хаосъ царитъ, гдѣ кончается міръ,
        Сквозь мерцающій синій эѳиръ
Онъ, какъ черная туча, стремглавъ полетѣлъ.
Но напрасно руками онъ очи закрылъ
И роптала, и метался, — забвенія нѣтъ:
Ураганъ метеоровъ, и звѣздъ, и планетъ,
        И надъ грудами груды свѣтилъ
Выступаютъ во мглѣ, издѣваясь надъ нимъ;
И страдающій Духъ, жаждой смерти томимъ,
        Будетъ вѣчно стремиться впередъ,
Но покоя нигдѣ, никогда не найдетъ.

1885

* * *

Порой, когда мнѣ въ грудь отчаянье тѣснится,
И я смотрю на міръ съ проклятіемъ въ устахъ,—
Въ душѣ безумное веселье загорится,
Какъ отблескъ молніи въ свинцовыхъ облакахъ:

Такъ звонкій ключъ изъ нѣдръ подземнаго гранита,
Внезапно вырвавшись, отъ счастія дрожитъ,—
И сразу въ этотъ мигъ неволя позабыта,
И въ буйной радости онъ блещетъ и гремитъ.

1887.

Больной.

День ото дня все чаще и грустнѣе
Я къ зеркалу со страхомъ подхожу,
И какъ лицо мое становится блѣднѣе,
Какъ меркнетъ жизнь въ очахъ, внимательно слѣжу.
Взгляну ли я въ окно,—на даль полей и неба
Ложится тусклое, огромное пятно;
И прежній, сладкій вкусъ вина, плодовъ и хлѣба
Я позабылъ уже давно...
При звукахъ дѣтскаго плѣнительнаго смѣха
Мнѣ больно; и порой, въ глубокой тишинѣ
Людскіе голоса какимъ-то дальнимъ эхо
Изъ ближней комнаты доносятся ко мнѣ.
Въ словахъ друзей моихъ ловлю я сожалѣнье,
Я вижу, какъ со мной имъ трудно говорить,
Какъ въ ихъ неискреннемъ, холодомъ утѣшеньи
Проглядываетъ мысль: «тебѣ не долго жить!»
А между тѣмъ я умереть не въ силахъ:
Пока есть капля крови въ жилахъ,
Я слишкомъ жить хочу, я не могу не жить!
Пускай же мнѣ грозятъ борьба, томленье, муки
И послѣ приступовъ болѣзни роковой—
Дни, мѣсяцы, года тяжелой, мертвой скуки,—
Я все готовъ терпѣть съ покорностью нѣмой,
Но только бъ у меня навѣкъ не отнимали
Янтарныхъ облаковъ и безконечной дали;
Но только бъ не совсѣмъ изъ міра я исчезъ,
И только бъ иногда мнѣ посмотрѣть давали
На маленькій клочокъ лазуревыхъ небесъ!

1885.

* * *

Съ тобой, моя печаль, мы старые друзья:
Бывало, дверь на ключъ ревниво запирая,
Приходишь ты ко мнѣ, задумчиво-нѣмая,
Во взорахъ темное предчувствіе тая;
Холодную, какъ ледъ, но ласковую руку
На сердце тихо мнѣ кладешь
И что-то милое, забытое поешь,
Что навѣваетъ грусть, что утоляетъ муку.
И голубымъ огнемъ горятъ твои глаза,
И въ нихъ дрожитъ, и съ нихъ упасть не можетъ,
И сердце мнѣ таинственно тревожитъ
Большая, кроткая слеза....

1884.

Весна.

Лучи, что изъ окна ко мнѣ на столъ упали,
Весенній гамъ и крикъ задорныхъ воробьевъ,
На темной лѣстницѣ далекій звукъ рояли,
Или лазурь небесъ, что ярко засіяли
Тамъ, межъ кирпичныхъ стѣнъ тѣснящихся домовъ,—
Вотъ все, что нужно мнѣ для смутнаго волненья.
Когда бываешь радъ, не вѣдая чему,
И хочется рыдать, и жаждешь вдохновенья,
Когда забыть готовъ суровую зиму.
Я счастливъ только тѣмъ, что позабылъ мученья,
Что все-таки мнѣ милъ и дорогъ Божій свѣтъ,
Что скоро будетъ май, и зашумятъ дубравы,
Я счастливъ, какъ дитя, тѣмъ, что мнѣ двадцать лѣтъ,
Я счастливъ безъ любви, безъ гордыхъ дѣлъ и славы.
Ко мнѣ, мечты, ко мнѣ! въ блистательный туманъ
Окутайте мнѣ взоръ и дерзкій умъ свяжите,
О повторите вновь божественный обманъ,
И чтобъ я счастливъ былъ, про счастье мнѣ солгите!

1885.

* * *

Когда вступалъ я въ жизнь, мнѣ рисовалось счастье,
Какъ свѣтлый чудный садъ, гдѣ вѣтерокъ качалъ
Гирлянды бѣлыхъ розъ, не знающихъ ненастья,
И легкія струи фонтановъ колебалъ,
Гдѣ кружевомъ взвились причудливыя зданья,
И башенъ, и зубцовъ такъ нѣженъ былъ узоръ,
Что въ розовомъ огнѣ вечерняго сіянья
Просвѣчивалъ насквозь ихъ матовый фарфоръ;
Толпу нарядныхъ женъ баюкали гондолы,
Роняя за собой надъ зеркаломъ прудовъ
То складки бархата и звуки баркароллы,
То вздохи мандолинъ и лепестки цвѣтовъ.
На гладкихъ лѣстницахъ изъ чернаго агата
Павлины нѣжились, и въ чудные цвѣта
Окрашивался блескъ ихъ пышнаго хвоста;
И всюду—музыка, и волны аромата,
И надо всѣмъ любовь, любовь и красота...
Но жизнь была не рай, а трудъ во мглѣ глубокой,
Унылый, вѣчный трудъ сегодня, какъ вчера,
Безсонницы ночей, нѣмые вечера
Въ рабочей комнатѣ при лампѣ одинокой,
За то бываютъ дни, когда я сознаю,
Что въ мукахъ и борьбѣ есть что-то мнѣ родное,
Такое близкое и сердцу дорогое,
Что я почти готовъ любить печаль мою,
Любить на днѣ души болѣзненныя раны
И сѣрый полумракъ, и холодъ, и туманы.
За прежній міръ надеждъ, лазури, нѣгъ и розъ,
Быть-можетъ, я не дамъ моихъ страданій милыхъ
И бѣдной комнаты, и сумерекъ унылыхъ,
И тайныхъ жгучихъ слезъ...

1885.

Совѣсть.

Поэтъ, у ногъ твоихъ волнуется, какъ море,
Голодная толпа и ропщетъ, и грозитъ;
Стучится робко въ дверь безпомощное горе,
И призракъ нищеты въ лицо тебѣ глядитъ,—
А ты... изнѣженный, больной и пресыщенный,
Ты заперся на ключъ отъ воплей и скорбей;
Не начиная жить, ты жизнью устрашенный,
Бѣжалъ, закрывъ глаза, отъ міра и людей.
Надъ книгой ты скорбѣлъ, ты плакалъ надъ собою,
И, презирая трудъ, о подвигахъ мечталъ,
И, въ праздности гордясь печалью міровою,
Стенаньямъ гибнущихъ безчувственно внималъ.
Игралъ ты, какъ дитя, въ искусство и науку.
Въ уютной комнатѣ ты для голодныхъ пѣлъ
Свою развратную, безсмысленную скуку,
И хлѣбъ чужой, какъ воръ, всю жизнь безпечно ѣлъ.
Объ истинѣ кричалъ, но въ истину не вѣрилъ,
И чувства мнимаго любуясь красотой,
Какъ въ зеркалѣ актеръ любуется собой,—
Въ слезахъ раскаянья ты лгалъ и лицемѣрилъ!
Что могъ бы ты сказать измученному міру?
Кому свою печаль ничтожную поешь?..
Твой безполезный стихъ—кощунственная ложь;—
Разбей ненужную, безсмысленную лиру!..
Съ людьми ты не хотѣлъ бороться и страдать,
Ни разу на мольбу ты не далъ имъ отвѣта,
И смѣешь ты себя, безумецъ, называть
Священнымъ именемъ поэта!...

1887.

Пророкъ Іеремія.

О, дайте мнѣ родникъ, родникъ воды живой!
Я плакалъ бы весь день, всю ночь въ тоскѣ нѣмой
Слезами жгучими о гибнущемъ народѣ.

О, дайте мнѣ пріютъ, пріютъ въ степи глухой!
Покинулъ бы навѣкъ я край земли родной,
Ушелъ бы отъ людей скитаться на свободѣ.
Зачѣмъ меня, Господь, на подвигъ Ты увлекъ?
Открою лишь уста, въ устахъ моихъ—упрекъ...
Но ненавистенъ Богъ—служителямъ кумира!
Усталъ я проклинать насилье и порокъ;
И что имъ истина, и что для нихъ пророкъ!
Отъ сна не пробудить царей и сильныхъ міра...
И я хотѣлъ забыть, забыть въ чужихъ краяхъ
Народъ мой, гибнущій въ позорѣ и цѣпяхъ.
Но я не могъ уйти—вернулся я въ неволю.
Огонь—въ моей груди, огонь—въ моихъ костяхъ...
И какъ мнѣ удержать проклятье на устахъ?
Оно сожжетъ меня, но вырвется на волю!..

1887.

Развалины.

Въ тотъ день укрѣпленные города будутъ какъ развалины въ лѣсахъ, и будетъ пусто.

Кн. Исаія XVII.

То былъ зловѣщій сонъ: по дебрямъ и лѣсамъ,
Казалось, я блуждалъ, не находя дороги;
Ползли надъ головой, нахмурены и строги,
Гряды свинцовыхъ тучъ по блѣднымъ небесамъ;
И вѣтеръ завывалъ, гуляя на просторѣ,
И воронъ, каркая, кружился надо мной;
И нелюдимый боръ, какъ сумрачное море,
Таинственно гудѣлъ въ пустынѣ вѣковой...
И вотъ, когда я шелъ кустарникомъ дремучимъ,
Во мракѣ увидалъ я груды кирпичей;
Покрыты были мхомъ расщелины камней,
И плиты поросли репейникомъ колючимъ.
По шаткимъ ступенямъ спустился я къ рѣкѣ,
Гдѣ арки отъ мостовъ и темныя громады

Низверженныхъ бойницъ чернѣли вдалекѣ.
Клубящійся туманъ опуталъ амфилады
Разрушенныхъ дворцовъ и волны, и лѣса;
И палевой зари желтѣла полоса
Межъ дремлющихъ столбовъ гранитной колоннады;
И разстилалъ заливъ безжизненную даль
Едва мерцавшую, какъ матовая сталь.
То правда или нѣтъ, но мнилось, что когда-то
Бродилъ я много разъ по этимъ берегамъ:
И сердце дрогнуло, предчувствіемъ объято...
О нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю я очамъ!
Въ столицѣ молодой все пышно и богато,
Тамъ—жизнь и суета, а здѣсь лишь дикій боръ,
Вѣнчая мертвый прахъ покинутыхъ развалинъ.
Уходитъ безъ конца въ невѣдомый просторъ;
И шумъ его вѣтвей, торжественно-печаленъ,
Доносится ко мнѣ, какъ грозный приговоръ:
«— Тебя я побѣдилъ, отверженное племя!
Довольно вамъ грозить желѣзомъ и огнемъ,
Безсильные рабы! Мое настало время,
И снова мой наметъ раскинулъ я кругомъ.
Мои кудрявыя, зеленыя дружины
Я приступомъ повелъ съ полуночныхъ пустынь
На величавый рядъ незыблемыхъ твердынь,
И вотъ въ пыли лежатъ ихъ жалкія руины!...»
Но шопоту деревъ я крикомъ отвѣчалъ:
— О нѣтъ, неистребимъ нашъ свѣтлый идеалъ!
Надѣяться и ждать, любить и ненавидѣть,
И кровью истекать въ мучительной борьбѣ,
Чтобъ зданіе вѣковъ въ развалинахъ увидѣть,
О, нѣтъ, могучій лѣсъ, не вѣрю я тебѣ!
И смѣло проложу я путь къ желанной цѣли!...»
А сосны мрачныя попрежнему шумѣли,
И мнѣ насмѣшливо кивали головой,
И я бѣжать хотѣлъ съ безумною тоской,
Но лѣсъ меня хваталъ колючими вѣтвями,
Какъ будто длинными, костлявыми руками;

И рвался я впередъ и, ужасомъ объятъ,
Проснулся наконецъ... Съ какимъ порывомъ жаднымъ
Я бросился къ окну, какъ былъ я дѣтски радъ,
Какъ стало для меня все милымъ и отраднымъ:
И утра блѣднаго сырая полутьма,
И вѣчный гулъ толпы на улицѣ широкой,
Свистковъ протяжный вой на фабрикѣ далекой,
И тяжкій громъ колесъ, и мокрые дома.
Пусть небо надо мной безжизненно и мутно...
Я тѣхъ, кого вчера презрѣніемъ клеймилъ,
Изъ глубины души теперь благословилъ!
О, какъ поближе къ нимъ казалось мнѣ уютно,
Какъ просто и тепло я вновь ихъ полюбилъ!

1884.

Солнце.

(Мексиканское преданіе).

Въ дни былые солнце грѣть устало:
Безъ лучей, безъ жизни и тепла
Въ небесахъ, какъ трупъ, оно лежало;
И покрыла міръ ночная мгла.

Въ темнотѣ рыбакъ не видѣлъ сѣти,
Звѣроловъ капканы потерялъ,
Люди въ страхѣ плакали, какъ дѣти,
И повсюду голодъ наступалъ.

Но герой Тонати златокудрый
Міръ спасти отъ гибели хотѣлъ
И на край земли—спокойный, мудрый—
Онъ пошелъ въ невѣдомый предѣлъ.

Наклонясь къ обрывистому краю,
Онъ воскликнулъ, бездну увидавъ:
«Я за васъ, о люди, умираю!...»
И впередъ онъ кинулся стремглавъ.

Но порывъ любви непобѣдимой
Спасъ его, и, хаосомъ объятъ,

Какъ алмазъ, прошелъ онъ невредимо
Чрезъ огонь и смерть, и самый адъ.

И для міра новое свѣтило,
Онъ блеснулъ, какъ молнія въ ночи,
Онъ дышалъ божественною силой,
Разсыпалъ побѣдные лучи.

Солнце, солнце!... весь преображенный,
То герой на небо восходилъ:
Темный міръ, страданьемъ утомленный,
Онъ любовью кротко озарилъ.

1886.

* * *

Весь этотъ жалкій міръ отчаянья и муки,
Земля и сводъ небесъ, моря и выси горъ,
Всѣ впечатлѣнія, всѣ образы и звуки,
Весь этотъ пасмурный и тѣсный кругозоръ
Мнѣ кажутся порой лишь грезою ничтожной,
Лишь дымкой легкою надъ бездной пустоты,
Толпою призраковъ мелькающихъ тревожно
И бредомъ тягостнымъ болѣзненной мечты.
И сердце робкое сжимается тоскливо,
И жалко мнѣ себя, и жалко мнѣ людей,
Во власть покинутыхъ судьбѣ несправедливой,
Во тьмѣ блуждающихъ толпою сиротливой,
Природой-мачехой обиженныхъ дѣтей...
Негодованіе безсильныхъ замираетъ,
И чувства новаго рождается порывъ,
И трепетную грудь высоко подымаетъ
Какой-то нѣжности ласкающій приливъ,
Какой-то жалости внезапное волненье,
Участіе ко всѣмъ, кто терпитъ, какъ и я,
Тревогу тѣхъ же думъ, такія же сомнѣнья,
Кто такъ же изнемогъ подъ ношей бытія.
За горькій ихъ удѣлъ я полонъ къ нимъ любовью,

Я все готовъ простить—порокъ, вражду и зло,
Готовъ пойти на казнь, чтобъ сердце жаркой кровью,
Терзаемо за нихъ, по каплѣ истекло!..

1883.

На птичьемъ рынкѣ.

(Изъ Анри Казалиса).

Тоскуя въ клѣткѣ, опустилъ
Орелъ безпомощныя крылья,
Зрачки лѣниво онъ смежилъ
Въ тупомъ отчаяньи безсилья...

А рядомъ—мирный уголокъ,
Гдѣ о свободѣ не горюя,
Съ голубкой счастливъ голубокъ,
Цѣлуясь, нѣжась и воркуя...

И полонъ дикой красоты,
Порой кидаетъ взоръ надменный
Орелъ на ласки той четы,
Ничтожной, пошлой и блаженной.

1884.

* * *

«Христосъ воскресъ» поютъ во храмѣ;
Но грустно мнѣ... душа молчитъ:
Міръ полонъ кровью и слезами,
И этотъ гимнъ предъ алтарями
Такъ оскорбительно звучитъ.
Когда бы Онъ былъ межъ насъ и видѣлъ,
Чего достигъ нашъ славный вѣкъ,
Какъ брата братъ возненавидѣлъ,
Какъ опозоренъ человѣкъ,
И если бъ здѣсь въ блестящемъ храмѣ
«Христосъ воскресъ» Онъ услыхалъ,

Какими бъ горькими слезами
Передъ толпой Онъ зарыдалъ!

Пусть на землѣ не будетъ, братья
Ни властелиновъ, ни рабовъ,
Умолкнутъ стоны и проклятья
И стукъ мечей, и звонъ оковъ,—
О лишь тогда, какъ гимнъ свободы,
Пусть загремитъ: «Христосъ воскресъ»
И намъ отвѣтятъ всѣ народы:
«Христосъ воистину воскресъ!»

1887.

* * *

О жизнь, смотри:—во мглѣ унылой
Не отступилъ я подъ грозой:
Еще помѣримся мы силой,
Еще поборемся съ тобой!

Нѣтъ, съ робкимъ плачемъ и смиреньемъ
Не мнѣ у ногъ твоихъ лежать:
Я буду смѣхомъ и презрѣньемъ
Твои удары отражать.

Чѣмъ глубже мракъ, печаль и бѣды,
И раны сердца моего,—
Тѣмъ будетъ громче гимнъ побѣды,
Тѣмъ будетъ выше торжество!

1885.

* * *

Часовой на посту долженъ твердо стоять:
У тебя молодыя, здоровыя руки,
Ты не въ правѣ на міръ и на Бога роптать,—
Ты рожденъ для труда, не для призрачной муки.
Надоѣли намъ вѣчные стоны твои;
Постыдись! неужель ты умѣешь, какъ дѣва

Лишь вздыхать при лунѣ о погибшей любви,
Неужель въ тебѣ нѣтъ ни отваги, ни гнѣва!
О, повѣрь,—если въ битву съ могучимъ врагомъ,
Презирая мученья, ты кинешься смѣло,
Полонъ жгучей любовью, враждой и стыдомъ,
Если жизнь ты отдашь за великое дѣло,—
Будутъ дѣтской игрою казаться тебѣ
Твои прежнія пѣсни, мечты и страданья,
Ты смертельныя раны забудешь въ борьбѣ,
Вмѣсто жалобъ и слезъ и проклятій судьбѣ—
Ты въ крови будешь пѣть свѣтлый гимнъ упованья!

1886.

II.

Къ чему стремишься ты,
Природа, того и я хочу.

Маркъ Аврелій.

Природа.

Ни зломъ, ни враждою кровавой
Донынѣ затмить не могли
Мы неба чертогъ величавый
И прелесть цвѣтущей земли.

Насъ прежнею лаской встрѣчаютъ
Долины, цвѣты и ручьи,
И звѣзды все такъ же сіяютъ,
О томъ же поютъ соловьи.

Не вѣдаетъ нашей кручины
Могучій, таинственный лѣсъ,
И нѣтъ ни единой морщины
На ясной лазури небесъ.

1883.

Вечеръ.

(Посвящ. С. Я. Надсону).

Горятъ и блещутъ, съ вышины
Зарей разсыпанныя, розы
На блѣдной зелени березы,
На темномъ бархатѣ сосны.
По красной глинѣ съ тощимъ мохомъ
Бреду я скользкою тропой;
Струится вечеръ надо мной

Благоуханнымъ, теплымъ вздохомъ.
Поникнувъ дремлютъ тростники;
Сверкаетъ пѣнистой пучиной,
Разбито вдребезги плотиной,
Стекло прозрачное рѣки.
Колосья зрѣющаго хлѣба
Глядятъ съ обрыва на меня;
Тамъ колья ветхаго плетня
Чернѣютъ на лазури неба...
Ужъ пламень меркнущаго дня
Блѣднѣй, торжественнѣй и тише;
Онъ подымается все выше,
Онъ охватилъ своимъ огнемъ
Въ деревнѣ бѣдной надъ холмомъ
Двѣ-три соломенныя крыши
И стадо желтое утятъ,
И лужу въ колеяхъ дороги,
И темно-бронзовыя ноги
Толпы играющихъ ребятъ...
И передъ смертью кроткій взглядъ,
О день, кидаешь ты съ любовью
На безпредѣльныя поля,
И, мнится, чей-то знойной кровью
Облиты небо и земля...
Погибшій день, ты былъ ничтоженъ
И пустъ, и мелочно-тревоженъ;
За что жъ на тихій твой конецъ
Самой природою возложенъ
Такой блистательный вѣнецъ?

1884.

* * *

Сегодня въ заговоръ вступили ночь и розы,
И звѣзды блѣдныя, смѣясь, мнѣ говорятъ:
«Ты, гордый человѣкъ, не вѣрующій въ грезы,
Зачѣмъ пришелъ ты къ намъ въ душистый, темный садъ?

За лампою, межъ книгъ, бесѣдуя съ друзьями,
Не ты ли самъ шутилъ, ораторъ молодой,
Надъ пѣньемъ соловья и глупыми стихами,
Надъ вздохами любви и дѣвственной луной...
Теперь ты—здѣсь, межъ насъ; но гдѣ твое безстрастье
Безумецъ, въ эту ночь попробуй не любить
И жажду красоты разсудкомъ побѣдить,
Попробуй не мечтать, не тосковать о счастьи!
Дитя, ты помнишь ли совѣты умныхъ книгъ?
Такъ смѣйся же теперь, не вѣря нашей власти.
Но что съ тобой? О чемъ ты плачешь? блѣдный ликъ
Зачѣмъ на грудь твою въ отчаяньи поникъ?
Ужель твой гордый умъ подъ жгучимъ вихремъ страсти
Дрожитъ и зыблется, какъ сломанный тростникъ!..»

1887.

* * *

Въ путь, скорѣе въ далекій, невѣдомый путь!
Жаждетъ сердце мое безпредѣльной лазури.
И глаза, и лицо, и горячую грудь
Я открою навстрѣчу несущейся бури.

Дальше, дальше!.. пускай ураганомъ летятъ
Степи, волны, лѣса, города и селенья.
Все, что было мнѣ мило, умчится назадъ,
Я забыться хочу въ этомъ вихрѣ движенья!

Дальше, дальше!.. въ лучахъ восходящаго дня
Широко предо мною мой путь золотится...
Ни вражда, ни любовь не удержатъ меня,—
И лечу, я лечу, какъ свободная птица!

1886.

* * *

О дайте мнѣ забыть туманы и метели
Въ затишьи и теплѣ на взморьи голубомъ,
И въ глубинѣ долинъ, какъ въ мирной колыбели,
Съ улыбкой задремать невозмутимымъ сномъ,

Чтобъ тамъ, на сѣверѣ, подъ грохотъ снѣжной вьюги
Я могъ припоминать во мглѣ моихъ ночей
Мой тихій уголокъ, мой садъ на дальнемъ югѣ
Въ сіяньи золотомъ полуденныхъ лучей,
И дремлющій аулъ, гдѣ—тихо и безлюдно,
Крутыхъ, лѣсистыхъ горъ утесистый обрывъ,
И въ зелени холмовъ, какъ въ рамкѣ изумрудной,
Роскошной бирюзой сверкающій заливъ.

1883.

Южная ночь.

О, ночь полуденнаго края,
Полна ты мощной красотой,
По небу тихо пролетая
Надъ очарованной землей.
Горя, какъ жемчугомъ, звѣздами,
Ты ароматомъ облита,
Прозрачно-синими тѣнями
Ты, словно дымкой, обвита;
И какъ надъ зеркаломъ, склоняясь
Надъ гладью моря голубой,
Залюбовалась ты собой,
Нарядомъ пышнымъ облекаясь...
Скажи, богиня, для кого
Ты въ ризы брачныя одѣта?
Ты ждешь ли друга своего
Порфироноснаго разсвѣта,
Чтобъ полонъ дерзостныхъ надеждъ,
Онъ, какъ дрожащими устами,
Твоихъ лазуревыхъ одеждъ
Коснулся алыми лучами;
Чтобъ лучезарный, юный богъ
Съ тебя покровъ сорвалъ, ликуя,
И тѣло смуглое зажегъ
Могучимъ зноемъ поцѣлуя;
Чтобъ вся блѣднѣя, вся дрожа,

Ты отдалась ему мятежно,
Какъ вешній цвѣтъ фіалки нѣжной,
Благоуханна и свѣжа;
Чтобъ ты съ улыбкой тихо тая
Подъ лаской утра и тепла,
О ночь, вакханка молодая,
Въ объятьяхъ солнца умерла!

1884.

На высотѣ.

Какъ бриллiантовыя скалы,
Возноситъ глетчеръ груды льдинъ—
Голубоватые кристаллы
Какихъ-то царственныхъ руинъ.
И блещутъ—нестерпимо-ярки—
Изъ цѣльной глыбы хрусталя
Зубцы, готическія арки
И безграничныя поля,
Гдѣ подъ іюльскими лучами
Изъ гротовъ тающаго льда
Грохочетъ мутными струями
Блѣдно-лазурная вода.
А тамъ вдали, какъ великаны,
Утесы Шрекгорна встаютъ
И одѣваются въ туманы,
И небо приступомъ берутъ.
И съ чудной граціей повисли,
Янтарной дымкой обвиты,
Полувоздушные хребты,
Какъ недосказанныя мысли,
Какъ золотистые цвѣты.

1885.

Въ Альпахъ.

Я никогда предъ вѣчной красотою
Не жилъ, не чувствовалъ съ такою полнотою.

Но все мнѣ кажется, что я не на землѣ,
Что я перенесенъ на чуждую планету:
Я вѣрить не могу такой прозрачной мглѣ,
Такому розовому свѣту;
И вѣрить я боюсь, чтобъ снѣговой обвалъ
Такъ тяжело ревѣлъ и грохоталъ,
Что эти пропасти такъ темны,
Что эти груды дикихъ скалъ
Такъ подавляюще-огромны;
Не вѣрю, чтобы могъ я видѣть предъ собой
Такой просторъ необозримый,
Чтобъ небо вспыхнуло за черною горой
Серебряной зарей—
Зарей луны еще незримой,
Что въ темно-синей вышинѣ—
Такая музыка безмолвія ночного,
И не доносится ко мнѣ
Въ глубокой тишинѣ
Ни шороха, ни голоса земного:
Какъ будто нѣтъ людей, и я совсѣмъ одинъ,
Одинъ—лицомъ къ лицу съ безвѣстными мірами,
Въ кругу таинственно-мерцающихъ вершинъ,
Заброшенъ въ небеса среди пустыхъ равнинъ,
Покрытыхъ вѣчными снѣгами
И льдами дремлющихъ лавинъ...
О, пусть такой красѣ не вѣрю я, какъ чуду;
Но что бы ни было со мной—
Нигдѣ и никогда, ни передъ чьей красой—
Я этой ночи не забуду.

1885.

* * *

Черныя сосны на бѣлый песокъ
Кинули странныя тѣни;
Знойныя крылья сложилъ вѣтерокъ,
Полонъ задумчивой лѣни.

Море чуть дышитъ... въ объятьяхъ волны
Небо таинственно дремлетъ;
И дуновенью святой тишины
Сердце усталое внемлетъ.

1887.

* * *

По ночамъ вѣтерокъ не коснется чела,
На балконѣ свѣча не мерцаетъ,
И межъ бѣлыхъ гардинъ темно-синяя мгла
Тихо первой звѣзды ожидаетъ.

По утрамъ открываю окно и гляжу,
Распустились ли гроздья сирени;
И безъ дѣла въ поляхъ цѣлый день я брожу,
Полонъ кроткой, чарующей лѣни.

Словно съ кѣмъ-то живымъ говорю я въ лѣсахъ,
Непонятной тоской опьяненный,
И въ моихъ одинокихъ, безумныхъ мечтахъ
Безъ любви—я живу, какъ влюбленный...

1887.

Даль.

Я къ берегу сошелъ: противны мнѣ лѣса,
Гдѣ буйный пиръ весны томитъ меня тревогой,
Гдѣ душно отъ цвѣтовъ, гдѣ жизни слишкомъ много...
А здѣсь передо мной бездушная краса—
Здѣсь только волны, тучи, небеса;
Ихъ вѣчный полусонъ таинственно безмолвный
Баюкаетъ мнѣ мозгъ, недугомъ знойнымъ полный,
И притупляетъ боль сознанья моего,
И если долго я гляжу на эти волны,
Гдѣ все—движенье, блескъ и шумъ, но все—мертво,
Тогда въ груди моей ужъ больше нѣтъ страданій,
Надеждъ, любви, воспоминаній;

Я ничему не радъ, мнѣ ничего не жаль,
И весь я ухожу туда, въ нѣмую даль,
Что вѣетъ на меня знакомою печалью.
О какъ бы слиться намъ, обняться крѣпче съ ней,
Но такъ, чтобъ эта даль могла остаться далью
Вблизи, вокругъ меня, въ глазахъ, въ груди моей!

1885.

* * *

Ласковый вечеръ съ землею прощался,
Листъ шелохнуться не смѣлъ въ ожиданьи.
Грохотъ телѣги вдали раздавался...
Звѣзды, дрожа, выступали въ молчаньи.

Синее небо—глубоко и странно;
Но не смотри ты въ него такъ пытливо,
Но не ищи въ немъ разгадки желанной,—
Синее небо,—какъ гробъ, молчаливо.

1887.

* * *

Задумчивый Сентябрь роскошно убираетъ
Лѣса увядшіе багряною листвой·
Такъ мертвое дитя для гроба украшаетъ
Рыдающая мать цвѣтами и парчой
Гляжу на блѣдные, лазуревые своды
Безжизненныхъ небесъ и чувствую въ тиши
Согласье тайное измученной души
И умирающей природы.

1887.

* * *

Кроткій вечеръ тихо угасаетъ
И предъ смертью ласкою нѣмой
На одно мгновенье примиряетъ
Небеса съ измученной землей.

Въ просвѣтленной, трогательной дали,
Что неясна, какъ мечты мои,—
Не печаль, а только слѣдъ печали,
Не любовь, а только тѣнь любви.

И порой въ безжизненномъ молчаньи,
Какъ изъ гроба, вѣетъ съ высоты
Мнѣ въ лицо холодное дыханье
Безграничной, мертвой пустоты...

1887.

* * *

Въ сіяньи блѣдныхъ звѣздъ, какъ въ мертвенныхъ очахъ—
Неумолимое, холодное безстрастье;
Послѣдній лучъ зари чуть брезжетъ въ облакахъ,
Какъ память о минувшемъ счастьи.
Безмолвнымъ сумракомъ полна душа моя:
Ни страсти, ни любви съ ихъ сладостною мукой,—
Все замерло въ груди... лишь чувство бытія
Томитъ безжизненною скукой.

1887.

* * *

Въ этотъ вечеръ горячій, нѣмой и томительный
Не кричитъ коростель на туманныхъ поляхъ;
Знойный воздухъ въ бреду засыпаетъ мучительно,
И болѣзненной сыростью вѣетъ въ лѣсахъ;

Тамъ растенья поникли съ неясной тревогою,
Словно блѣдные призраки въ дымкѣ ночной...
Промелькнетъ только жаба надъ мокрой дорогою,
Прогудитъ только жукъ на опушкѣ лѣсной.

Въ душномъ, мертвенномъ небѣ гроза собирается,
И боится природа, и жаждетъ грозы.
Непонятнымъ предчувствіемъ сердце сжимается
И тоскуетъ, и ждетъ благодатной слезы...

1887.

* * *

Пощады я молю! не мучь меня, Весна,
Не подходи ко мнѣ съ болѣзненною лаской,
И сердца не буди отъ мертвеннаго сна
Своей младенческой, но трогательной сказкой.

Ты видишь, какъ я слабъ,—о сжалься надо мной!
Меня томитъ и жжетъ твой вѣтеръ благовонный.
Я дорого купилъ забвенье и покой,—
Оставь же ихъ душѣ страданьемъ утомленной...

1886.

* * *

Природа говоритъ мнѣ съ царственнымъ презрѣньемъ:
«Уйди, не нарушай гармоніи моей!
«Твой плачъ мнѣ надоѣлъ, не оскорбляй мученьемъ
«Спокойствія моихъ лазуревыхъ ночей.

«Я все тебѣ дала—жизнь, молодость, свободу,—
«Ты все, ты все отвергъ съ безсмысленной враждой,
«И дерзкимъ ропотомъ ты оскорбилъ природу,
«Ты мать свою забылъ—уйди, ты мнѣ чужой!

«Иль мало для тебя на небѣ звѣздъ блестящихъ,
«Нѣмого сумрака въ задумчивыхъ лѣсахъ,
«И чудной музыки въ волнахъ моихъ шумящихъ
«И дикой красоты въ заоблачныхъ горахъ?

«Я все тебѣ дала,—и въ этомъ чудномъ мірѣ
«Ты не сумѣлъ хоть разъ счастливымъ быть, какъ всѣ:
«Какъ счастливъ звѣрь въ лѣсу и ласточка въ эѳирѣ,
«И дремлющій цвѣтокъ въ серебряной росѣ.

«Ты радость бытія сомнѣньемъ разрушаешь:
«Уйди! ты гадокъ мнѣ, безсильный и больной...
«Пытливымъ разумомъ и гордою душой
«Ты счастья безъ меня ищи себѣ, какъ знаешь!»

1887.

* * *

И вотъ опять проносятся, играя,
Какъ вереница чудныхъ сновъ,
По небесамъ ликующаго Мая
Гряды жемчужныхъ облаковъ;

Намъ вѣчно милъ привѣтъ его коварный;
А между тѣмъ ужъ сколько разъ,
Обвороживъ улыбкой свѣтозарной,
Весна обманывала насъ!

Но что мнѣ въ томъ: пускай за призракъ счастья
Погибло тысячи людей,
Купивъ цѣной угрюмаго ненастья
Тепло и ласку вешнихъ дней,—

На этотъ разъ такъ глубоко и ровно
Лазурью блещетъ сводъ небесъ
И очи звѣздъ мерцаютъ такъ любовно,
Такъ нѣжно-зеленъ юный лѣсъ,

Что, все простивъ, я долженъ имъ повѣрить,
Къ природѣ кинувшись на грудь:
Ей, наконецъ, наскучитъ лицемѣрить,
Ей будетъ стыдно обмануть...

Я такъ усталъ въ цѣпяхъ моей неволи
И въ долгой медленной борьбѣ,—
Нѣтъ, не прошу, но, какъ законной доли,
Я счастья требую себѣ:

О свѣтлый Май, пока еще не поздно,
Ты мнѣ не въ правѣ отказать—
Меня хоть разъ, какъ жертву смерти грозной,
Цвѣтами жизни увѣнчать!

1884.

* * *

Здѣсь, въ тепломъ воздухѣ, пропитанномъ смолою,
Грибовъ и сырости, и ѳлеклаго листа
Сильнѣе запахъ предъ грозою,
И нитки паутинъ надъ влажною травою
Окрашены пестрѣй въ блестящіе цвѣта,
Томительнѣй пчелы полдневное жужжанье,
Тяжеле ароматъ отъ липовыхъ цвѣтовъ,
И ландышей лѣсныхъ нѣжнѣй благоуханье,
И ярче бѣлизна березовыхъ стволовъ.
Здѣсь все еще полно неясною тревогой...
Но тѣни грозныя надъ нивою скользятъ,
И пыль уже взвилась надъ знойною дорогой,
И скоро подъ дождемъ колосья зашумятъ.

1887.

Послѣ грозы.

Минутная гроза умчалась далеко.
Межъ тучъ, разорванныхъ порывомъ краткой бури,
Мелькнула бирюза сверкающей лазури.
Всѣ окна въ комнатѣ открылъ я широко,—
И теплый ароматъ земли, дождемъ омытой,
Съ благоуханьемъ травъ принесъ мнѣ вѣтерокъ,
И къ солнцу протянулъ свой бархатный цвѣтокъ
Геліотропъ въ саду, лучами весь облитый;
Залетный жукъ гудитъ и бьется о стекло.
Вспорхнула бабочка,—прозрачно и свѣтло,
Въ отливѣ янтаря рубиновымъ узоромъ
Два крылышка сквозятъ надъ влажной резедой...
А тамъ, вдали—поля съ ихъ голубымъ просторомъ,
И тянутся лѣса зубчатою стѣной
На рубежѣ небесъ...
И радуясь безлюдью,
Пахучей свѣжестью дышу я полной грудью.

Но вотъ толпа дѣтей сбѣжалась подъ окномъ,
Чтобъ въ лужу опустить корабликъ изъ бумаги;
Звенятъ ихъ голоса, полны живой отваги,
Звенятъ, какъ бы въ отвѣтъ на дальній, слабый громъ,
И смѣхомъ молодымъ, какъ музыкой веселой,
Побѣдно заглушенъ раскатъ его тяжелый.

1885.

Въ поляхъ.

Зданья, трубы, кресты колоколенъ-
Все за мной исчезаетъ вдали;
Свѣжій воздухъ—прозраченъ и воленъ,
Напоенъ ароматомъ земли.
И скользятъ, какъ жемчужная пѣна,
Облака изъ-за дальнихъ холмовъ
Надъ стогами пахучаго сѣна,
Надъ каймой темно-синихъ дубровъ,
И стада отдыхаютъ лѣниво,
На душистомъ коврѣ муравы;
Надъ болотами стаей крикливой
Изъ высокой и влажной травы,
Гдѣ блестятъ бирюзой незабудки
Подъ огромнымъ листомъ лопуха,—
Подымаются дикія утки...
Чуть доносится крикъ пѣтуха,
И дымокъ деревушки далекой
Улетаетъ въ безбрежный просторъ,
Что подернутъ слегка поволокой,
Какъ мечтательный, вдумчивый взоръ.
Все вокругъ для меня такъ знакомо,
Словно путникъ изъ чуждыхъ краевъ,
Я вернулся подъ родственный кровъ
Вѣчно-милаго, стараго дома.
И лучи свѣтозарнаго дня,
Чистоты цѣломудренной полны,
Въ мою грудь проникаютъ, какъ волны,

Какъ потокъ голубого огня,
Чтобъ ее съ вышины безграничной
Цѣлымъ моремъ сіянья облить,
Чтобы душу отъ пыли столичной
Мнѣ струями лазури омыть.

1884.

На Волгѣ

Рѣка блеститъ, какъ шелкъ лазурно-серебристый;
Въ извилинахъ луки бѣлѣютъ паруса.
Сквозь утренній туманъ каймою золотистой
Желтѣетъ отмели песчаная коса.
Невозмутимый сонъ—надъ Волгою могучей;
Порой лишь слышенъ плескъ рыбачьяго весла.
Лѣса на Жегуляхъ синѣютъ грозной тучей,
Раскинулись плоты деревнею пловучей,
И тянется дымокъ далекаго села...
Какъ много воздуха, и шири, и свободы!
А людямъ до сихъ поръ здѣсь душно, какъ въ тюрьмѣ.
И вотъ въ какой странѣ, среди какой природы
Отчизна рабскимъ сномъ глубоко спитъ во тьмѣ....
. . . .

1887.

Усни.

Уснуть бы мнѣ навѣкъ, въ травѣ, какъ въ колыбели,
Какъ я ребенкомъ спалъ въ тѣ солнечные дни,
Когда въ лучахъ полуденныхъ звенѣли
Веселыхъ жаворонковъ трели
И пѣли мнѣ они:
«Усни, усни»!

И крылья пестрыхъ мухъ съ причудливой окраской
На вѣнчикахъ цвѣтовъ дрожали, какъ огни.
И шумъ деревъ казался чудной сказкой;

Мой сонъ лелѣя, съ тихой лаской
Баюкали они:
«Усни, усни!»

И убѣгая въ даль, какъ волны золотыя,
Давали мнѣ пріютъ въ задумчивой тѣни
Подъ кущей вербъ поля мои родныя,
Склонивъ колосья наливные,
Шептали мнѣ они:
«Усни, усни!»

1884.

Молитва природы.

На блѣдномъ золотѣ померкшаго заката,
Какъ древней надписи причудливый узоръ,
Рисуется черта темно-лиловыхъ горъ.
Таинственная даль глубокимъ сномъ объята;
И все, что въ небесахъ, и все, что на землѣ,
Ни крикомъ радости, ни ропотомъ страданья
Нарушить не дерзнетъ, скрываяся во мглѣ,
Благоговѣйнаго и робкаго молчанія.
Преобразился міръ въ какой-то дивный храмъ,
Гдѣ каждая звѣзда затеплилась лампадой,
Туманомъ голубымъ струится ѳиміамъ,
И горы вознеслись огромной колоннадой;
Тысячелѣтія промчались надъ вселенной...
О мирѣ и любви съ надеждой неизмѣнной
Природа къ небесамъ взываетъ каждый день,
Когда спускается лазуревая тѣнь,
Когда стихаетъ пыль и громъ житейской битвы,
Слезами падаетъ обильная роса,
Когда сливаются ночные голоса
Въ одну гармонію торжественной молитвы
И тихой жалобой стремятся въ небеса.

1883.

* * *

Если розы тихо осыпаются,
Если звѣзды меркнутъ въ небесахъ,
Объ утесы волны разбиваются,
Гаснетъ лучъ зари на облакахъ,

Это смерть—но безъ борьбы мучительной;
Эта смерть, плѣняя красотой,
Обѣщаетъ отдыхъ упоительный—
Лучшій даръ природы всеблагой.

У нея, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтобъ съ улыбкой кроткой и торжественной
Свой конецъ безропотно встрѣчать.

1883.

III.

Душа сожженная любовью, для вѣчности, какъ фениксъ, возродится

Микель-Анжело.

Признаніе.

На что мнѣ чудеса волшебной красоты,
На что мнѣ глетчеровъ безмолвная громада
И въ радужной пыли надъ пѣной водопада
Изъ тонкихъ проволокъ сплетенные мосты,
Тунели грозные, гдѣ въ сумракѣ вагона
Лазурной молніей врывается просторъ
Сверкающихъ озеръ,—
Обломковъ бирюзы, упавшей съ небосклона
Въ кольцо жемчужно-бѣлыхъ горъ?
На что мнѣ цвѣтники въ задумчивыхъ аллеяхъ,
На что мнѣ полутьма таинственныхъ дубровъ,
И краски панорамъ блестящихъ городовъ,
И тысячи картинъ въ старинныхъ галлереяхъ,
На что мнѣ океанъ и башня маяка,
Какъ уголь, черная на пурпурѣ заката
И свѣжій запахъ волнъ, и пѣсня рыбака,
И вьющійся дымокъ далекаго фрегата?
На что мнѣ вся земля и свѣтъ, и жизнь? на что
Весь міръ великій, міръ ничтожный?
Мнѣ сердце говоритъ: «не то, не то!»
И дальше я бѣгу съ мечтой моей тревожной:
Не нужно мнѣ дворцовъ, благоуханныхъ розъ
И чуждыхъ береговъ, и моря, и простора!

Я жажду долгаго, мерцающаго взора,
Простыхъ и тихихъ словъ, простыхъ и теплыхъ слезъ,—
Немного ласки и участья,
Одной улыбки милыхъ глазъ,
Нѣмого сумрака въ глубоко-мирный часъ
И капли, только капли, счастья!. .

1886.

* * *

Меня ты, мой другъ, пожалѣла;
Но вѣрить ли ласкѣ твоей?
Отъ этой случайной улыбки
На сердцѣ еще холоднѣй:

Бездомный, голодный бродяга
Избитый мотивъ предъ тобой
Играетъ на ветхой шарманкѣ
Дрожащей, невѣрной рукой;

И жалко его, и досадно
И пѣсня знакома давно;
Чтобъ прочь уходилъ онъ, монету
Ему ты бросаешь въ окно.

1885.

* * *

Мы идемъ по цвѣтущей дорогѣ,
И надъ нами сіяетъ весна...
Мы блаженны, мы сильны, какъ боги,
Наша жизнь—глубока и полна.

Прочь, боязнь!... Упивайся мечтою,
И не думай о завтрашнемъ днѣ,
И живи, и люби всей душою,
И отдайся могучей веснѣ!

Намъ не страшны ни муки, ни бѣды,
Наша молодость чудо свершитъ
И рыданія—въ пѣсни побѣды,
И печаль въ красоту превратитъ!

Да! надъ міромъ мы властны, какъ боги,
Вся природа для насъ создана...
Такъ впередъ же, впередъ—безъ тревоги
По широкой, цвѣтущей дорогѣ,
Здравствуй, жизнь и любовь, и весна!

1886.

* * *

Ты читала ль преданья, какъ жгли христіанъ,
Какъ за Бога они умирали,
И съ восторгомъ молили, не чувствуя ранъ,
Чтобъ сильнѣй палачи ихъ терзали?

Такъ за имя твое прикажи умереть,—
И на смерть я пойду, дорогая:
Буду громко «осанна!», какъ мученикъ, пѣть
Буду славить любовь, умирая.

1886.

Въ сумерки.

Былъ зимній день; давно уже стемнѣло,
Но въ комнату огня не приносили;
Глядѣло въ окна пасмурное небо,
Сырую мглу роняя съ вышины,
И въ стекла ударяли хлопья снѣга,
Подобно стаѣ бѣлыхъ мотыльковъ;
Въ вечерней мглѣ багровый свѣтъ камина
Переливался теплою волной
На золотой парчѣ японскихъ ширмъ,
Гдѣ выступалъ богатый арабескъ
Изъ райскихъ птицъ, чудовищныхъ драконовъ,
Летучихъ рыбъ и лилій водяныхъ.
И надо всѣмъ дыханье гіацинтовъ
Въ таинственной гармоніи слилось
Съ блѣдно-лазуревымъ отцвѣтомъ шелка
На мебели причудливо-роскошной;
И молча ты лежала предо мной,
И, уронивъ любимый томъ Кольриджа

На черный мѣхъ пушистаго ковра,
Вся блѣдная, но свѣжая, какъ ландышъ,
Вся въ кружево закутанная, грѣлась
Ты въ розовомъ мерцаніи камина;
И я шепталъ, поникнувъ головой:
«О, для чего намъ не шестнадцать лѣтъ,
Чтобъ мы могли обманывать другъ друга
Надеждами на вѣчную любовь!
О, для чего я въ лучшія мгновенья
Такъ глубоко, такъ больно сознаю,
Что этотъ лучъ открывшагося неба,
Какъ молнія, потухнетъ въ морѣ слезъ!
Ты такъ умна: къ чему же лицемѣрить?
Намъ не помогутъ пламенныя клятвы.
Мы сблизились на время, какъ и всѣ,
Мы, какъ и всѣ, случайно разойдемся:
Таковъ судьбы законъ неумолимый.
День, мѣсяцъ, годъ,—каковъ бы ни былъ срокъ,—
Любовь пришла, любовь уйдетъ навѣки...
Увы, я знаю все, я все предвижу,
Но отвратить удара не могу,—
И эта мысль мнѣ счастье отравляетъ.
Нѣтъ, не хочу я пережить мгновенье,
Что навсегда должно насъ разлучить.
Ты все простишь, ты все поймешь—я знаю,—
Услышь мою безумную мольбу!..»
Тогда съ порывомъ ласки материнской
Къ себѣ на грудь меня ты привлекла
И волосы такъ нѣжно цѣловала,
И гладила дрожащею рукой.
И влага слезъ, твоихъ горячихъ слезъ,
Какъ теплый дождь, лицо мнѣ орошала,
И говорилъ я въ страстномъ забытьи:
«Услышь мою безумную мольбу:
Въ урочный мигъ, какъ опытный художникъ,
Ты заверши трагедію любви,
Чтобъ кончилась она не пошлымъ фарсомъ,

Но громовымъ, торжественнымъ аккордомъ:
Лишь только тѣнь тоски и пресыщенья
Въ моихъ чертахъ замѣтишь ты впервый,—
Убей меня, но такъ, чтобъ безъ боязни
Съ виномъ въ бокалѣ, весело шутя,
Изъ милыхъ рукъ я принялъ ядъ смертельный.
И на твоей груди умру я тихо,
Усну навѣкъ безпечно, какъ дитя,
И перелью въ послѣднее лобзанье
Послѣдній пламень жизни и любви!...»
. . . .

1884.

* * *

Я никогда такъ не былъ одинокъ,
Какъ на груди твоей благоуханной,
Гдѣ я постигъ невольно и нежданно,
Какъ нашъ удѣлъ насмѣшливо-жестокъ:
Уста къ устамъ, въ блаженствѣ поцѣлуя,
Ко груди грудь мы, нѣгою полны,
А между тѣмъ попрежнему, тоскуя,
Какъ у враговъ, сердца разлучены.
Мы далеки, мы чужды другъ для друга:
Душѣ съ душой не слиться никогда,
И нашъ восторгъ, какъ смутный жаръ недуга,
Какъ жгучій бредъ, исчезнетъ безъ слѣда.
Мнѣ за тебя невыразимо-грустно,
Ты тихо взоръ склонила предо мной,
И нашу боль скрывая неискусно,
Мой бѣдный другъ, какъ жалки мы съ тобой...

1883.

* * *

О дитя, живое сердце
Ты за мячикъ приняла:
Этимъ мячикомъ играешь,
Беззаботно-весела.

Ты, рѣзвясь, кидаешь сердце
То къ лазури, то во прахъ
Съ тѣмъ же хохотомъ безпечнымъ
На плѣнительныхъ устахъ.

1886.

* * *

По дебрямъ усталый брожу я въ тоскѣ.
Рыдаетъ печальная осень;
Но вотъ огонекъ засіялъ вдалекѣ
Межъ дикихъ, нахмуренныхъ сосенъ

За нимъ я съ надеждой кидаюсь во мракъ,
И силъ мнѣ послѣднихъ не жалко:
Мнѣ грезится комнатка, свѣтлый очагъ
И милая Гретхенъ за прялкой;

Мнѣ грезится бабушка съ книгой въ рукахъ
И внуковъ румяныя лица;
Тамъ утварь сіяетъ въ дубовыхъ шкапахъ,
И супъ ароматный дымится.

Все дальше во мракъ я бѣгу за мечтой;
Откуда-то сыростью вѣетъ...
Зачѣмъ колыхнулась земля подъ ногой,
И въ жилахъ вся кровь леденѣетъ?

Болото!.. Такъ вотъ, что готовилъ мнѣ рокъ:
Блуждая во мракѣ ненастья,
Я принялъ болотный лѣсной огонекъ
За пламень надежды и счастья!

И тина влечетъ мое тѣло ко дну,
Она задушить меня хочетъ.
Я въ смрадномъ болотѣ все глубже тону,
И громко русалка хохочетъ...

1886.

* * *

Не думала ль ты, что, блѣдный и безмолвный,
Я вновь къ тебѣ приду, какъ нищій, умолять,

Тобой отвергнутый, тобою вѣчно полный,
Чтобъ ты позволила у ногъ твоихъ рыдать?
Напрасная мечта! Слыхала ль ты порою,
Что въ милой праздности не всѣ, какъ ты, живутъ,
Что гдѣ-то есть борьба и мысль, и честный трудъ,
И что предъ ними ты—ничто съ твоей красою?
Смотри,—меня зоветъ огромный, свѣтлый міръ:
Есть у меня безсмертная природа
И молодость, и гордая свобода,
И Рафаэль, и Данте, и Шекспиръ!
И думать ты могла, что я томиться буду,
Или у ногъ твоихъ безпомощно рыдать?
Нѣтъ, стыдно предъ тобой мнѣ слезы расточать,—
Забудь меня скорѣй, какъ я тебя забуду!
О, неразумное, прелестное дитя,
Ты гнѣва моего, повѣрь, не заслужила,—
Но если бъ ты могла понять, какая сила
Была у ногъ твоихъ, когда со мной, шутя,
Играла ты въ любовь, и все потомъ разбила,—
Тогда лицо твое зардѣлось бы стыдомъ,
И надъ поруганной любовью, надъ мечтами,
Что ты разрушила своими же руками,
Не я, а ты въ отчаяньи нѣмомъ
Рыдала бы теперь горючими слезами!

1886.

* * *

Давно ль желанный миръ я звалъ къ себѣ, тоскуя,
Любилъ и проклиналъ любви святую власть,
Давно ли изъ цѣпей я рвался, негодуя,—
И цѣпи порвались, и миновала страсть.

Любовь—побѣждена, но сердце недовольно.
О чемъ оно груститъ, чего ему такъ жаль?
Ужели съ муками душѣ разстаться больно,
Ужель такъ дороги ей слезы и печаль?

Свобода безъ любви—угрюмая темница:
Отдамъ я все,—и жизнь, и радость, и покой,
Но только бъ вновь любить съ безумною тоской,
Страдать, какъ я страдалъ, и плакать, и томиться!

1886.

* * *

...Потухъ мой гнѣвъ, безумный, дѣтскій гнѣвъ:
Все время я себя обманывалъ напрасно:
Я вновь у ногъ твоихъ,—и радостный напѣвъ
Изъ груди просится такъ пламенно и страстно.
Наперекоръ всему, въ проклятіи моемъ
Тебѣ, всесильная, одна любовь звучала,
И даже въ злобный мигъ при имени твоемъ
Мятежная душа отъ счастья трепетала.
И вотъ—я снова твой... зачѣмъ таить любовь?
Какъ будто не о томъ я день и ночь мечтаю,
Когда и гдѣ, и какъ тебя я повстрѣчаю,
Какъ будто не тебѣ отдамъ я жизнь и кровь;
Какъ будто въ сѣрой мглѣ подъ бременемъ страданья
Влачу я темный вѣкъ не для тебя одной;
Когда гляжу я въ даль съ улыбкой упованья,
Какъ будто не тебя я вижу предъ собой...
Ты—вдохновеніе, ты—творческая сила,
Ты—все: полна тобой полуночная тишь,
Въ благоуханьи розъ со мной ты говоришь,
И сумракъ дней моихъ ты свѣтомъ напоила...

1885.

* * *

Ищи во мнѣ не радости мгновенной,
Люби меня не для себя одной;
Какъ Беатриче образъ вдохновенной,
Ты къ небесамъ мнѣ свѣтлый путь открой.
Склонясь ко мнѣ съ плѣнительной заботой,
Ты повторяй: «будь добрымъ для меня,
Иди въ борьбу, и мысли, и работай,

Впередъ, за мной,—я поведу тебя!»
И каждой ласкѣ, каждому упреку
Заставь меня ты радостно внимать;
Какъ женщина, ревнуй меня къ пороку
И береги, какъ любящая мать.

1886.

Франческа Римини.

Порой чета голубокъ надъ полями
Межъ черныхъ тучъ мелькнетъ передъ грозою,
Во мглѣ сіяя бѣлыми крылами;

Такъ въ царствѣ вѣчной тьмы передо мною
Сверкнули двѣ обнявшіяся тѣни,
Озарены печальной красотою.

И въ ихъ чертахъ былъ прежній слѣдъ мученій
И въ ихъ очахъ былъ прежній страхъ разлуки,
И въ граціи медлительныхъ движеній,

Въ томъ, какъ они другъ другу жали руки,
Лицомъ къ лицу поникнувъ съ грустью нѣжной,
Былой любви высказывались муки.

И волновалась грудь моя мятежно,
И я спросилъ ихъ, тронутый участьемъ,
О чемъ они тоскуютъ безнадежно,

И былъ отвѣтъ: «съ жестокимъ самовластьемъ
Любовь, одна любовь насъ погубила,
Не давъ упиться мимолетнымъ счастьемъ;

Но смерть—ничто, ничто для насъ—могила,
И намъ не жаль потеряннаго рая,
И муки въ рай любовь преобразила.

Завидуютъ намъ ангелы, взирая
Съ лазури въ темный адъ на наши слезы,
И плачутъ втайнѣ, безъ любви скучая.

О пусть Творецъ намъ шлетъ свои угрозы,—
Всѣ эти муки—слаще поцѣлуя,
Всѣ угли ада искрятся, какъ розы!»

«Но гдѣ и какъ—страдальцамъ говорю я
Впервый межъ вами пламень страстной жажды
Преграды свергъ, на цѣпи негодуя».

И былъ отвѣтъ:—«читали мы однажды
Наединѣ о страсти Ланчелотта,
Но о своей лишь страсти думалъ каждый.

Я помню книгу, бархатъ переплета,
Я даже помню, какъ въ зарѣ румяной
Заглавныхъ буквъ мерцала позолота.

Открыты были окна, и туманный,
Нагрѣтый воздухъ въ комнату струился;
Ронялъ цвѣты жасминъ благоуханный.

И мы прочли, какъ Ланчелоттъ склонился,
И поцѣлуемъ скрывъ улыбку милой,
Уста къ устамъ, въ рукахъ ея забылся.

Увы! насъ это мѣсто погубило,
И въ этотъ день мы больше не читали.
Но сколько счастья солнце озарило!..»

И тѣмъ умолкла, полная печали.

1885.

Ариванза.

Милый другъ, я тебѣ разсказать не могу,
Что за пламень сжигаетъ мнѣ грудь:
Запеклись мои губы, дышать тяжело,
Посмотрю ль я на солнце—мнѣ больно:
Мое солнце, мой свѣтъ, моя жизнь
Для меня никогда не блеснутъ.
Я дрожу, я слабѣю, увы,—
Какъ мы жалки безсильныя дѣвы!
Я себѣ говорила: мой путь лучезаренъ,

Онъ усѣянъ гирляндами лотосовъ бѣлыхъ,—
Но подъ лотосомъ бѣлымъ—о горе!—таилось
Ядовитое жало змѣи,
И была та змѣя—роковая любовь!
Не лучи ли далекой луны,
Что безстрастно-холоднымъ сіяньемъ
Такъ чаруютъ, такъ нѣжатъ,
Не они ль эту страсть
Въ моемъ сердцѣ зажгли?
Мнѣ сегодня вечерней прохлады
Вѣтерокъ не принесъ:
Отягченъ ароматомъ цвѣтовъ,
Какъ огонь, онъ обжегъ мнѣ лицо...
Ты, одинъ только ты, мой владыка,
Покорилъ мою волю, наполнилъ мнѣ душу,
Побѣдилъ, обезсилилъ меня!
Что мнѣ дѣлать?.. Едва на ногахъ я стою...
Вся дрожу, помутилось въ очахъ...
И мнѣ страшно, мнѣ тяжко, какъ будто предъ
смертью!..

1886.

Изъ Альфреда Мюссэ.

Ты, блѣдная звѣзда, вечернее свѣтило,
Въ дворцѣ лазуревомъ своемъ,
Какъ вѣстница, встаешь на сводѣ голубомъ.
Зачѣмъ же къ намъ съ небесъ ты смотришь такъ уныло?
Гроза умчалася, и вѣтра шумъ затихъ,
Кудрявый лѣсъ блеститъ росою, какъ слезами,
Надъ благовонными лугами
Порхаетъ мотылекъ на крыльяхъ золотыхъ.
Чего же ищетъ здѣсь, звѣзда, твой лучъ дрожащій?..
Но ты склоняешься, ты гаснешь—вижу я—
Съ улыбкою бѣжишь, потупивъ взоръ блестящій,
Подруга кроткая моя!
Слезинка ясная на синей ризѣ ночи,
Къ холму зеленому сходящая звѣзда,

Пастухъ къ тебѣ поднявъ заботливыя очи,
Ведетъ послушныя стада.
Куда жъ стремишься ты въ просторѣ необъятномъ?
На берегъ ли рѣки, чтобъ въ камышахъ уснуть,
Иль къ морю дальнему направишь ты свой путь
Въ затишьи ночи благодатномъ,
Чтобъ пышнымъ жемчугомъ къ волнѣ упасть на грудь?
О если умереть должна ты, потухая,
И кудри свѣтлые сокрыть въ морскихъ струяхъ,—
Звѣзда любви, молю тебя я:
Передъ разлукою, послѣдній лучъ роняя,
На мигъ остановись, помедли въ небесахъ!

1883.

Эротъ.

Молнію въ тучахъ Эротъ захватилъ, пролетая;
Также легко, какъ порой дѣти ломаютъ тростникъ,
Въ розовыхъ пальцахъ сломалъ онъ, играя, стрѣлу Громовержца:
«Мною Зевесъ побѣжденъ!» дерзкій шалунъ закричалъ,
Взоры къ Олимпу поднявъ съ вызовомъ въ гордой улыбкѣ.

1883.

Осень.

(Изъ Бодлэра).

Я люблю ваши нѣжно-зеленые глазки;
Но сегодня я горькимъ предчувствіемъ полнъ:
Ни каминъ въ будуарѣ, ни роскошь, ни ласки
Не замѣнятъ мнѣ солнца, лазури и волнъ.
Но каковъ бы я ни былъ, какъ мать, пожалѣйте
И простите меня, будьте милой сестрой,
И угрюмаго, злого любовью согрѣйте,
Какъ осеннее небо вечерней зарей.
Трудъ недолгій... Я знаю: могила нѣмая
Ждетъ... О, дайте же, дайте, подъ желтымъ лучомъ
Сентября золотого про май вспоминая,
Мнѣ на ваши колѣни поникнуть челомъ.

1884.

* * *

(Изъ Бодлэра).

Голубка моя,
Умчимся въ края,
Гдѣ все, какъ и ты, совершенство,
И будемъ мы тамъ
Дѣлить пополамъ
И жизнь, и любовь, и блаженство.
Изъ влажныхъ завѣсъ
Туманныхъ небесъ
Тамъ солнце задумчиво блещетъ,
Какъ эти глаза,
Гдѣ жемчугъ-слеза,
Слеза упоенья трепещетъ.

Это міръ таинственной мечты,
Нѣги, ласкъ, любви и красоты.

Все мебель кругомъ
Въ покоѣ твоемъ
Отъ времени ярко лоснится.
Дыханье цвѣтовъ
Заморскихъ садовъ
И вѣянье амбры струится.
Богатъ и высокъ
Лѣпной потолокъ,
И тамъ зеркала такъ глубоки;
И сказочный видъ
Душѣ говоритъ
О дальнемъ, о чудномъ Востокѣ.

Это міръ таинственной мечты.
Нѣги, ласкъ, любви и красоты.

Взгляни на каналъ,
Гдѣ флотъ задремалъ:
Туда, какъ залетная стая,

Свой грузъ корабли
Отъ края земли
Несутъ для тебя, дорогая.
Дома и заливъ
Вечерній отливъ
Одѣлъ гіацинтами пышно,
И теплой волной,
Какъ дождь золотой,
Лучи онъ роняетъ неслышно.

Это міръ таинственной мечты,
Нѣги, ласкъ, любви и красоты.

1885.

ПОЭМЫ и ЛЕГЕНДЫ.

Протопопъ Аввакумъ.

I.

Горе вамъ, Никоніане! вы глумитесь надъ Христомъ,—
Утверждаете вы церковь пыткой, плахой да кнутомъ!

Но Господь за угнетенныхъ въ гнѣвѣ праведномъ возсталъ,
И прольется надъ землею Божьей ярости фіалъ.

Нашу свѣтлую Россію отдалъ дьяволу Господь:
Пусть же выкупятъ отчизну наши кости, кровь и плоть.

Укрѣпи меня, о Боже, на великую борьбу,
И пошли мнѣ мощь Самсона, недостойному рабу...

Какъ въ пустынѣ вопіющій, я на торжищахъ взывалъ
И въ палатахъ, и въ лачугахъ сильныхъ міра обличалъ.

Помню, помню дни гоненья:—вотъ въ цѣпяхъ меня ведутъ
Къ нечестивому синклиту, какъ разбойника, на судъ.

Сорокъ мудрыхъ іереевъ издѣвались надо мной.
И разжегся духъ мой гнѣвомъ—поднялъ крестъ я надъ главой

И въ лицо злодѣямъ плюнулъ, и, какъ зайцы по кустамъ,
Все антихристово войско разбѣжалось по угламъ.

«Будьте пркляты!—я крикнулъ,—вамъ позоръ изъ рода въ родъ:
«Задушили правду Божью, погубили вы народъ!»

Но стрѣльцовъ они позвали, ополчились на меня.
Рѣчи полны дикой брани, очи—лютаго огня.

И какъ волки обступили, кулаками мнѣ грозятъ:
«Еретикъ насъ обезчестилъ, на костеръ его!» кричатъ.

То не бѣсы мчатся съ крикомъ чрезъ болото и пустырь,—
Чернецы везутъ разстригу Аввакума въ монастырь

Привезли меня въ Андроньевъ,—тутъ и бросили въ тюрьму,
Какъ скотину, безъ соломы—прямо въ холодъ, смрадъ и тьму.

Тамъ, глубоко подъ землею, въ этой сумрачной норѣ
Думалъ съ завистью я, грѣшный, о собачьей конурѣ.

II.

Я три дня лежалъ безъ пищи,—наступалъ четвертый день...
Былъ то сонъ, или видѣнье, — я не вѣдаю... Сквозь тѣнь—

Вижу двери отворились, и волною хлынулъ свѣтъ,
Кто-то чудный мнѣ явился, въ ризы бѣлыя одѣтъ.

Онъ принесъ коврижку хлѣба, онъ мнѣ далъ немного щецъ:
«На, Петровичъ, ѣшь, родимый!» и любовно, какъ отецъ,

Смотритъ въ очи, тихо пальцы онъ кладетъ мнѣ на чело,
И руки прикосновенье братски-нѣжно и тепло.

И счастливый, и дрожащій, я припалъ къ его ногамъ,
И края святой одежды прижималъ къ моимъ устамъ.

И шепталъ я, какъ безумный: «дай мнѣ муки претерпѣть,
Свѣтъ-Христосъ, родной, желанный,—за Тебя бы умереть!..»

III.

Это было на Устюгѣ: разъ — я помню—ввечеру
Старца Божьяго Кирилла привели мнѣ въ конуру.

Съ нимъ въ тюрьмѣ я прожилъ мѣсяцъ; былъ онъ праведникъ
душой,
Но безумнымъ притворялся, полонъ ревности святой.

Все-то пляшетъ и смѣется, все вполголоса поетъ,
И, качаясь, вмѣсто бубновъ, кандалами мѣрно бьетъ;

День юродствуетъ, а ночью на молитвѣ онъ стоитъ,
И горячими слезами цѣпи мученикъ кропитъ.

Я любилъ его; онъ тяжкимъ былъ недугомъ одержимъ.
Бѣдный другъ! Какъ за ребенкомъ, я ухаживалъ за нимъ.

Онъ страдать умѣлъ такъ кротко: весь въ жару изнемогалъ,
Но съ пылающаго тѣла власяницы не снималъ.

Я печальный голосъ брата до сихъ поръ забыть не могъ:
«Дай мнѣ пить!» бывало скажетъ; взоръ—такъ нѣженъ и глубокъ.

На рукахъ моихъ онъ умеръ; безмятежно и свѣтло,
Какъ у спящаго младенца, было мертвое чело.

И покойника, прощаясь, я въ уста поцѣловалъ:
Спи, Кириллушка, сердечный, спи,—ты много пострадалъ.

Надъ твоей могилой тихой херувимы сторожатъ;
Спи же, другъ, легко и сладко, отдохни, усталый братъ!

IV.

Въ конурѣ моей подземной я покинутъ былъ опять
Цѣлымъ міромъ. Даже время пересталъ я различать,

Поглупѣлъ совсѣмъ отъ горя: день и ночь въ углу сидишь,
Да замерзшими ногами въ землю до крови стучишь.

Если жъ солнце въ щель заглянетъ и блеснетъ на кирпичѣ,
И закружатся пылинки въ золотомъ его лучѣ,—

Я смотрѣлъ, какъ паутина сѣткой радужной горитъ,
И паукъ летунью-мошку терпѣливо сторожитъ.

На зарѣ я слушалъ часто, ухо къ щели приложивъ,
Какъ въ лазури крикъ касатокъ беззаботенъ и счастливъ.

Сердцу воля вспоминалась, шумъ деревьевъ, небеса,
И далекая деревня, и родимые лѣса.

V.

Изъ Москвы велятъ указомъ, чтобъ на самый край земли
Аввакума протопопа въ ссылку вѣчную везли.

Десять тысячъ верстъ въ Сибири, въ тундрахъ, дебряхъ и
лѣсахъ
Волочился я на дровняхъ, на телѣгахъ и плотахъ.

Помню—Пашковъ на Байкалѣ разъ призвалъ меня къ себѣ;
Окруженный казаками, онъ сидѣлъ въ своей избѣ.

Какъ у бѣлаго медвѣдя, взоръ пылалъ, суровый ликъ,
Обрамленъ сѣдою гривой, налитъ кровью былъ и дикъ.

Грозно крикнулъ воевода: «Покорись мнѣ, протопопъ!
«Брось ты дьявольскую вѣру, а не то — вгоню во гробъ!»

«— Человѣкъ, побойся Бога, Вседержителя-Творца!
Я страдалъ уже не мало — пострадаю до конца!»

«— Эй, ребята, начинайте!» закричалъ онъ гайдукамъ...
Повалили и связали по рукамъ и по ногамъ.

Свистнулъ кнутъ...—Окровавленный, полумертвый я твержу:
«Помоги, Господь!»—а Пашковъ: «Отрекайся—пощажу».

Нѣтъ, Іусе, Сыне Божій, лучше—думаю—не жить,
Чѣмъ злодѣя передъ смертью о пощадѣ мнѣ просить.

Все исчезло... и казалось, что я умеръ... чей-то вздохъ
Мнѣ послышался, и кто-то молвилъ: «Кончено,—издохъ!»

VI.

Я въ дощеникѣ очнулся... Тишь и мракъ... Лежу на днѣ,
Хлещетъ мокрый снѣгъ да ливень по израненной спинѣ.

Тянетъ жилы, кости ноютъ... Тяжко! страхъ меня объялъ;
Обезумѣвъ отъ страданій, я на Бога возроптал:

«Горько мнѣ, Отецъ небесный, я молиться не могу:
«Ты забылъ меня, покинулъ, предалъ лютому врагу!

«Гдѣ найти мнѣ судъ и правду? Чѣмъ Христа я прогнѣ-
вилъ,
«И за что, за что я гибну?..» Такъ я, грѣшный, говорилъ.

Вдругъ на небѣ какъ-то чудно просвѣтлѣло, и порой
Словно ангельское пѣнье проносилось надъ землей...

Вѣютъ крылья серафимовъ, и кадильницы звенятъ,
Сквозь холодный дождь и вьюгу дышитъ теплый ароматъ.

Ты, Іисусе мой сладчайшій, муки въ счастье превратилъ,
Пристыдилъ меня любовью, окаяннаго простилъ!

И свѣтло въ душѣ, и тихо: темной ночью, подъ дождемъ,
Какъ дитя въ спокойной люлькѣ,—я въ дощеникѣ моемъ.

Хорошо мнѣ, и не знаю—въ небесахъ или во мнѣ—
Словно ангельское пѣнье раздается въ тишинѣ.

VII.

По скаламъ орелъ—да кречетъ, въ мракѣ дѣвственныхъ
лѣсовъ—
Чернобурая лисица, стаи дикихъ кабановъ.

Тамъ и стерлядь, и осетръ ходятъ густо подъ водой,
Таймень жирная сверкаетъ серебристой чешуей.

Все тамъ есть, но все чужое,—люди, вѣра... И тоской
Ноетъ сердце, вспоминая объ отчизнѣ дорогой.

Повстрѣчали мы однажды у Байкальскихъ береговъ
Соболиную станицу нашихъ русскихъ земляковъ.

Это край счастливый. Горы тамъ уходятъ въ небеса,
Ихъ подножья осѣнили кедровъ темные лѣса.

Тамъ, посѣянные Богомъ, разрослись въ тиши долинъ
Сладкій лукъ, чеснокъ и мята, и душистый розмаринъ.

Плачутъ миленькіе, смотрятъ, не насмотрятся на насъ,
Обнимаютъ и жалѣютъ, подхватили мой карбасъ,

И хлопочутъ, и смѣются: каждый жизнь отдать готовъ;
Привезли мнѣ на телѣгѣ сорокъ свѣжихъ осетровъ.

Вмѣстѣ кашу заварили, пѣли пѣсни за костромъ;
На чужбинѣ Русь святую поминали мы добромъ.

Въ эту ночь, съ улыбкой тихой очи скорбныя сможивъ,
Засыпали мы подъ шорохъ золотыхъ, родимыхъ нивъ.

VIII.

Ты одинъ, Владыка, знаешь, сколько мукъ я перенесъ:
Хлѣбъ не сладокъ былъ отъ горя, и вода — горька отъ слезъ.

На Шаманскихъ водопадахъ, на Тунгузкѣ я тонулъ,
Замерзалъ въ сугробахъ, лямку съ бурлаками я тянулъ.

Безъ пріюта, безъ одежды насыщался я порой
То поганою кониной, то сосновою корой.—

Пять недѣль мы шли по Нерчи, пять недѣль—все голый ледъ.
Дѣтокъ съ рухлядью въ обозѣ лошаденка чуть везетъ.

Мы съ женою вслѣдъ за ними, убиваючись, идемъ;
Скользко, ноги еле держатъ. Полумертвые бредемъ.

Протопопица бывало поскользнется, упадетъ,
На нее мужикъ усталый изъ обоза набредетъ,

Тоже валится, и оба на снѣгу они лежатъ,
И барахтаются въ шубахъ, встать не могутъ и кричатъ:

«Задавилъ меня ты, батько!»—«Государыня, прости!»
Что тутъ дѣлать,—смѣхъ и горе! я спѣшу къ нимъ подойти,

И бранитъ меня съ улыбкой, и бредетъ она опять:
«Протопопъ ты горемычный, долго ль намъ еще страдать?»

«— Видно, Марковна, до смерти!» Тихо, съ ласковымъ лицомъ:
«— Что жъ, Петровичъ, отвѣчаетъ, съ Богомъ дальше побредемъ!»

На саняхъ у насъ, въ обозѣ, помню, курочка была;
Два яйца для нашихъ дѣтокъ каждый день она несла.

Чудо-птица! и за деньги намъ такой бы не найти,
Жалко, бѣдную въ обозѣ раздавили на пути.

До сихъ поръ объ ней я помню: я привыкъ ее ласкать;
Мы крупу въ котлѣ семейномъ позволяли ей клевать:

Божья тварь! Создатель любитъ всѣхъ животныхъ, какъ людей;
Онъ не брезгаетъ, Пречистый, и послѣднимъ изъ звѣрей,

Онъ изъ рукъ Своихъ питаетъ все, что дышитъ и живетъ,
Онъ и птицу пожалѣетъ, и былинку сбережетъ.

IX.

Собрались мы плыть на лодкахъ; кормчій парусъ подымалъ;
Изъ тайги въ ту пору бѣглый къ намъ бродяга забѣжалъ.

Онъ, дрожа и задыхаясь, палъ на землю предо мной
И глядѣлъ мнѣ прямо въ очи съ боязливою мольбой:

«Я скитался дикимъ звѣремъ тридцать дней въ глуши лѣсовъ,
«Сжалься, батюшка, не выдай, скрой отъ лютыхъ казаковъ!..»

Вижу—лобъ съ клеймомъ позорнымъ, обручъ сломанныхъ цѣпей,
Но прощенья страшно молитъ взоръ испуганныхъ очей.

Плачетъ, ноги мнѣ цѣлуетъ, окровавленный, въ пыли:
До чего созданье Божье, человѣка, довели!..

Я забылъ, что онъ преступникъ, я хотѣлъ его поднять,
И какъ брату, кто бъ онъ ни былъ, слово доброе сказать.

Но жена меня торопитъ: «Спрячемъ бѣднаго скорѣй!..»
И голубка отвернулась, — льются слезы изъ очей.

Скрылъ я миленькаго въ лодкѣ, да подушекъ навалилъ;
Протопопицу и дѣтокъ на постелю положилъ.

Казаки къ намъ скачутъ вихремъ и съ пищалями въ рукахъ,
Какъ затравленнаго звѣря, ищутъ бѣглаго въ кустахъ.

И кричатъ намъ: «Гдѣ бродяга?—ужъ не спрятанъ ли у васъ?»
«— Никого мы не видали, — обыщите нашъ карбасъ!»

Ищутъ, роютъ, но съ постели бѣдной Марковны моей
Не согнали: «Спи, родная, не тревожься!» молвятъ ей,—

«Вдоволь мукъ ты натерпѣлась!»—Такъ его и не нашли.
Обманулъ я ихъ, сердечныхъ. Дѣлать нечего—ушли.

Пусть же Богъ меня накажетъ: какъ мнѣ было не солгать?
Согрѣшилъ я противъ воли: я не могъ его предать.

X.

Вижу — меркнетъ Божья вѣра, тьма полночная растетъ,
Вижу—льется кровь невинныхъ, братъ на брата возстаетъ.

Что же дѣлать мнѣ? Бороться и неправду обличать,
Иль, скрываясь отъ гоненій, покориться и молчать?

Жаль мнѣ Марковны и дѣтокъ, жаль мнѣ свѣтиковъ моихъ:
Какъ ихъ бросить безъ защиты; горько, страшно мнѣ за нихъ!

И сидѣлъ въ нѣмомъ раздумьи я, поникнувъ головой.
Но жена ко мнѣ подходитъ, тихо молвитъ: «Что съ тобой?

«Отчего ты такъ кручиненъ?»—«Дорогая, жаль, мнѣ васъ!
«Чуетъ сердце: я погибну, близокъ мой послѣдній часъ.

«На кого тебя оставлю?..» Съ нѣжной ласкою въ очахъ—
«Что ты, Богъ съ тобой, Петровичъ,—молвитъ, — тамъ, на небесахъ,

«Есть у насъ Ходатай вѣчный, ты же—бренный человѣкъ.
«Онъ—Заступникъ вдовъ и сиротъ, не покинетъ насъ вовѣкъ.

«Будь же веселъ и спокоенъ, насъ въ молитвахъ поминай,
«Еретическую блудню предъ народомъ обличай.

«Встань, родимый, что тутъ думать, встань, поди скорѣй во храмъ,
«Проповѣдуй слово Божье!»...

XI.

Смерть пришла... Сегодня утромъ предъ народомъ поведутъ
На костеръ меня, разстригу, и съ проклятьями сожгутъ.

Но звучитъ мнѣ чей-то голосъ и зоветъ онъ въ тишинѣ:
«Аввакумушка мой бѣдный, ты усталъ, приди ко Мнѣ!»

Дай мнѣ, Боже, хоть послѣдній уголокъ въ святомъ раю,
Только бъ видѣть милыхъ дѣтокъ, видѣть Марковну мою.

Потрудился я для правды, не берегъ послѣднихъ силъ:
Тридцать лѣтъ, никоніане, я жестоко васъ бранилъ.

Если чѣмъ-нибудь обидѣлъ, — вы простите дураку:
Вѣдь и мнѣ пришлось немало натерпѣться, старику...

Вы простите, не сердитесь, — всѣ мы братья о Христѣ:
И за всѣхъ насъ, злыхъ и добрыхъ, умиралъ Онъ на крестѣ.

Такъ возлюбимъ же другъ друга, — вотъ послѣдній мой завѣтъ.
Все въ любви, — законъ и вѣра... выше заповѣди нѣтъ.

1887.

Уголино.

(Легенда изъ Данте).

Въ послѣднемъ кругѣ ада передъ нами
Во мглѣ поверхность озера блистала
Подъ ледяными, твердыми слоями.

На эти льды безвредно бы упала,
Какъ пухъ, громада каменной вершины,
Не раздробивъ ихъ вѣчнаго кристалла.

И какъ лягушки, вынырнувъ изъ тины,
Среди болотъ виднѣются порою,—
Такъ въ озерѣ той сумрачной долины

Безчисленные грѣшники толпою
Согнувшіеся, голые сидѣли
Подъ ледяной, прозрачною корою.

Отъ холода ихъ губы посинѣли,
И слезы на ланитахъ замерзали,
И не было кровинки въ блѣдномъ тѣлѣ.

Ихъ мутный взоръ поникъ въ такой печали,
Что мысль моя отъ страха цѣпенѣетъ,
Когда я вспомню, какъ они дрожали,—

И солнца лучъ съ тѣхъ поръ меня не грѣетъ.—
Но вотъ земная ось ужъ недалеко:
Скользитъ нога, въ лицо мнѣ стужей вѣетъ...

Тогда увидѣлъ я во мглѣ глубоко
Двухъ грѣшниковъ; безумьемъ пораженный,
Одинъ схватилъ другого и жестоко

Впился зубами въ черепъ раздробленный,
И грызъ его, и вытекалъ струями
Изъ черной раны мозгъ окровавленный.

И я спросилъ дрожащими устами,
Кого онъ пожираетъ; подымая
Свой обагренный ликъ и волосами

Несчастной жертвы губы вытирая,
Онъ отвѣчалъ: «я призракъ Уголино,
А эта тѣнь—Руджьеръ; земля родная

Злодѣя проклята... Онъ былъ причиной
Всѣхъ мукъ моихъ: онъ заточилъ въ оковы
Меня съ дѣтьми, гонимаго судьбиной.

Тюремный сводъ давилъ, какъ гробъ свинцовый;
Сквозь щель его не разъ на тверди ясной
Я видѣлъ, какъ рождался мѣсяцъ новый—

Когда тотъ сонъ приснился мнѣ ужасный:
Собаки волка стараго травили;
Руджьеръ ихъ плетью гналъ, и звѣрь несчастный

Съ толпой волчатъ своихъ по сѣрой пыли
Влачилъ кровавый слѣдъ, и онъ свалился,
И гончія клыки въ него вонзили.—

Услышавъ плачъ дѣтей, я пробудился:
Во снѣ, полны предчувственной тоскою,
Они молили хлѣба, и тѣснился

Мнѣ въ грудь невольный ужасъ предъ бѣдою.—
Ужель въ тебѣ нѣтъ искры сожалѣнья?
О если ты не плачешь надо мною,

Надъ чѣмъ же плачешь ты!.. Среди томленья
Тотъ часъ, когда намъ пищу приносили,
Давно прошелъ; ни звука, ни движенья...

Въ нѣмыхъ стѣнахъ—все тихо, какъ въ могилѣ.
Вдругъ тяжкій молотъ грянулъ за дверями...
Я понялъ все: то входъ тюрьмы забили.

И пристально безумными очами
Взглянулъ я на дѣтей; передо мною
Они рыдали тихими слезами.

Но я молчалъ, поникнувъ головою;
Мой Анзельмуччіо мнѣ съ лаской милой
Шепталъ: «о, какъ ты смотришь, что съ тобою?...»

Но я молчалъ, и мнѣ такъ тяжко было,
Что я не могъ ни плакать, ни молиться.
Такъ первый день прошелъ, и наступило

Второе утро: кроткая денница
Блеснула вновь, и въ трепетномъ мерцаньи
Узнавъ ихъ блѣдныя, худыя лица,

Я руки грызъ, чтобъ заглушить страданье.
Но дѣти кинулись ко мнѣ, рыдая,
И я затихъ. Мы провели въ молчаньи

Еще два дня... Земля, земля нѣмая,
О для чего ты насъ не поглотила!...
Къ ногамъ моимъ упалъ, ослабѣвая,

Мой бѣдный Гаддо, простонавъ уныло:
«Отецъ, о, гдѣ ты, сжалься надо мною!..»
И смерть его мученья прекратила.

Какъ сынъ за сыномъ падалъ чередою,
Я видѣлъ самъ своими же очами,
И вотъ одинъ, одинъ подъ вѣчной мглою

Надъ мертвыми, холодными тѣлами—
Я звалъ дѣтей; потомъ въ изнеможеньи
Я ощупью, безсильными руками,

Когда въ глазахъ уже померкло зрѣнье,
Искалъ ихъ труповъ, ужасомъ томимый,
Но голодъ, голодъ побѣдилъ мученье!...»

И онъ умолкъ, и вновь, неутомимый,
Схватилъ зубами черепъ въ дикой злости
И грызъ его, палачъ неумолимый:

Такъ алчный песъ грызетъ и гложетъ кости.

1885.

Орваси.

Царь Пурурава ищетъ свою возлюбленную въ заколдованномъ лѣсу, гдѣ она превращена въ ліану чарами одного отшельника.

НЕВИДИМЫЙ ХОРЪ.

Надъ душистыми цвѣтами
Пчелы весело жужжатъ;
Южный вѣтеръ съ облаками
Гонитъ теплыми волнами
Первый, вешній ароматъ;
Вѣтеръ полонъ жгучей ласки,
И растенья въ шумной пляскѣ
Всѣми листьями дрожатъ.

ЦАРЬ.

Мнѣ, какъ дань, примчали грозы
Сотни пѣнистыхъ ручьевъ,
И колеблются мимозы
Вмѣсто пышныхъ вѣеровъ.
Лишь бананы въ грусти томной
Клонятъ нѣжные цвѣты;
Край пурпурный, вѣнчикъ темный—
Все въ нихъ чудо красоты:
Я гляжу на нихъ уныло,
Въ нихъ я вижу, полный грезъ,
Съ темнымъ взоромъ очи милой,
Покраснѣвшія отъ слезъ...

НЕВИДИМЫЙ ХОРЪ.

Бѣлый слонъ по кокосовымъ рощамъ, весной
Днемъ и ночью безъ отдыха бродитъ;
Всюду ищетъ подруги своей молодой
И покоя нигдѣ не находитъ.

ЦАРЬ.

Вотъ павлинъ: на камнѣ дикомъ,
Весь обрызганный дождемъ,
Рѣзво прыгаетъ онъ съ крикомъ,
Съ гордо поднятымъ хвостомъ.
Вѣтеръ вѣетъ, и трепещутъ
Перья въ ливнѣ золотомъ,
И волнуются, и блещутъ...
Не видалъ ли ты, павлинъ,
Гдѣ-нибудь богини кроткой,
Не встрѣчалъ ли средь долинъ
Пэри съ царственной походкой?...
Нѣтъ! онъ радостно молчитъ,
Онъ смѣется надо мною;

Только хвостъ его горитъ,
Словно тучки предъ зарею.
Да, павлинъ,—открой смѣлѣй,
Распусти ты хвостъ побѣдно!
Здѣсь вѣдь нѣтъ Орваси бѣдной,
Нѣтъ соперницы твоей:
Если милая, бывало,
Гіацинты заплетала
Въ темный шелкъ своихъ кудрей
И потомъ ихъ распускала,—
То предъ ней, полна стыдомъ,
Эта царственная птица
Не могла уже гордиться
Ярко блещущимъ хвостомъ.!

НЕВИДИМЫЙ ХОРЪ.

По зеленой бамбуковой чащѣ, весной
Бѣлый слонъ тихой поступью бродитъ;
Онъ клыки опустилъ, онъ поникъ головой
И покоя нигдѣ не находитъ.

ЦАРЬ.

Чу! я слышу прозвенѣли
Словно кольца ожерелій.
Крикъ блаженства затая,
Жадно внемлю... Неужели
Это—милая моя?
Нѣтъ, то лебедь надъ волнами
Изъ густыхъ болотныхъ травъ
Звонко крикнулъ, увидавъ,
Какъ съ весенними дождями
Тучи тянутся грядами.
Гордый лебедь,—отряхнувъ
Желтыхъ лотосовъ тычинки,
Съ нихъ медовыя росинки
Ты лови въ свой темный клювъ,

Черезъ горы и пустыни
Собирайся въ дальній путь,
Но скажи—моей богини
Не видалъ ли гдѣ-нибудь?..
Взоръ онъ грустно подымаетъ,
Словно молвитъ «не видалъ».
Нѣтъ, онъ видѣлъ, но скрываетъ
Эту тайну; гдѣ бъ онъ взялъ
Столько граціи свободной!..
У царевны благородной
Всѣ движенья онъ укралъ,
И какъ воръ бѣжитъ отъ казни,
Такъ, царя узнавъ во мнѣ,
Мчится въ трепетной боязни
Онъ къ лазурной вышинѣ.

НЕВИДИМЫЙ ХОРЪ.

По глубокимъ, цвѣтущимъ долинамъ, весной
Бѣлый слонъ тихой поступью бродитъ:
Всюду ищетъ подруги своей молодой
И покоя нигдѣ не находитъ.

ЦАРЬ.

Вотъ пчела: благоуханьемъ
И тепломъ опьянена,
Въ розу прячется она;
И таинственнымъ жужжаньемъ
Роза нѣжная полна:
Такъ въ безумныя мгновенья,
Если пэри я лобзалъ,
Страстный шопотъ наслажденья
Въ алыхъ губкахъ замиралъ.
Гдѣ жъ Орваси дорогая,
Не видала ль ты пчела?..
Нѣтъ, ты видѣть не могла:
Если бъ встрѣтилась, играя,

Ты съ дыханьемъ милыхъ устъ,—
Ты бъ отъ нихъ не отлетѣла,
Ты бы видѣть не хотѣла
Этой розы пышный кустъ!

НЕВИДИМЫЙ ХОРЪ.

Тамъ, подъ кущей миндальныхъ деревьевъ, весной
Бѣлый слонъ тихой поступью бродитъ;
Онъ клыки опустилъ, онъ поникъ головой
И покоя нигдѣ не находитъ.

ЦАРЬ.

Что за чудо! Дивный камень
Между темныхъ скалъ горитъ;
Онъ кидаетъ на гранитъ,
Словно кровь, пурпурный пламень
(Наклоняется и беретъ его въ руку.)
Только мнѣ ужъ не видать
Той головки, гдѣ бъ лучами
Надъ душистыми кудрями
Этотъ камень могъ сіять!
Прочь, рубинъ,—тебя слезами
Я не буду омрачать...

НЕВИДИМЫЙ ХОРЪ.

Талисманъ драгоцѣнный ты свято храни:
Онъ даруетъ влюбленнымъ счастливые дни.

ЦАРЬ.

(подымая брошенный камень)
Если такъ,—пусть онъ горитъ,
Какъ луна въ коронѣ Сивы,
И вѣнецъ мой горделивый
Новымъ блескомъ озаритъ!

(Дѣлая нѣсколько шаговъ.)

Вотъ ліана молодая
Въ свѣтломъ ливнѣ вся дрожитъ,
Теплый дождь съ вѣтвей роняя;
Это—пэри дорогая:
Тѣ же слезы, тотъ же видъ.
Нѣтъ на ней цвѣтовъ душистыхъ,
И не манитъ сладкій медъ
Стаю пчелокъ золотистыхъ.
Что же къ ней меня влечетъ,
Что такъ радуетъ невольно?
Самъ не знаю почему—
Мнѣ такъ сладостно, такъ больно
Вѣрить чувству моему.
Чтобъ забыться на мгновенье,
Это нѣжное растенье
Я съ любовью обниму...

(Закрывъ глаза, онъ обнимаетъ ліану, которая, подъ дѣйствіемъ талисмана, превращается въ Орваси.)

Тише, сердце, подожди...
Что-то теплое, живое,
Словно тѣло молодое,
Я прижалъ къ моей груди.
Я отъ радости слабѣю:
Это пэри легкій станъ!
Я дрожу и пламенѣю,
Но очей открыть не смѣю
И боюсь узнать обманъ...

(Медленно открывая глаза.)

Это ты моя желанная!

(Теряетъ сознаніе.)

ОРВАСИ

(наклоняя надъ нимъ вѣтви розъ).

Пусть роса благоуханная
Оживитъ его чело!

ЦАРЬ

(приходя въ сознаніе).

Волны музыки божественной,
Пойте громко и торжественно,
Какъ въ душѣ моей свѣтло!..

(Возлагая талисманъ на голову своей невѣсты.)

Онъ надъ мраморнымъ челомъ
Свѣтитъ розовымъ огнемъ,—
Словно лотоса дрожащаго
Блѣдно-матовый цвѣтокъ
Пурпуръ солнца восходящаго
Алымъ пламенемъ зажегъ!

ОРВАСИ.

Намъ давно пора домой
Возвратиться въ край родной

ЦАРЬ.

Брама тучу темнокрылую
Въ колесницу превратитъ,
Теплый вѣтеръ съ бурной силою,
Словно конь, ее помчитъ;
Ленты радугъ яркимъ пламенемъ
Колесницу обовьютъ,
И надъ ней побѣднымъ знаменемъ
Грозно молніи блеснутъ;
Прямо къ тверди ослѣпительной
Мы направимъ смѣлый путь,
Чтобъ въ лазури упоительной
Словно въ морѣ потонуть!

НЕВИДИМЫЙ ХОРЪ.

Бѣлый лебедь, отъ счастья на шеѣ твоей
Серебристыя перья вздымаются,
И какъ ложе любви, въ полной славѣ лучей—
Небеса предъ тобой открываются!

1886.

Страшный судъ.

И я видѣлъ седьмь Ангеловъ,
которые стояли передъ Богомъ,
и даны имъ седьмь трубъ.

Апокал. VIII.

Я видѣлъ въ вышинѣ на свѣтлыхъ облакахъ
Семь грозныхъ ангеловъ, стоявшихъ передъ Богомъ
Въ одеждахъ пламенныхъ и съ трубами въ рукахъ.
Потомъ еще одинъ предсталъ въ величьи строгомъ,
Держа кадильницу на золотыхъ цѣпяхъ;
Горстями полными съ улыбкой вдохновенной
На жертвенный алтарь бросалъ онъ ѳиміамъ,
И благовонный дымъ молитвою смиренной,
Молитвой праведныхъ вознесся къ небесамъ.
Тогда кадильницу съ горящими углями
Десницей гнѣвною на землю онъ повергъ,—
И въ тучахъ молніи блеснули, день померкъ,
И преисподняя откликнулась громами.
Семь ангеловъ, полны угрозой величавой;
Взмахнули крыльями, и Первый затрубилъ,—
И палъ на землю градъ, огонь и дождь кровавый,
И третью часть лѣсовъ дотла испепелилъ.
Подъ звукъ второй трубы расплавленная глыба
Была низринута въ морскую глубину:
Вскипѣла треть пучинъ, и въ нихъ задохлась рыба,
И кровь, густая кровь, окрасила волну.

И Третій затрубилъ, и съ грохотомъ скатилась
На царственный Ефратъ огромная звѣзда,
И въ горькую полынь внезапно превратилась
Въ колодцахъ и ключахъ студеная вода.
Четвертый затрубилъ,—и въ воздухѣ погасла
Треть солнечныхъ лучей и треть небесныхъ тѣлъ;
Какъ надъ потухшими свѣтильнями безъ масла,
Надъ ними ѣдкій дымъ клубился и чернѣлъ.
Откинувъ голову, съ огнемъ въ орлиномъ взорѣ
Блестящій херувимъ надъ міромъ пролетѣлъ
И страшнымъ голосомъ воскликнулъ: «горе, горе!..»

И Пятый затрубилъ, и слышалъ я надъ бездной,
Какъ шумъ отъ колесницъ, несущихся на бой;
То въ небѣ саранча, гремя броней желѣзной
И крыльями треща, надвинулась грозой.
Вождемъ ея полковъ былъ мрачный Абадонна;
Дома, сады, поля и даже гладь морей—
Она покрыла все, и жаломъ скорпіона
Высасывала кровь и мозгъ живыхъ людей.
И затрубилъ Шестой, и безъ числа, безъ мѣры
Когорты всадниковъ слетаются толпой
Въ одеждахъ изъ огня, изъ пурпура и сѣры
На скачущихъ коняхъ со львиной головой;
Какъ въ кузницѣ мѣха, ихъ бедра раздувались,
Клубился бѣлый дымъ изъ пышущихъ ноздрей;
Гдѣ смерчъ ихъ пролеталъ,—тамъ молча разстилались
Кладбища съ грудами обугленныхъ костей.
Седьмой вознесъ трубу: онъ ждалъ, на мечъ склоненный,
Онъ въ солнце былъ одѣтъ и въ радугѣ стоялъ;
И двѣ его ноги—двѣ огненныхъ колонны,
Одной—моря, другой онъ земли попиралъ.
И книгу развернувъ, предсталъ онъ въ грозной силѣ.
Какъ шумъ отъ многихъ водъ, какъ ревъ степного льва,
Звучали ангела могучія слова,
И тысячи громовъ въ отвѣтъ проговорили.
Тогда мнѣ голосъ былъ: «Я—Альфа и Омега,

Начало и конецъ, я въ міръ гряду! аминь».
Гряди, о Господи!
Какъ воскъ, какъ хлопья снѣга,
Растаетъ предъ Тобой гранитъ нѣмыхъ твердынь.
Какъ женщина въ родахъ, Природа среди пытокъ
Въ послѣдній часъ полна смертельною тоской,
И небо свернуто въ одинъ огромный свитокъ,
И звѣзды падаютъ, какъ осенью избытокъ
Плодовъ, роняемыхъ оливою густой.

1886

Будда.

Онъ лежитъ подъ навѣсомъ пурпурнаго ложа
Въ блѣдно-розовомъ свѣтѣ вечернихъ огней;
Молодого чела золотистая кожа
Оттѣняется мракомъ глубокихъ очей.
Смотритъ Будда, какъ дѣвы проносятся въ пляскѣ
И вино изъ кувшиновъ серебряныхъ льютъ;
Вызывающій взоръ полонъ огненной ласки;
Ударяя въ тимпанъ, баядеры поютъ.
И зовутъ онѣ къ радостямъ нѣги безпечной
Тѣхъ, кто молодъ, прекрасенъ, могучъ и богатъ.
Но какъ звонъ погребальный, какъ стонъ безконечный
Переливы тимпановъ для Будды звучатъ:

«Все стремится къ разрушенью —
Всѣ міры и всѣ вѣка,
Словно близится къ паденью
Необъятная рѣка.
Все живое смерть погубитъ,
Все, что мило — смерть возьметъ.
Кто любилъ тебя — разлюбитъ,
Радость призракомъ мелькнетъ.
Нѣтъ спасенья! Слава, счастье,
И любовь, и красота
Исчезаютъ, какъ въ ненастье

Яркой радуги цвѣта.
Духъ безумно къ небу рвется,
Плоть прикована къ землѣ;
Какъ пчела — въ сосудѣ, бьется
Человѣкъ въ глубокой мглѣ!»

Передъ ложемъ царя баядеры плясали;
Но для Будды звучалъ тотъ же грустный напѣвъ
Въ этихъ гимнахъ, что жизнь и любовь прославляли,
Въ тихой музыкѣ струнъ, въ нѣжномъ голосѣ дѣвъ:

«Въ цвѣтѣ жизни, въ блескѣ счастья
Вкругъ тебя — толпы друзей.
Сколько мнимаго участья,
Сколько ласковыхъ рѣчей!
Но дохнетъ лишь старость злая,
Розы юности губя,
И друзья, какъ волчья стая,
Къ новой жертвѣ убѣгая,
Отшатнутся отъ тебя.
Ты, отверженный богами,
Будешь нищъ и одинокъ,
Какъ покинутый стадами,
Солнцемъ выжженный потокъ.
Словно дерево въ пустынѣ,
Опаленное грозой,
Въ поздней, старческой кручинѣ
Ты поникнешь головой.
И погрязнешь ты въ заботѣ,
Въ тинѣ мелочныхъ обидъ,
Словно дряхлый слонъ въ болотѣ,
Всѣми брошенъ и забытъ.
Что намъ дѣлать? Страсти, горе
Губятъ тысячи людей,
Какъ пожаръ — траву степей,
И печаль растетъ, какъ море!
Что намъ дѣлать? Меркнетъ умъ,
И толпимся мы безъ цѣли —

Такъ испуганныхъ газелей
Гонитъ огненный самумъ!»
Баядеры поютъ про надежды и счастье,
На напрасно тимпаны и лютни гремятъ;
Какъ рыдающій вѣтеръ въ ночное ненастье,
Пѣсни, полныя жизни, для Будды звучатъ:
«Близокъ страшный день возмездья:
Задрожитъ земля и твердь,
И потушитъ всѣ созвѣздья
Торжествующая смерть.
Міръ исчезнетъ, какъ зарница
Въ полуночныхъ небесахъ;
Все, что есть, намъ только снится,
Вся природа — дымъ и прахъ!
Наши радости — мгновенны,
Какъ обманчивые сны,
Какъ въ пучинѣ брызги пѣны,
Какъ надъ моремъ блескъ луны.
Всѣ желанія, какъ сѣти,
Какъ свѣча для мотыльковъ:
Мы кидаемся, какъ дѣти,
За видѣньемъ лживыхъ сновъ.
Страсти, нѣга, наслажденья —
Никому и никогда
Не приносятъ утоленья,
Какъ соленая вода...
Что намъ дѣлать? Гдѣ — спаситель?
Какъ защитника найти?
Бодизатва-Утѣшитель!
Пробилъ часъ,— пора итти!
Въ этотъ пламень необъятный
Мукъ, желаній и страстей
Ты, какъ ливень благодатный,
Слезы жалости пролей!...»

. . . .

1886.

Донъ-Кихотъ.

Шлемъ—надтреснутое блюдо,
Щитъ—картонный панцырь жалкій...
Въ стременахъ висятъ, качаясь,
Ноги тощія, какъ палки.

Для него хромая кляча—
Конь могучій Россинанта,
Эти мельничныя крылья—
Руки мощнаго гиганта.

Видитъ онъ въ тавернѣ грязной
Роскошь царскаго чертога,
Слышитъ въ дудкѣ свинопаса
Звукъ серебрянаго рога.

Санхо Панца ѣдетъ рядомъ;
Гордый видъ его серьезенъ:
Какъ прилично копьеносцу,
Онъ величественъ и грозенъ.

Въ красной юбкѣ, въ пятнахъ дегтя,
Тамъ, надъ кучами навоза—
Эта царственная дама—
Дульцинея де-Тобозо...

Страстно, съ юношескимъ жаромъ
Онъ въ толпѣ крестьянъ голодныхъ,
Вмѣсто хлѣба, разсыпаетъ
Перлы мыслей благородныхъ:

«Люди добрые, ликуйте,
«Наступаетъ праздникъ вѣчный:
«Міръ не солнцемъ озарится,
«А любовью безконечной...

«Будутъ всѣ равны; другъ друга
«Перестанутъ ненавидѣть;
«Ни алькады, ни бароны
«Не посмѣютъ васъ обидѣть.

«Пойте, братья, гимнъ побѣдный!
«Этотъ мечъ несетъ свободу,
«Справедливость и возмездье
«Угнетенному народу!»

Изъ приходской школы дѣти
Выбѣгаютъ, бросивъ книжки,
И хохочутъ, и кидаютъ
Грязью въ рыцаря мальчишки.

Аплодируя, какъ зритель,
Жирный лавочникъ смѣется;
На крыльцѣ своемъ трактирщикъ
Весь отъ хохота трясется.

И почтенный патеръ смотритъ,
Изумленіемъ объятый,
И громитъ безумье вѣка
Онъ латинскою цитатой.

Изъ окна глядитъ цырюльникъ,
Онъ прервалъ свою работу,
И съ восторгомъ машетъ бритвой,
И кричитъ онъ Донъ Кихоту:

«Благороднѣйшій изъ смертныхъ,
«Я желаю вамъ успѣха!..»
И не въ силахъ кончить фразы,
Задыхается отъ смѣха.

Онъ не чувствуетъ, не видитъ
Ни насмѣшекъ, ни презрѣнья:
Кроткій ликъ его такъ свѣтелъ,
Очи—полны вдохновенья.

Онъ смѣшонъ, но сколько дѣтской
Доброты въ улыбкѣ нѣжной
И въ лицѣ, простомъ и блѣдномъ
Сколько вѣры безмятежной!

И любовь и вѣра святы,
Этой вѣрою согрѣты
Всѣ великіе безумцы,
Всѣ пророки и поэты!

Жертва.

У ясныхъ волнъ священной Брамапутры
Проводитъ дни въ молитвѣ и постѣ
Божественный подвижникъ Усинара.
Однажды царь небесъ, могучій Индра,
Отшельника задумалъ испытать.
Тогда въ голубку Агни превратился,
И соколомъ за ней помчался Индра.
Но на груди подвижника святого,
Увидѣвъ въ немъ защиту отъ врага,
Дрожащая голубка пріютилась;
Онъ бережно покрылъ ее рукой
И ласково промолвилъ ей: «не бойся!»
Но въ тотъ же мигъ на каменный уступъ—
Угрюмъ и мраченъ — соколъ опустился
И злобно крикнулъ: «По какому праву,
Могучій Усинара, ты дерзнулъ
Отнять мою законную добычу?»
— Во имя милосердья и любви
Тому, кто слабъ, я долженъ дать защиту.
— «Что значитъ милосердье и любовь?
Въ моемъ гнѣздѣ голодные птенцы
И день, и ночь кричатъ: отецъ, дай пищи!

Лишивъ меня послѣдняго куска,
Старикъ, ты предалъ ихъ голодной смерти!»
— Я дамъ тебѣ волшебные дворцы
И грудами каменьевъ драгоцѣнныхъ,
И золотомъ осыплю я тебя,—
Но, — видитъ Богъ, — я выдать не могу
Гонимую, безпомощную жертву...—
Онъ говорилъ и старческой рукой
Любовно гладилъ бѣлую голубку.
— «Нѣтъ, Усинара, — грозно молвилъ соколъ —
Къ чему мнѣ золото, къ чему дворцы:
Я не отдамъ за нихъ моей добычи.
Смерть — побѣжденнымъ, сильнымъ—торжество,—
Таковъ законъ природы безпощадный.
Я голоденъ, не мучь меня, старикъ...
Мнѣ надо теплаго, живого мяса!
Я требую, чтобъ ты мнѣ возвратилъ
Кусокъ моей добычѣ равный вѣсомъ.
И если ты не хочешь, чтобъ погибла
Иная жертва — мяса для меня
Изъ собственной груди ты долженъ вырвать».
Но ласково морщинистой рукой
Отшельникъ гладилъ бѣлую голубку,
Потомъ взглянулъ на сокола, и жалость
Ко всѣмъ живымъ, ко всѣмъ, кого томитъ
Нужда и голодъ, жалость кроткимъ свѣтомъ
Зажглась въ его божественныхъ очахъ,
Задумчивыхъ и безконечно-добрыхъ.
Онъ тихо молвилъ соколу: «Ты правъ».
И острый ножъ онъ въ грудь себѣ вонзилъ,
И вырѣзалъ кусокъ живого мяса,
И бросилъ соколу взамѣнъ добычи.
Но тотъ сказалъ: «Мы смѣримъ на вѣсахъ,
«Чтобъ былъ кусокъ голубкѣ равенъ вѣсомъ».
И повелѣлъ отшельникъ, и предъ нимъ
Явился рой духовъ его служебныхъ.
Тяжелые, огромные вѣсы

Они къ скалѣ гранитной прицѣпили,
И на одну изъ чашекъ голубь сѣлъ,
И на другую бросилъ Усинара
Кусокъ кровавый собственнаго тѣла.
Но чаша съ голубемъ не поднялась.
Еще кусокъ онъ вырѣзалъ и бросилъ,
Потомъ еще, еще... и кровь струилась,
И не было на немъ живого мѣста:
Срывалъ онъ тѣло съ бедеръ, съ плечъ, съ груди
И все кидалъ, кидалъ на эту чашу,
Что неподвижно въ воздухѣ висѣла.
Вся плоть его — зіяющая рана,
Подъ ней въ крови кой-гдѣ бѣлѣетъ кость,
А между тѣмъ въ очахъ глубоко-ясныхъ—
Все та же необъятная любовь.
Онъ подошелъ къ вѣсамъ и покачнулся,
И навзничь грохнулся, но среди мукъ
Онъ упрекалъ себя за эту слабость,
Онъ говорилъ: «Позоръ, позоръ тебѣ,
О жалкое, безсмысленное тѣло!..
Иль мало я училъ тебя страдать,
Томилъ постомъ, сушилъ полдневнымъ зноемъ...
Впередъ, скорѣй,—конецъ твой недалекъ.
Еще одно послѣднее усилье!..»
Изъ лужи крови бодро онъ поднялся,
Приблизился къ вѣсамъ и въ нихъ вошелъ,
И чаша опустилась до земли,
И радостно къ лазуревому небу
Спасенная голубка вознеслась.
Вздохнулъ онъ и промолвилъ: «какъ я счастливъ!..»
И блѣдное, прекрасное чело
Безоблачнымъ блаженствомъ просіяло.

1886

Аллахъ и Демонъ.

(Мусульманское преданіе).

...Въ началѣ не было ни солнца, ни планетъ,
И надъ вселенною отъ края и до края
Какъ вѣчная заря, могучій, ровный свѣтъ
Безъ тѣни, безъ лучей горѣлъ, не угасая.
Какъ пыль разбитыхъ волнъ, какъ смерчъ, какъ ураганъ
Надъ милліонами тѣснились милліоны
Безплотныхъ ангеловъ, и въ свѣтлый океанъ
Ихъ огнекрылые сливались легіоны.
Какъ въ бурю грозный гулъ взволнованныхъ лѣсовъ,
Гремѣло «святъ, святъ, святъ!» со всѣхъ концовъ вселенной,
И бездны вторили той пѣснѣ вдохновенной.
Но вдругъ надъ сонмами сіяющихъ духовъ
Промчалась вѣсть о томъ, что въ нѣдрахъ ночи темной
Задумалъ Богъ создать какой-то міръ огромный,
Какихъ-то маленькихъ страдающихъ людей,—
Страдающихъ... увы, какъ мрачно, какъ сурово,
Какимъ предчувствіемъ невѣдомыхъ скорбей
На небѣ въ первый разъ звучало это слово!..
Съ поникшей головой, съ покорностью въ очахъ,
Полны томительнымъ отчаяньемъ и страхомъ,
Безмолвно ангелы стояли предъ Аллахомъ.
Когда же издали въ испуганныхъ рядахъ
Благоговѣйное промчалось: «аллилуйя!»—
Такъ стыдно въ этотъ мигъ, такъ больно стало мнѣ,
Что на Всевышняго возсталъ я, негодуя,
И ропотъ мой предъ нимъ раздался въ тишинѣ;
Я видѣлъ въ будущемъ обиды и страданья
Всѣхъ этихъ трепетныхъ, безпомощныхъ людей,
Я понялъ ихъ печаль, я слышалъ ихъ рыданья,—
И пламя жалости зажглось въ груди моей.
Любовь великая мнѣ сердце наполняла,
Любовь меня звала,—и я покорно шелъ,

На Всемогущаго я рать мою повелъ
За міръ, за бѣдный міръ, и битва запылала...
И дрогнулъ въ небесахъ сіяющій престолъ —
Я говорилъ себѣ: отдамъ я жизнь мою,
Но жалкій міръ людей создать я не позволю
И человѣчество предъ Богомъ отстою!
О пусть я нынѣ палъ, низверженный громами,
Пускай тройная цѣпь гнететъ меня къ землѣ,
И грудь изрѣзана глубокими рубцами,
И выжжено клеймо проклятья на челѣ,—
Еще мой гордый духъ въ борьбѣ не утомился,
Еще горитъ во мнѣ великая любовь,
И будущность—за мной, и я воспряну вновь,—
Я палъ, но не сраженъ, я палъ, но не смирился!
Не я ли пробудилъ могучій гнѣвъ въ сердцахъ,
Не я ли въ нихъ зажегъ мятежный духъ свободы?
Подъ знаменемъ моимъ сбираются народы:
Я цѣпи ихъ разбилъ,—и міръ въ моихъ рукахъ!
Придите же ко мнѣ, страдающіе братья,—
И я утѣшу васъ, и на груди моей
Найдете вы пріютъ отъ Божьяго проклятья:
Придите всѣ ко мнѣ,—я заключу въ объятья
Моихъ измученныхъ, обиженныхъ дѣтей!
Возстаньте, племена, какъ волны предъ грозою,
Какъ тучи темныя, наполнимъ мы весь міръ,
Необозримою, безчисленной толпою
Покроемъ небеса и омрачимъ эѳиръ.
Такъ много будетъ насъ, что крики, вопли, стоны
Всѣ гимны ангеловъ на небѣ заглушатъ,
И язвы грѣшниковъ имъ воздухъ отравятъ,
И въ черной копоти померкнутъ ихъ короны.
Дождемся, наконецъ, мы радостнаго дня:
И задрожитъ Аллахъ, и разобьетъ скрижали,
Пойметъ, что за любовь, за правду мы возстали,
И онъ проститъ людей,и онъ проститъ меня.
Какъ будутъ тамъ, въ раю, блаженны наши слезы,
Тамъ братья-ангелы придутъ насъ обнимать

И кровь изъ нашихъ ранъ съ любовью вытирать
Краями свѣтлыхъ ризъ, и пурпурныя розы
Съ блестящихъ облаковъ на грѣшниковъ кидать.
Какъ утренняя тѣнь, исчезнетъ наше горе,
И небо, и земля тогда сольются вновь
Въ одну великую, безгрѣшную любовь,
Какъ въ необъятное, сіяющее море...
1886.

Сакья-Муни.

По горамъ, среди ущелій темныхъ,
Гдѣ ревѣлъ осенній ураганъ,
Шла въ лѣсу толпа бродягъ бездомныхъ
Къ водамъ Ганга изъ далекихъ странъ.
Подъ лохмотьями худое тѣло
Отъ дождя и вѣтра посинѣло.
Ужъ они не видѣли два дня
Ни пріютной кровли, ни огня.
Межъ деревъ во мракѣ непогоды
Что-то тамъ мелькнуло на пути;
Это храмъ—они вошли подъ своды,
Чтобы въ немъ убѣжище найти.
Передъ ними на высокомъ тронѣ—
Сакья-Муни, каменный гигантъ.
У него въ порфировой коронѣ—
Исполинскій чудный брилліантъ.
Говоритъ одинъ изъ нищихъ: «Братья,
Ночь темна, никто не видитъ насъ,
Много хлѣба, серебра и платья
Намъ дадутъ за дорогой алмазъ.
Онъ не нуженъ Буддѣ: свѣтятъ краше
У него, царя небесныхъ силъ,
Груды брилліантовыхъ свѣтилъ
Въ ясномъ небѣ, какъ въ лазурной чашѣ...»
Поданъ знакъ, и вотъ ужъ по землѣ

Воры тихо крадутся во мглѣ.
Но когда дотронуться къ святынѣ
Трепетной рукой они хотятъ,—
Вихрь, огонь и громовой раскатъ,
Повторенный откликомъ въ пустынѣ,
Далеко откинулъ ихъ назадъ.
И отъ страха все окаменѣло,—
Лишь одинъ—спокойно-величавъ—
Изъ толпы впередъ выходитъ смѣло,
Говоритъ онъ богу: «Ты неправъ!
Или намъ жрецы твои солгали,
Что ты кротокъ, милостивъ и благъ,
Что ты любишь утолять печали
И, какъ солнце, побѣждаешь мракъ?
Нѣтъ, ты мстишь намъ за ничтожный камень,
Намъ, въ пыли простертымъ предъ тобой,—
Но, какъ ты, съ безсмертною душой!
Что за подвигъ сыпать громъ и пламень
Надъ безсильной, жалкою толпой,
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянулъ—грозенъ и могучъ,—
Чтобъ отнять у нищихъ корку хлѣба!
Царь царей, сверкай изъ темныхъ тучъ,
Грянь въ безумца огненной стрѣлою,—
Я стою, какъ равный, предъ тобою,
И высоко голову поднявъ,
Говорю предъ небомъ и землею:
Самодержецъ міра, ты неправъ!»
Онъ умолкъ, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмазъ они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой вѣнчанной до земли,
На колѣняхъ, кроткій и смиренный,
Предъ толпою нищихъ царь вселенной,
Богъ, великій богъ лежалъ въ пыли!

1885.

Леда.

I.

«Я—Леда, я—бѣлая Леда, я—мать красоты.
Я сонныя воды люблю и ночные цвѣты.
Каждый вечеръ, жена соблазненная,
Я ложусь у пруда, тамъ, гдѣ пахнетъ водой,—
Въ душной тьмѣ грозовой,
Вся преступная, вся обнаженная,—
Тамъ, гдѣ сырость, и нѣга, и зной,
Тамъ, гдѣ пахнетъ водой и купавами,
Влажными, блѣдными травами
И таинственнымъ иломъ въ пруду —
Тамъ я жду.
Вся преступная вся обнаженная,
Изнеможенная
Въ сырость теплую, въ мягкія травы ложусь
И горю, и томлюсь.
Въ душной тьмѣ грозовой,
Тамъ, гдѣ пахнетъ водой,
Жду—и въ страстномъ безсиліи,
Я блѣднѣе, прозрачнѣе сломанной лиліи.
Тамъ я жду, а въ пруду только звѣзды блестятъ,
И въ тиши камыши шелестятъ, шелестятъ».

II.

«Вотъ и крикъ, и шумъ пронзительный,
Словно плескъ могучихъ рукъ:
Это—Лебедь ослѣпительный,
Бѣлый Лебедь—мой супругъ!
Съ грозной нѣжностью змѣиною,
Онъ, обвивъ меня, ласкалъ
Тонкой шеей лебединою,—
Влажныхъ губъ моихъ искалъ...
Крылья воду бьютъ,
Грозенъ темный прудъ,—
На спинѣ его щетиною
Перья блѣдныя встаютъ,—

Такъ онъ гордъ своей побѣдою.
Гдѣ я, что со мной — не вѣдаю:
Это—смерть, но не боюсь,
Вся блѣднѣя,
Страстно млѣя,
Какъ въ ночной грозѣ лилѣя,
Ласкамъ бога предаюсь.
Гдѣ я, что со мной, — не вѣдаю»,
Все покрыто тьмой,
Только надъ водой—
Бѣлый Лебедь съ бѣлой Ледою.

III.

И вотъ рождается Елена
Съ невинной прелестью лица,
Но вся — коварство, вся — измѣна,
Бѣлѣе, чѣмъ морская пѣна,—
Изъ лебединаго яйца.
И слышенъ вопль Гекубы въ Троѣ
И Андромахи вѣчный стонъ,
Сразились боги и герои,
И палъ священный Иліонъ.
А ты, Елена, клятвы мира
И долгъ нарушивъ,—ты чиста.
Тебя прославитъ пѣснь Омира,
Затѣмъ что вся надежда міра
Дочь бѣлой Леды— Красота.
1895.

Іовъ.

I.

...И непорочнаго Іова струпьями лютой проказы
Богъ поразилъ отъ подошвы ноги и по самое темя.
Іовъ сидѣлъ далеко за оградой селенья на пеплѣ.
Острую взялъ онъ себѣ черепицу скоблить свои раны.
Молвитъ жена ему: «Все еще твердъ ты въ своемъ благочестьи?

Встань и Творца похули, чтобъ тебѣ умереть». Но смиренно
Іовъ женѣ отвѣчаетъ: «Я доброе принялъ отъ Бога.
Должно и злое принять: да исполнится воля Господня!»
Мудрый Софаръ, Елифазъ изъ Темани, Валдатъ изъ Савхеи
Вмѣстѣ сошлись, чтобы сѣтовать съ нимъ, утѣшая страдальца
Очи поднявъ, издали не узнали несчастнаго друга.
Жалобный голосъ возвысили, ризы свои разодрали,
Стали рыдать, неутѣшные, пыль надъ главами бросая.
Съ Іовомъ рядомъ семь дней и ночей просидѣли въ молчаньи:
Слова никто не сказалъ, оттого что страданіе было
Слишкомъ велико. И первый открылъ онъ уста и промолвилъ:

II.

Іовъ.

Да будетъ проклятымъ навѣкъ
Тотъ день, какъ я рожденъ для смерти и печали,
Да будетъ проклятой и ночь, когда сказали:
«Зачался человѣкъ».
Теперь я плачу и тоскую:
Зачѣмъ сосалъ я грудь родную,
Зачѣмъ не умеръ я: лежалъ бы въ тишинѣ,
Дремалъ—и было бы спокойно мнѣ.
И почивалъ бы я съ великими царями,
Съ могучими владыками земли,—
Побѣдоносными вождями,—
Что войны нѣкогда вели,
Копили золото и строили чертоги...
Я былъ бы тамъ, гдѣ нѣтъ тревоги,
Гдѣ больше нѣтъ вражды земной,
Гдѣ равенъ малому великій,
Вкушаютъ узники покой,

И рабъ свободенъ отъ владыки.
На что мнѣ жизнь, на что мнѣ свѣтъ?
Какъ знойнымъ полднемъ изнуренный,
Тоскуя, тѣни ждетъ работникъ утомленный,
Я смерти жду,—а смерти нѣтъ.
если бъ на меня простеръ Ты, Боже, руку
И больше страхомъ не томилъ,—
Чтобъ кончить сразу жизнь и муку,
Однимъ ударомъ поразилъ.

Елифазъ.

Ужель ты праведнѣй Отца вселенной,
Ужель на судъ Его зовешь?
Зачѣмъ же съ рѣчью дерзновенной
Ты противъ Бога возстаешь?
Безумецъ тотъ, кто не склоняетъ
Во прахъ главы передъ Творцомъ.
Когда и небеса нечисты предъ лицомъ
Всевышняго, когда не довѣряетъ
Онъ даже ангеламъ Своимъ,—
То какъ же чистымъ быть предъ Нимъ
Тому, кто рвется на свободу,
Въ темницу плоти заключенъ,
Тому, кто женщиной рожденъ
И беззаконье пьетъ, какъ воду?

Іовъ.

О, да, надъ бездной Богъ грядетъ,
Столпы земли передвигаетъ,
Печать на звѣзды налагаетъ,
Прикажетъ—солнце не взойдетъ.
Онъ пронесется,—не замѣчу,
Захочетъ взять,—кто запретитъ?
Онъ спроситъ,—какъ Ему отвѣчу?
Накажетъ,—кто меня проститъ?
Предъ взоромъ мудрости Господней

Открыты тайны преисподней,
И херувимы, падши ницъ,
Не открывая въ страхѣ лицъ,
Трепещутъ у Его подножья,
И полонъ міръ Его чудесъ,
И все величіе небесъ—
Отъ дуновенья Духа Божья.
Живъ мой Создатель, живъ Господь,
Мой Богъ, суда меня лишившій,
Мнѣ душу скорбью омрачившій;
Его нельзя мнѣ побороть.
Но пусть страдаю, неутѣшный,—
Я вашей лжи не потерплю,
И правоты моей безгрѣшной,
Пока я живъ, не уступлю.
Голодныхъ я кормилъ, я утолялъ печали,
Я утѣшалъ больныхъ, для сиротъ былъ отецъ,
И чресла бѣдняковъ меня благословляли,
Согрѣтыя руномъ моихъ овецъ.
За щедрость въ дни былые славилъ
По всей землѣ меня народъ.
Въ тѣни вечерней у воротъ
Мое сѣдалище я ставилъ.
И юноши ко мнѣ, и старцы, приходя,
Въ благоговѣніи молчали,
И словъ моихъ смиренно ждали,
Какъ благодатнаго дождя.
За что же нынѣ я въ позорѣ,
Людьми отвергнутый, живу,
Не знаю, гдѣ въ слезахъ и горѣ
Склонить бездомную главу?
Въ пыли, со струпьями на почернѣлой кожѣ,
Сижу и думаю: меня утѣшитъ ложе.
Но Богъ видѣньями пугаетъ и во снѣ.
И ночью холодно въ разодранныхъ одеждахъ,
Во мнѣ страдаетъ духъ, и плоть болитъ на мнѣ,
Тѣнь смерти—на усталыхъ вѣждахъ.

И все-таки я правъ, я чистъ передъ Тобой,
Не вѣдаю, Господь, за что терплю мученье.
Земля, ты кровь мою невинную не скрой,—
Да вопіетъ она о мщеньи!

Валдатъ.

Скажи, ты видѣлъ ли, чтобъ Богъ вознаграждалъ
Людей жестокихъ и лукавыхъ,
Чтобъ Онъ поддерживалъ неправыхъ
И непорочныхъ отвергалъ?
О, нѣтъ,—въ шатрѣ у беззаконныхъ
Померкнетъ радостный очагъ,
Онъ возстановитъ угнетенныхъ,
И будетъ къ праведному благъ,
И судъ рабамъ своимъ даруетъ.
Но кары Божьей не минуетъ
Творящій темныя дѣла:
Когда въ бронѣ онъ безполезной
Уйдетъ отъ палицы желѣзной,
Настигнетъ мѣдная стрѣла!
За грѣхъ твой скорбь вошла въ обитель,
И за вину твоихъ дѣтей
Рукою любящей Своей
Тебя караетъ Вседержитель.
Терпи, смиряйся и молчи.

Іовъ.

Всѣ утѣшенія напрасны,
О безполезные врачи!
Шатры злодѣевъ—безопасны,
Дома грабителей полны
Благословенной тишины.
Я знаю: правды нѣтъ, и все жъ о ней тоскую,
Безъ правды жить я не хочу,
Лишь только вспомню,—негодую
И содрогаюсь и ропщу.

Не буду я молчать, не буду покоряться,
Невиненъ я,—и пусть меня накажетъ Богъ.
О, если бъ съ Нимъ я только могъ,
Какъ равный съ равнымъ состязаться!
Но нѣтъ возмездья, нѣтъ суда.
Ужель Онъ праведныхъ не любитъ,
И злыхъ, и добрыхъ вмѣстѣ губитъ?
Зачѣмъ, о Господи, не вѣдаетъ труда
И богатѣетъ нечестивый?
Зачѣмъ обильный плодъ ему приносятъ нивы,
И множатся въ поляхъ его стада?
Зачѣмъ преступные живутъ среди веселій,
Пируютъ, смерти не боясь?
Ихъ дѣти прыгаютъ, смѣясь,
Подъ звукъ тимпана и свирѣли?
Господь забылъ Своихъ рабовъ,
Онъ не поможетъ угнетеннымъ.
Онъ не утѣшитъ бѣдняковъ,—
Онъ землю отдалъ беззаконнымъ.
И отторгаютъ отъ сосцовъ
Младенцевъ плачущихъ, живутъ подъ кровомъ неба
Нагіе безъ одеждъ, голодные безъ хлѣба.
Межъ тѣмъ, какъ долженъ быть злодѣй
Соломинкой, Господь, въ живой рукѣ Твоей,
Былинкой, вѣтромъ уносимой,—
Онъ жизнь кончаетъ невредимый.
«Его потомству Богъ возмездье бережетъ»,—
Такъ кто-нибудь изъ васъ мнѣ скажетъ.
Но пусть и самъ злодѣй отъ мести Божьей пьетъ,
Пускай Господь самихъ грабителей накажетъ,
А до дѣтей и до грядущихъ бѣдъ
Имъ послѣ смерти—дѣла нѣтъ.
Скопилось въ мірѣ слишкомъ много
Неотомщаемыхъ обидъ,—
И это видятъ очи Бога,
Онъ это терпитъ и молчитъ!

Софаръ.

Не говори, что Богъ несправедливъ,
Но люди Вѣчнаго постигнуть не умѣютъ.
Лишь сердцемъ мудрые, гордыню укротивъ,
Предъ Нимъ благоговѣютъ,—
Затѣмъ, что святъ Его законъ,
И въ сонмѣ ангеловъ небесныхъ
Онъ страшнымъ для очей тѣлесныхъ
Великолѣпьемъ окруженъ.
И если бъ отнялъ Онъ на мигъ Свое дыханье,
И сердце обратилъ къ Себѣ Господь,
Погибъ бы человѣкъ и всякое созданье,
И возвратилась бы во прахъ живая плоть.
Ты самъ избралъ свою дорогу:
На бремя жизни не ропщи.
Будь добрымъ для себя, не угождая Богу,
И за добро свое награды не ищи.
Мы по землѣ пройдемъ, какъ тѣни.
Учись у древнихъ мудрецовъ,
Учись у прошлыхъ поколѣній,
У нашихъ дѣдовъ и отцовъ.
А мы—вчерашніе и ничего не знаемъ,
Во всемъ ничтожные—во благѣ и во злѣ,
Мы, не достигнувъ на землѣ
Ни мудрости, ни счастья,—умираемъ.

Іовъ.

О, если бъ могъ судьбой я помѣняться съ вами,
Не такъ же ли, какъ вы, главой бы я кивалъ,
Старался бы помочь въ страданіяхъ словами,
Движеньемъ губъ васъ утѣшалъ.
Но тотъ, чье сердце въ счастьи дремлетъ,
Понять чужую скорбь не можетъ никогда.
Кричу: обида! Богъ не внемлетъ,
Я вопію,—и нѣтъ суда.

И что мы—для Него? Зачѣмъ подстерегаетъ,
Зачѣмъ испытываетъ насъ
Онъ каждый день и каждый часъ,
И мститъ, и горечью намъ душу пресыщаетъ?
Не Ты ль образовалъ, скрѣпилъ костями плоть,
И жизнь не Самъ ли Ты вдохнулъ въ меня, Господь,
Не Ты ли надо мной трудился, какъ ваятель?
За что невиннаго губить?
Ужели хочешь истребить
Ты дѣло рукъ Твоихъ, Создатель?
И въ нескончаемой борьбѣ
Зачѣмъ меня врагомъ поставилъ ты Себѣ?
Кого преслѣдуешь? Какъ ураганъ — пылинку,
Меня похититъ смерть. Я слабъ и одинокъ
Не гонишь ли, Господь, Ты сорванный листокъ,
Не сокрушаешь ли увядшую былинку?
Кто знаетъ, доживу ль до завтрашняго дня.
Вотъ скоро я умру, — поищешь, — нѣтъ меня.
Уйду — и не вернусь — въ страну могильной сѣни,
Въ страну безмолвія и ужаса, и тѣни.
Когда могучій стволъ повалитъ дровосѣкъ,
Еще надежда есть, что вновь зазеленѣетъ
Полуизсохшій пень и дастъ живой побѣгъ,
Какъ только брызнетъ дождь и сыростью повѣетъ;
А если человѣкъ съ лица земли исчезъ,—
Онъ не вернется вновь, изъ гроба не воспрянетъ,
Во прахѣ ляжетъ и не встанетъ
Онъ до скончанія небесъ.
О, если у Тебя — могущество и благость,
Господь, что значитъ грѣхъ людей,
Зачѣмъ бы не простить и осужденій тягость
Не снять съ души моей?
Отвѣтъ же, выслушай, Владыка, оправданье,
Иль лучше—нѣтъ, оставь, оставь меня, забудь,
Чтобъ мнѣ опомниться, перевести дыханье,
Не мучай, отступи и дай мнѣ отдохнуть!

III.

Смертному Богъ отвѣчалъ несказаннымъ глаголомъ изъ бури.
Іовъ лежалъ предъ лицомъ Іеговы во прахѣ и пеплѣ:
«Вотъ я ничтоженъ, о Господи! Мнѣ ли съ Тобою бороться?
Руку мою на уста полагаю, умолкнувъ навѣки».
Но противъ воли, межъ тѣмъ какъ лежалъ онъ во прахѣ и пеплѣ,—
Ненасыщенное правдою сердце его возмущалось.
Богъ возвратилъ ему прежнее счастье, богатство умножилъ.
Новыя дѣти на праздникѣ свѣтломъ опять пировали.
Овцы, быки и верблюды въ долинахъ паслись безмятежныхъ.
Умеръ онъ въ старости, долгими днями вполнѣ насыщенный,
И до колѣна четвертаго внуковъ и правнуковъ видѣлъ
Только въ морщинахъ лица его вѣчная дума таилась,
Только и въ радости взоръ омраченъ былъ невѣдомой скорбью
Тщетно за всѣхъ угнетенныхъ алкала душа его правды,—
Правды Господь никому никогда на землѣ не откроетъ.

1895.

Леонардо да Винчи.

О Винчи, ты во всемъ—единый:
Ты побѣдилъ старинный плѣнъ.
Какою мудростью змѣиной
Твой страшный ликъ запечатлѣнъ!

Уже, какъ мы, разнообразный,
Сомнѣньемъ дерзкимъ ты великъ.
Ты въ глубочайшіе соблазны
Всего, что двойственно, проникъ.

И у тебя во мглѣ иконы
Съ улыбкой Сфинкса смотрятъ вдаль
Полуязыческія жены,—
И не безгрѣшна ихъ печаль.

Пророкъ, иль демонъ, иль кудесникъ,
Загадку вѣчную храня,
О Леонардо, ты—предвѣстникъ
Еще невѣдомаго дня.

Смотрите вы, больныя дѣти
Больныхъ и сумрачныхъ вѣковъ:
Во мракѣ будущихъ столѣтій
Онъ, непонятенъ и суровъ,—
Ко всѣмъ земнымъ страстямъ безстрастный,
Такимъ останется навѣкъ—
Боговъ презрѣвшій, самовластный,
Богоподобный человѣкъ.

1895.

Микель-Анжело.

Тебѣ навѣки сердце благодарно,
Съ тѣхъ поръ, какъ я, раздуміемъ томимъ,
Бродилъ у волнъ мутно-зеленыхъ Арно,
По галлереямъ сумрачнымъ твоимъ,
Флоренція! И статуи нѣмыя
За мной слѣдили: подходилъ я къ нимъ
Благоговѣйно. Стѣны вѣковыя
Твоихъ дворцовъ объяты были сномъ,
А мраморные люди, какъ живые,
Стояли въ нишахъ каменныхъ кругомъ:
Здѣсь былъ Челлини, полный жаждой славы,
Боккачіо съ привѣтливымъ лицомъ,
Маккіавели, другъ царей лукавый,
И нѣжная Петрарки голова,
И выходецъ изъ Ада величавый,
И тотъ, кого прославила молва,
Не разгадавъ, — да-Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древняго волхва
Похожій и во всемъ необычайный.
Какъ счастливъ былъ, храня смущенный видъ,
Я — гость межъ ними, робкій и случайный.
И, попирая пыль священныхъ плитъ,
Какъ юноша, исполненный тревоги,
На мудраго наставника глядитъ,—

Такъ я глядѣлъ на нихъ: и были строги
Ихъ лица блѣдныя, и предо мной,
Великіе, безстрастные, какъ боги,

Они сіяли вѣчной красотой.
Но больше всѣхъ межъ древними мужами
Я возлюбилъ того, кто головой

Поникъ на грудь, подавленный мечтами,
И опытный въ добрѣ, какъ и во злѣ,
Взиралъ на міръ усталыми очами:

Напечатлѣла дума на челѣ
Такую скорбь и отвращенье къ жизни,
Какихъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ на землѣ

Я никогда, и къ собственной отчизнѣ
Презрѣнье было горькое въ устахъ,
Подобное печальной укоризнѣ.

И я замѣтилъ въ жилистыхъ рукахъ,
Въ уродливыхъ морщинахъ, въ поворотѣ
Широкихъ плечъ, въ нахмуренныхъ бровяхъ—

Твое упорство вѣчное въ работѣ,
Твой гнѣвъ, создатель Страшнаго Суда,
Твой безпощадный духъ, Буонаротти

И скукою безцѣльнаго труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушалъ покоя никогда.

Усильемъ тяжкимъ воли напряженной
За міромъ міръ ты создавалъ, какъ Богъ,
Мучительными снами удрученный,

Нетерпѣливъ,угрюмъ и одинокъ.
Но въ исполинскихъ глыбахъ изваяній,
Подобныхъ бреду, ты всю жизнь не могъ

Осуществить чудовищныхъ мечтаній
И, красоту безмѣрную любя,
Порой не успѣвалъ кончать созданій.

Упорный камень молотомъ дробя,
Испытывалъ лишь ярость, утоленья
Не зналъ вовѣкъ, — и были у тебя

Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вѣчно невозможнаго хотѣлъ.
Являютъ намъ могучія творенья

Страданій человѣческихъ предѣлъ.
Одной судьбы ты понялъ неизбѣжность
Для злыхъ и добрыхъ: плодъ великихъ дѣлъ—

Ты чувствовалъ покой и безнадежность.
И проклялъ, падая къ ногамъ Христа,
Земной любви обманчивую нѣжность,

Искусство проклялъ, но, пока уста,
Безъ вѣры, Бога въ мукахъ призывали,—
Душа была угрюма и пуста.

И Богъ не утолилъ твоей печали,
И отъ людей спасенья ты не ждалъ:
Уста навѣкъ съ презрѣньемъ замолчали.

Ты больше не молился, не роптал,
Ожесточенъ въ страданьи одинокомъ,
Ты, ни во что не вѣря, погибалъ;

И вотъ стоишь, непобѣдимый рокомъ,
Ты предо мной, склоняя гордый ликъ,
Въ отчаяньи спокойномъ и глубокомъ,

Какъ демонъ безобразенъ — и великъ.

Разслабленный.

(Легенда).

Схоластикъ нѣкій, именемъ Евлогій,
Подвинутый любовью, міръ презрѣлъ
И въ монастырь ушелъ, раздавъ имѣнье,
Но, ремесла не вѣдая, межъ братій
Въ бездѣйствіи невольномъ пребывалъ.
Однажды онъ разслабленнаго встрѣтилъ,

Лежавшаго на улицѣ, безъ рукъ,
Безъ ногъ: молилъ онъ гласомъ лишь и взоромъ
О помощи. Евлогій же сказалъ:
— «Возьму къ себѣ разслабленнаго, буду
Любить его, покоить до конца,
И такъ спасусь. Терпѣнья дай, о, Боже,
Мнѣ, грѣшному, чтобъ брату послужить!»
Онъ, приступивъ къ разслабленному, молвилъ:
— «Не хочешь ли, возьму тебя къ себѣ
И твой недугъ и старость упокою?»
— «Ей, Господи!» разслабленный въ отвѣтъ,
Тогда Евлогій: «Приведу осла,
Чтобъ отвезти тебя въ мою обитель».
И съ радостью великой ожидалъ
Его бѣднякъ. Привелъ осла Евлогій,
Больного взялъ, отвезъ къ себѣ домой
И сталъ о немъ заботиться, и пробылъ
Пятнадцать лѣтъ разслабленный въ дому
Евлогія, и тотъ его покоилъ,
Служилъ ему, какъ дряхлому отцу,
Кормилъ его, какъ малаго ребенка,
На собственныхъ рукахъ его носилъ.
Но дьяволъ сталъ завидовать обоимъ:
Хотѣлъ онъ мзды Евлогія лишить.
И, развративъ разслабленнаго, ярость
Вдохнулъ въ него, и началъ тотъ во гнѣвѣ
Евлогія хулить: «Ты—бѣглый рабъ,
Похитившій имѣнье господина!
Ты чрезъ меня спасаешься, ты принялъ
Калѣку въ домъ, чтобъ назвали тебя
И праведнымъ, и милосерднымъ люди!..»
Но съ кротостью отвѣтствовалъ Евлогій:
— «Не будь ко мнѣ несправедливымъ, братъ,
И лучше ты скажи, какое зло
Я сотворилъ тебѣ, — и я покаюсь».
Но возопилъ калѣка: «Не хочу
Любви твоей! Неси меня изъ дома,

На улицѣ повергни! Не хочу
Ни ласкъ твоихъ, ни твоего покоя!»
Евлогій же: «Молю тебя, утѣшься!»
Но въ ярости разслабленный кричалъ:
— «Мнѣ скучно здѣсь, противна эта жизнь!
И не терплю я твоего лукавства...
Дай мяса мнѣ!.. Я мясо ѣсть хочу!..»
Тогда принесъ ему Евлогій мяса.
— «Одинъ съ тобою быть я не могу:
Хочу живыхъ людей, хочу народа!» —
«Я много братій приведу тебѣ...»
— «О, горе мнѣ, — больной ему въ отвѣтъ,—
О горе, окаянному! Противно
И на твое лицо смотрѣть: ужель
Еще толпу такихъ же праздноядцевъ
Ты приведешь ко мнѣ?..» И разъярился,
И голосомъ онъ дикимъ возопилъ:
— «Нѣтъ, не хочу я, не хочу! Повергни
Опять меня туда, откуда взялъ:
На улицу хочу я, на распутье!
Тамъ — пыль и солнце, пролетаютъ птицы,
И по камнямъ грохочутъ колесницы,
Тамъ вѣтеръ пахнетъ моремъ, и вдали
Крылатые бѣлѣютъ корабли...
Мнѣ скучно здѣсь, гдѣ лишь лампады, тлѣя,
Коптятъ нѣмые лики образовъ,
Гдѣ — ладана лишь запахъ, да елея,
И душный мракъ, и звонъ колоколовъ...
О, если бъ были руки, — удавился
Иль закололъ бы я себя ножомъ!..»

Въ смятеніи пошелъ Евлогій къ братьямъ.
— «Что дѣлать мнѣ?» онъ старцевъ вопросилъ.
Они его къ Антонію послали.
И на корабль онъ посадилъ больного,
И выѣхалъ, и прибылъ къ той землѣ,
Гдѣ жилъ Антоній, схимникъ, и съ калѣкой

Пришелъ къ нему Евлогій и сказалъ:
— «Пятнадцать лѣтъ больному я служилъ,—
Онъ за любовь меня возненавидѣлъ.
И я спросить пришелъ къ твоей святынѣ,
Что сотворю я съ нимъ?» Тогда въ отвѣтъ
Проговорилъ Антоній гласомъ тяжкимъ
И яростнымъ: «Евлогій, если ты
Отвергнешь брата, — помни, что Спаситель
Бездомнаго вовѣки не отвергнетъ:
Его въ раю высоко надъ тобой
Онъ вознесетъ». Евлогій ужаснулся;
Антоній же—разслабленному: «Рабъ,
Земли и неба недостойный, ты ли
Дерзнулъ хулу на Господа изречь?..
Такъ помни же, что Самъ тебѣ Спаситель
Во образѣ Евлогія служилъ!»
Потомъ онъ сталъ учить обоихъ: «Дѣти,
Не разлучайтесь другъ отъ друга,—нѣтъ:
Отъ сатаны пришло вамъ искушенье.
Идите съ миромъ, отложивъ печаль.
Я вѣдаю, что при концѣ вы оба,
Что близко смерть: вы у Христа вѣнцовъ
Заслужите, ты — имъ, и онъ — тобою.
Но если бъ Ангелъ Смерти прилетѣлъ
И на землѣ васъ не нашелъ бы вмѣстѣ, —
То лишены вы были бы вѣнцовъ.
Такъ тѣ, кто любятъ, — мученики оба,
Прикованы другъ къ другу навсегда:
И большаго нѣтъ подвига предъ Богомъ,
Нѣтъ въ мірѣ большей казни, чѣмъ любовь!»

1893.

ЭСКИЗЫ. ЛИРИКА.

Пиръ.

(Отрывокъ).

...Кончался пиръ, и утро приближалось.
Въ хрустальной вазѣ тихо умиралъ
Букетъ цвѣтовъ отъ знойнаго угара,
И зеркала тускнѣли въ дымкѣ пара.
Надъ бархатомъ корсета выступалъ
Упругій очеркъ груди обнаженной,
И локоны съ головки наклоненной
Покрыли чашу, падая на дно,
Какъ золото, въ пурпурное вино.
Въ одеждахъ дамъ виднѣлся шелкъ измятый;
На канделябрахъ пламень почернѣлъ;
И яркій сокъ разрѣзанной гранаты,
Какъ кровь, на бѣлой скатерти алѣлъ.
Ворвалось утро межъ портьеръ тяжелыхъ
И брызнуло холодною струей
Надъ рядомъ лицъ насильственно-веселыхъ,
Надъ жалкой смертью оргіи ночной...
И вѣера подъ нѣжнымъ пухомъ скрыли
Стыдливый мраморъ голаго плеча,
И мы рукой невольно заслонили
Усталый взоръ отъ блѣднаго луча...

1884.

Изъ Горація.

(II книга XVIII ода).

Не блеститъ мой скромный домъ
Золотыми потолками,
Нѣтъ слоновой кости въ немъ,
И надъ стройными столбами.

Что готовитъ богачамъ
Житель Африки далекой,—
Плиты мраморныя тамъ
Не покоятся высоко.
Мнѣ въ наслѣдство не дадутъ
Твой чертогъ, о царь Азійскій;
Мнѣ рабыни не прядутъ
Нѣжный пурпуръ лаконійскій.
Пѣсенъ даръ — вотъ мой удѣлъ,
А сокровище мнѣ — лира;
Съ ней бѣднякъ плѣнить сумѣлъ
Самодержцевъ полуміра.
Здѣсь, въ тиши сабинскихъ нивъ
Всѣмъ, что нужно, я владѣю,
И спокоенъ, и счастливъ,
Большихъ благъ просить не смѣю.
День за днемъ, за часомъ часъ
И за годомъ годъ уходитъ,
А безумецъ, суетясь,
Безпокойно жизнь проводитъ.
Неминуемый конецъ
Позабывъ, прилежно строя
Пышный, мраморный дворецъ, —
Онъ не вѣдаетъ покоя.
Предпріимчивости полнъ,
Побѣждаетъ онъ пучину,
Воздвигаетъ противъ волнъ
Величавую плотину.
Онъ корыстью ослѣпленъ,
Не щадитъ межи сосѣдней,
И жестоко хититъ онъ
Бѣдняка кусокъ послѣдній:
И постигнутый бѣдой
Униженіемъ гонимый,
Тотъ бѣжитъ съ дѣтьми, съ женой,
Покидаетъ кровъ родимый.
А межъ тѣмъ для всѣхъ людей

Нѣтъ вѣрнѣйшаго жилища,
Чѣмъ подземный міръ тѣней,
Чѣмъ нѣмая сѣнь кладбища.
Гдѣ же цѣль людскихъ трудовъ,
И на что мы тратимъ силы?
Властелиновъ и рабовъ
Не равно ли ждутъ могилы?
Даже мудрый Прометей
Обмануть не могъ Харона;
Даже Тантала дѣтей
Укрощаетъ власть Плутона.
Смерть навѣкъ освободитъ
Угнетеннаго страдальца,
Успокоитъ, пріютитъ
Утомленнаго скитальца.

1883.

Сонъ.

Мнѣ снилось — отъ рѣзни чудовищнаго боя,
Отъ крови, слезъ и мукъ бѣжалъ я въ темный лѣсъ
Искать защиты и покоя
Подъ вѣчнымъ куполомъ небесъ.

Здѣсь чудный полумракъ таинственнаго храма,
Стволы уходятъ въ даль, какъ легкій рядъ колоннъ,
Какъ сладкимъ дымомъ ѳиміама,
Смолою воздухъ напоенъ.
И въ говорѣ вѣтвей мнѣ чудится порою
Благоговѣйный гулъ молящейся толпы,
И сыплютъ искры надо мною
Лучей широкіе снопы...

Но вдругъ въ нѣмой тѣни нарушилъ миръ отрадный
И грозно прошумѣлъ могучій взмахъ крыла:
То ястребъ-хищникъ кровожадный
Упалъ на жертву, какъ стрѣла.

Добычу онъ схватилъ желѣзными когтями
И страшно-медленно душилъ, и въ тотъ же мигъ,
Изъ дикой чащи подъ вѣтвями
Ко мнѣ донесся чей-то крикъ.

И этотъ крикъ растетъ, отъ края и до края
Онъ наполняетъ міръ тоскующей мольбой
И мчится къ небу, замирая
Въ дали блестящей и пустой.

И ужасомъ тотъ крикъ мнѣ душу потрясаетъ.
А солнце между тѣмъ преступный, темный лѣсъ
Невозмутимо озаряетъ
Лучами съ праздничныхъ небесъ.

Какъ храмъ, поруганный кровавымъ злодѣяньемъ,
Безгрѣшной чистоты наружный видъ храня,
О лѣсъ, торжественнымъ молчаньемъ
Теперь ты страшенъ для меня!

Здѣсь, даже здѣсь, увы! нѣтъ мира и покоя:
Все та же предо мной и здѣсь въ глуши лѣсовъ —
Рѣзня чудовищнаго боя
И злоба бѣшеныхъ враговъ!

1884.

Юбилей А. Н. Плещеева.

Растетъ полночный мракъ, и душитъ насъ темница;
Въ цѣпяхъ влачатся дни безъ вѣры, безъ надеждъ,
И надъ развѣнчанной поэзіей глумится
Толпа безсмысленныхъ невѣждъ...
Но въ этой мертвой мглѣ высоко передъ нами
Подъ серебристыми кудрями
Твой благородный ликъ такъ ярко озаренъ,
Такъ кротко свѣтится послѣдними лучами
Иныхъ, прекраснѣйшихъ временъ.
Ты дорогъ намъ за то, что не однимъ лишь словомъ,
Но всей душой своей, всей жизнью ты поэтъ,

И въ эти шестьдесятъ тяжелыхъ, долгихъ лѣтъ—
Въ глухомъ изгнаніи, въ бою, въ трудѣ суровомъ—
Ты чистымъ пламенемъ повсюду былъ согрѣтъ.
Но знаешь ли, поэтъ, кому ты всѣхъ дороже,
Кто горячѣе всѣхъ привѣтъ тебѣ пошлетъ?
Ты лучшій другъ для насъ, для русской молодежи,
Для тѣхъ, кого ты звалъ: «впередъ, впередъ!»
Своей плѣнительной, глубокой добротою,
Какъ патріархъ въ семью ты насъ объединялъ, —
И вотъ за что тебя мы любимъ всей душою,
И вотъ за что теперь мы подняли бокалъ!
1885.

Смерть Надсона.

(Читано на литературномъ вечерѣ въ память С. Я. Надсона).

Поэты на Руси не любятъ долго жить:
Они проносятся мгновеннымъ метеоромъ,
Они торопятся свой факелъ потушить,
Подавленные тьмой, и рабствомъ, и позоромъ.
Ихъ участь — умирать въ отчаяньи нѣмомъ;
Имъ гибнуть суждено, едва они блеснули,
Отъ злобной клеветы, измѣннической пули
Или въ изгнаніи глухомъ.

И вотъ еще одинъ, — его до боли жалко:
Онъ страстно жить хотѣлъ и умеръ въ двадцать лѣтъ.
Какъ ранняя звѣзда, какъ нѣжная фіалка
Угасъ нашъ мученикъ-поэтъ!
Свободы онъ молилъ, живой въ гробу метался,
И всѣ мы видѣли—какъ будто тѣнь легла
На мраморъ блѣднаго, прекраснаго чела;
Въ немъ медленный недугъ горѣлъ и разгорался,
И смерть онъ призывалъ — и смерть къ нему пришла.
Кто виноватъ? Къ чему обманывать другъ друга!
Мы, виноваты — мы. Зачѣмъ не сберегли
Пѣвца для родины, когда еще могли
Спасти его отъ страшнаго недуга.

Мы всѣ, на торжество пришедшіе сюда,
Чтобы почтить талантъ обычною слезою,—
Въ тѣ дни, когда онъ гасъ, измученный борьбою,
И жаждалъ знанія, свободы и труда,
И насъ на помощь звалъ съ безумною тоскою,
Друзья, поклонники, гдѣ были мы тогда?..
Безцѣльный шумъ газетъ и славы голосъ вѣщій,—
Теперь, когда онъ мертвъ,—и поздній лавръ пѣвца,
И жалкіе цвѣты могильнаго вѣнца —
Какъ это все полно ироніи зловѣщей!..

Поймите же, друзья, онъ не услышитъ насъ:
Въ гробу, въ нѣмомъ гробу онъ спитъ теперь глубоко,
И между тѣмъ какъ здѣсь все нѣжитъ слухъ и глазъ,
И льется музыка, и блещетъ яркій газъ,—
На тихомъ кладбищѣ онъ дремлетъ одиноко
Въ глухой, полночный часъ... —
Уста его навѣкъ сомкнулись безъ отвѣта...
Страдальческая тѣнь погибшаго поэта,
Прости, прости!..

1887.

Альбатросъ.

(Изъ Бодлера).

Во время плаванья, когда толпѣ матросовъ
Случается поймать надъ бездною морей
Огромныхъ, бѣлыхъ птицъ, могучихъ альбатросовъ,
Безпечныхъ спутниковъ отважныхъ кораблей,—

На доски ихъ кладутъ: и вотъ, изнемогая,
Труслив и неуклюжъ, какъ два большихъ весла,
Влачитъ недавній царь заоблачнаго края
По грязной палубѣ два трепетныхъ крыла.

Лазури гордый сынъ, что бури обгоняетъ,
Онъ сталъ уродливымъ и жалкимъ, и смѣшнымъ,
Зажженной трубкою матросъ его пугаетъ
И дразнитъ съ хохотомъ, прикинувшись хромымъ.

Поэтъ, какъ альбатросъ, отважно, безъ усилья,
Пока онъ—въ небесахъ, витаетъ въ бурной мглѣ;
Но исполинскія, невидимыя крылья
Въ толпѣ ему ходить мѣшаютъ на землѣ.

1885.

Предчувствіе.

Я знаю: грозный часъ великаго крушенья
Смететъ развалину вѣковъ—
Уродливую жизнь больного поколѣнья
Съ ея расшатанныхъ основъ,—
И новая земля, и новые народы
Тогда увидятъ предъ собой
Нетронутый никѣмъ,—одинъ лишь міръ природы
Съ его немеркнущей красой.
Таковъ же, какъ теперь, онъ былъ, онъ есть и будетъ
Онъ вѣчно юнъ, какъ Божество;
И ни одной черты никто въ немъ не осудитъ,
И не измѣнитъ ничего.
Величественный залъ для радостнаго пира,
Для пира будущихъ людей,
Онъ медлитъ празднествомъ любви, добра и мира
Лишь въ ожиданіи гостей:
Разостланы ковры луговъ необозримыхъ;
На вѣковомъ гранитѣ горъ
Покоится въ лучахъ лампадъ неугасимыхъ
Небесъ сапфировый шатеръ;
И тѣнь отъ опахалъ изъ перьевъ тучекъ нѣжныхъ
Дрожитъ на зеркалѣ волны,
И блещетъ алебастръ магнолій бѣлоснѣжныхъ,
И розы нектаромъ полны,
И это все — для нихъ: все это лишь убранство
Для торжества грядущихъ дней,
Гдѣ трапезою—міръ, чертогами—пространство
Земли и неба, и морей.

И вотъ зачѣмъ полна природа для поэта,
На лонѣ кроткой тишины,
Едва понятнаго, но сладкаго обѣта
Неумирающей весны.
И вотъ, зачѣмъ цвѣты кадятъ свое куренье
Во мглѣ росистыхъ вечеровъ,
И вотъ о чемъ гремитъ серебряное пѣнье
Неумолкающихъ валовъ
188

* * *

Въ царствѣ солнца и розъ я мечталъ отдохнуть,
Здѣсь дышала легко беззаботная грудь...
Вдругъ неслышно мелькнулъ блѣдный призракъ за мной,—
Онъ мнѣ въ очи глядѣлъ, онъ кивалъ головой.
Наклонившись ко мнѣ сталъ онъ тихо шептать:
«Я съ тобою, мой другъ, я съ тобою опять!..
Мнѣ, угрюмой тоскѣ, обреченъ навсегда,
Ты не въ силахъ бѣжать отъ меня никуда:
День и ночь по слѣдамъ я гналась за тобой—
Въ небесахъ—облачкомъ, въ морѣ—грозной волной;
Я подруга твоя,—и въ объятьяхъ моихъ
Охраню я тебя отъ лобзаній чужихъ:
Я, какъ черная мгла, какъ дыханіе бурь,
Омрачу небеса и морскую лазурь!»
1883.

* * *

Тамъ, въ глубинѣ задумчивой долины,
Когда вечерній мракъ струился надо мной,
И кленовъ темныя вершины,
Полны таинственной кручины,
Шумѣли трепетной листвой,
На камнѣ гробовомъ прочелъ я эти строки:
«Невозмутимъ мой сонъ глубокій
Подъ этой тѣнью вѣковой».

И я задумался въ нѣмомъ уединеньи:
Усопшій братъ, ты мнѣ напомнилъ о себѣ,
Твой сонъ, твой вѣчный сонъ я понялъ на мгновенье
И смерть благословилъ, завидуя тебѣ...
И долго я стоялъ, и клены уронили
Увядшіе листы, какъ слезы, надо мной,
И старые дубы качали головой
И тихо, тихо говорили:
«Какъ сладко дремлется въ могилѣ
Подъ нашей тѣнью вѣковой...»
1885.

На дачѣ.

Шумитъ іюльскій дождь изъ тучи грозовой
И сѣткой радужной на яркомъ солнцѣ блещетъ,
И дачницы бѣгутъ испуганной толпой,
И лѣтнихъ зонтиковъ пурпурный шелкъ трепещетъ
Надъ нивой золотой...
А тамъ, межъ блѣдныхъ ивъ съ дрожащими листами
Виднѣется кумачъ узорнаго платка,—
То бабы весело съ разутыми ногами
Тѣснятся на плоту; и звучнаго валька
Удары по бѣлью надъ ясными волнами
Разноситъ далеко пустынная рѣка...
1887.

Изображенія на щитѣ Ахиллеса.

(Отрывокъ).

На взморьи голубомъ, какъ спящіе дельфины,
Качаютъ корабли изогнутыя спины.
Подъ звуки нѣжныхъ флейтъ въ блестящій храмъ ведутъ
Телицу бѣлую, вѣнчанную цвѣтами;
И старцы кроткіе, любимые богами,
Въ свободномъ агора свершаютъ мирный судъ.

Въ толпѣ кудрявыхъ дѣвъ, волнистый ленъ мотая,
У свѣтлыхъ очаговъ шумятъ веретена,
И юноши поютъ, въ точилѣ выжимая
Изъ гроздій наливныхъ багряный сокъ вина.
И дискосъ, брошенный искусною рукою,
Въ палестрѣ мраморной на плитахъ прозвенѣлъ;
И въ мягкомъ воздухѣ божественной красою
Сверкаютъ мускулы нагихъ, могучихъ тѣлъ.

. . . .

1885.

Искушеніе.

(Отрывокъ).

Серебряной каймой очерченъ ликъ Мадонны
Въ готическомъ окнѣ, и радугой легло
Мерцаніе луны на малахитъ колонны
Сквозь разноцвѣтное, граненое стекло.
Алтарь и дремлющій органъ, и куполъ дальній—
Погружены въ таинственную мглу;
Лишь край мозаики въ тѣни исповѣдальни
Лампаду отразилъ на мраморномъ полу.
Сѣдой монахъ, перебирая четки,
Стоялъ задумчивый, внимательный и кроткій;
И юноша предъ нимъ колѣна преклонилъ;
Потупивъ взоръ, онъ робко говорилъ:
«Отецъ мой, грѣхъ — вездѣ со мною:
Онъ — въ ласкѣ горлицъ подъ окномъ,
Онъ — въ играхъ мошекъ надъ водою,
Онъ — въ кипарисѣ молодомъ,
Обвитымъ свѣжею лозою,
Онъ — въ каждомъ шорохѣ ночномъ,
Въ словахъ молитвъ, въ огнѣ зарницы,
Онъ — между строкъ священныхъ книгъ,
Онъ — въ нѣжномъ пурпурѣ денницы
И въ жгучей боли отъ веригъ...

Порою черепъ бралъ я въ руки,
Чтобъ запахъ тлѣнья и могилъ,
Чтобъ холодъ смерти утолилъ
Мои недремлющія муки.
Но все напрасно: голова
Въ чаду кружилась, кровь кипѣла,
И греза на ухо мнѣ пѣла
Безумно-нѣжныя слова...
Однажды — помню — я увидѣлъ,
Уснувъ въ горахъ на склонѣ дня, —
Ту, что такъ страстно ненавидѣлъ,
Что такъ измучила меня.
Сверкало тѣло молодое,
Какъ пѣна въ сумрачныхъ волнахъ,
Все ослѣпительно-нагое
Въ темно-каштановыхъ кудряхъ.
Струились волны аромата...
Лежалъ недвижимъ я, какъ трупъ.
Улыбкой дерзкихъ, влажныхъ губъ
Она звала меня куда-то,
Она звала меня съ собой
Подъ пологъ ночи голубой:
«Отдашь ли мнѣ ночное бдѣнье,
Труды, молитвы, дни поста
И кровь распятаго Христа,
Отдашь ли вѣчность и спасенье —
За поцѣлуй?..»
И въ тишинѣ
Звучало вновь: «отдашь ли мнѣ?..»
Она смѣялась надо мною,
Но брошенъ вдругъ къ ея ногамъ
Какой-то силой роковою,
Я простоналъ: «отдамъ, отдамъ!..»
. . . .

1884.

Дѣтямъ.

Не подъ кровомъ золоченымъ
Величаваго дворца,
Не для счастья и довольства,
Не для царскаго вѣнца —
Ты въ пріютѣ позабытомъ
Виѳліемскихъ пастуховъ
Родился — и нагъ, и бѣденъ, —
Царь безчисленныхъ міровъ.
Осторожно, какъ святыню,
Въ руки Мать его взяла,
Любовалась красотою
Безмятежнаго чела.
Ручки слабыя Младенецъ
Въ грозно-сумрачный просторъ
Съ безпредѣльною любовью
Съ лона Матери простеръ.
Все, что борется, страдаетъ,
Все, что дышитъ, и живетъ,
Онъ зоветъ въ Свои объятья,
Къ счастья вѣчному зоветъ.
И природа встрепенулась,
Услыхавъ Его призывъ,
И помчался ураганомъ
Бурной радости порывъ.
Синева ночнаго неба
Стала глубже и темнѣй,
И безчисленныя звѣзды
Засверкали ярче въ ней;
Всѣ цвѣты и всѣ былинки
По долинамъ и лѣсамъ
Пробудились, воскурили
Благовонный ѳиміамъ.
Слаще музыка дубравы,
Что затронулъ вѣтерокъ,

И звучнѣе водопадомъ
Низвергается потокъ,
И роскошнѣй покрываломъ
Легъ серебряный туманъ,
Вѣчный гимнъ запѣлъ стройнѣе
Безграничный океанъ.
Ликовала вся природа,
Величава и свѣтла,
И къ ногамъ Христа-Младенца
Всѣ дары свои несла.
Близъ пещеры три высокихъ,
Гордыхъ дерева росли,
И вѣтвями обнимаясь,
Входъ завѣтный стерегли.
Ель зеленая, олива,
Пальма съ пышною листвой —
Тамъ стояли неразлучной
И могучею семьей.
И онѣ, какъ вся природа,
Всѣ земныя существа,
Принести свой даръ хотѣли
Въ знакъ святого торжества.
Пальма молвила, склоняя
Долу съ гордой высоты,
Словно царскую корону,
Изумрудные листы:

«Коль злобой гонимый
Жестокихъ враговъ,
Въ безбрежной равнинѣ
Зыбучихъ песковъ,
Ты, Господи, будешь
Пріюта искать,
Бездомнымъ скитальцемъ
Въ пустыняхъ блуждать,
Тебѣ я открою
Зеленый шатеръ,
Тебѣ я раскину

Цвѣточный коверъ.
Приди Ты на отдыхъ
Подъ мирную сѣнь:
Тамъ сумракъ отрадный,
Тамъ свѣжая тѣнь».
Отягченная плодами,
Гордой радости полна,
Преклонилася олива
И промолвила она:
«Коль, Господи, будешь
Ты злыми людьми
Покинутъ безъ пищи —
Мой даръ Ты прими.
Я вѣтви радушно
Тебѣ протяну
И плодъ золотистый
На землю стряхну,
Я буду лелѣять
И влагой питать,
И сокомъ янтарнымъ
Его наливать».
Между тѣмъ, въ уныньи тихомъ,
Боязлива и скромна,
Ель зеленая стояла;
Опечалилась она.
Тщетно думала, искала —
Ничего, чтобъ принести
Въ даръ Младенцу-Іисусу
Не могла она найти;
Иглы острыя, сухія,
Что отталкиваютъ взоръ,
Ей судьбой несправедливой
Предназначены въ уборъ.
Стало грустно бѣдной ели;
Какъ у ивы надъ водой
Вѣтви горестно поникли,
И прозрачною смолой

Слезы капаютъ обильно
Отъ стыда и тайныхъ мукъ,
Между тѣмъ, какъ все ликуетъ,
Улыбается вокругъ.
Эти слезы увидала
Съ неба звѣздочка одна,
Тихимъ шопотомъ подругамъ
Что-то молвила она.
Вдругъ посыпались — о чудо! —
Звѣзды огненнымъ дождемъ,
Елку темную покрыли,
Всю усѣяли кругомъ,
И она затрепетала,
Вѣтви гордо подняла,
Міру въ первый разъ явилась,
Ослѣпительно-свѣтла.

Съ той поры, донынѣ, дѣти,
Есть обычай у людей
Убирать роскошно елку
Въ звѣзды яркія свѣчей.
Каждый годъ она сіяетъ
Въ день великій торжества
И огнями возвѣщаетъ
Свѣтлый праздникъ Рождества.
1883.

Смерть Клитемнестры.

По закону родовой мести Орестъ и Электра, дѣти Клитемнестры должны убить свою мать, чтобы отомстить за своего отца Агамемнона, умерщвленнаго Клитемнестрой.

(Мотивъ изъ Эврипида).

ХОРЪ.

Вотъ оно, роковое возмездіе:
Налетитъ ураганъ, пошатнется чертогъ!

Ты погибъ, Агамемнонъ, мой царь —
Въ тихій сладостный часъ омовенія
Тамъ, подъ мраморнымъ сводомъ дворца...
Не своей ли рукой, Клитемнестра измѣнница,
Занесла ты сѣкиру преступную
Надъ безвиннымъ супругомъ твоимъ,
Возвращеннымъ подъ стѣны Микенскія.
Ты свершила надъ жертвою
Злодѣянье кровавое!

КЛИТЕМНЕСТРА.

(Изъ глубины дома.)

О сжальтесь, дѣти, сжальтесь вы надъ матерью!.

ХОРЪ.

Зловѣщій крикъ!

КЛИТЕМНЕСТРА.

О горе, горе мнѣ!

ХОРЪ.

Погибнешь ты отъ рукъ дѣтей своихъ:
Ужасны боги въ гнѣвѣ праведномъ,
И ты заплатишь мукой смертною
За смертный часъ тобой убитаго.
Идутъ, идутъ они изъ дома скорбнаго,
Обрызганы горячей кровью матери.
Нѣтъ въ мірѣ горя — больше горя вашего,
Многострадальные потомки Тантала!

ЭЛЕКТРА.

Плачь, братъ мой, плачь! во всемъ моя вина:
Съ какою злобой надругалась я
Надъ беззащитной матерью!
Убитая, несчастная,

Такъ вотъ чего дождалась ты
Отъ насъ, отъ рукъ дѣтей своихъ,
Такъ вотъ, чего онъ требовалъ
Законъ возмездья праведный!

ОРЕСТЪ.

Жестокій Богъ, свершилось то,
Чего вовѣки не было,
О чемъ подумать страшно мнѣ:
Однимъ дыханіемъ
Ты стеръ съ лица земли
Весь родъ нашъ царственный.
О кто же, кто мнѣ дастъ убѣжище,
Кто взглянетъ мнѣ въ лицо, убійцѣ матери,
Безъ ужаса, безъ трепета?..

ЭЛЕКТРА.

Увы, мой братъ, куда бѣжать,
Куда склонить намъ голову?
Войдемъ ли мы на свѣтлый пиръ,—
Толпа гостей бѣжитъ отъ насъ,
Войдемъ ли мы подъ мирный кровъ,—
Внесемъ съ собой проклятіе!

ОРЕСТЪ.

Еще за мигъ съ безумной яростью
Сама меня толкала ты
На это дѣло мрачное, —
И вотъ теперь рыдаешь въ ужасѣ!
Смотри, несчастная,
Смотри, какъ мать твоя,
Предъ нами падая,
Съ груди одежды рветъ...
О тяжко, тяжко мнѣ! Сестра, ты помнишь ли
Какъ эти члены жалкіе, безсильные,

Дрожа, влачились по землѣ у ногъ моихъ?
Меня душили слезы жгучія;
Она ланитъ моихъ
Коснулась пальцами холодными,
И тихимъ голосомъ
Родная молвила:
«О сынъ, мой милый сынъ!»
И обвила мнѣ шею ласково,
И выпалъ мечъ изъ рукъ моихъ.
Закрывъ глаза, набросивъ плащъ на голову,
Я вновь схватилъ оружіе,
Потомъ мнѣ только помнится,
Какъ подъ рукой невѣрною
Клинокъ вонзался медленно
Во что-то трепетное, нѣжное...
Сестра, сестра, то было тѣло матери!

ЭЛЕКТРА.

Тебѣ шептала я,
Чтобъ ты скорѣй кончалъ,
И твой дрожащій мечъ
Сама направила,
Сама рукой своей!

ОРЕСТЪ.

Молчи, молчи... нѣтъ больше силъ
Внимать напраснымъ жалобамъ.
Возьмемъ же трупъ страдалицы,
Вскормившей насъ, убійцъ своихъ,
Чтобы кровь изъ ранъ зіяющихъ
Омыть слезами жгучими...
Такъ вотъ, чего онъ требовалъ
Законъ возмездья праведный!

1885.

Легенда изъ Т. Тассо.

Стальными латами одѣтъ,
Близъ древнихъ стѣнъ Іерусилима,
Какъ мощный левъ, неустрашимо
Сражался доблестный Танкредъ.
Предъ нимъ трепещутъ сарацины;
И поражая мусульманъ,
Мечомъ онъ гонитъ ихъ дружины,
Какъ волны гонитъ ураганъ.
Уже рубцами вся покрыта
Съ крестомъ тяжелая броня,
И окровавлены копыта
Его могучаго коня...
Какъ вдругъ воитель незнакомый,
На-перевѣсъ копье поднявъ,
Отважнымъ замысломъ влекомый,
Впередъ кидается стремглавъ.
Съ мольбой о помощи трикраты
Танкредъ Спасителя призвалъ
И сарацина шлемъ косматый
Желѣзной палицей сорвалъ;
И что жъ? разсыпалась кудрями,
Какъ златоструйными волнами,
Густая, дѣвичья коса,
Предъ ослѣпленными очами
Открылась дивная краса,
Румянецъ отрочески-нѣжный
И мраморъ шеи бѣлоснѣжной.

Клоринда врагъ его жестокій,
Клоринду въ ней онъ узнаетъ,
Чье имя громко на Востокѣ,—
Невѣрныхъ гордость и оплотъ.
Тяжелый мечъ, разить готовый,
Невольно рыцарь опустилъ

И предъ красавицей суровой
Благоговѣйно отступилъ.
Помочь Танкреду въ бой кровавый
Изъ строя рыцарскихъ дружинъ
Летитъ, исполненъ жаждой славы,
Гьюскаръ, отважный палладинъ;
И надъ прелестной головою
Съ челомъ нѣжнѣй эдемскихъ розъ
Онъ святотатственной рукою
Сѣкиру тяжкую занесъ.
Но отъ смертельнаго удара
Танкредъ Клоринду защитилъ, —
Оружье пылкаго Гьюскара
Онъ негодуя раздробилъ.
Коснулось шеи лебединой
Оно слегка, — и кровь на ней,
Какъ драгоцѣнные рубины,
Зардѣлась въ золотѣ кудрей.

Онъ поднялъ мрачное забрало —
И благородно, и свѣтло,
Любовью чистою дышало
Его открытое чело.
. . . .
Скажи, Клоринда, что съ тобою,
Зачѣмъ ты медлишь оттолкнуть
Гяура съ гордою враждою?
Ужель подъ мѣдною бронею
Трепещетъ любящая грудь?
Но вотъ, потупивъ взоръ лазурный,
Молчанье строгое храня,
Ты понеслась, какъ вихорь бурный,
Пришпоривъ быстраго коня.

Въ лучахъ полуденныхъ сверкаетъ,
Какъ изъ огня доспѣхъ на ней,
И вѣтеръ ласково играетъ
Съ волнами вьющихся кудрей

Не мечъ, не пролитая кровь,—
Ту битву грозную рѣшила
Лишь красоты благая сила,
Миротворящая любовь.

1883

На Тарпейской скалѣ.

Ряды сенаторовъ, надменныхъ стариковъ
Съ каймою пурпура на тогѣ
И мрачный понтифексъ въ собранiи жрецовъ
Стоятъ задумчивы и строги.
Кой-гдѣ центурiонъ гарцуетъ на конѣ,
И цѣлымъ лѣсомъ копiй мѣдныхъ
Когорты зыблются въ чешуйчатой бронѣ
Подъ грозный шумъ знаменъ побѣдныхъ;
И сонмомъ ликторовъ Маркъ Манлiй окруженъ...
Но мановеньемъ горделивымъ
Вниманья требуя, къ толпѣ промолвилъ онъ
Передъ зiяющимъ обрывомъ:
«Прощай, родимая земля! въ послѣднiй разъ
Я шлю привѣтъ моей отчизнѣ...
Не бойтесь, палачи: все кончено, — и васъ
Молить не буду я о жизни.
Жить, развѣ стоитъ жить, когда—всесиленъ мракъ,
И вѣчно грудь полна боязни,
И душно, какъ въ тюрьмѣ, и всюду, что ни шагъ,—
Насилья, трупы, кровь да казни...
Пришелъ и мой чередъ; но пусто и мертво
Въ потухшемъ сердцѣ: вашей власти
Въ немъ нечего казнить, — народъ, возьми его,
Возьми и разорви на части!..»
Такъ Манлiй говорилъ, и грустный, долгiй взоръ
Сквозь дымку полдня золотого
Онъ обратилъ туда, въ сiяющiй просторъ,
На ленту Тибра голубого,

На солнце и луга, на волны и цвѣты...
Толпою рѣзвою со свистомъ
Мелькнули ласточки съ лазурной высоты,
Чтобъ утонуть въ эѳирѣ чистомъ;
Очами скорбными ихъ Манлій проводилъ...
У ногъ его нѣмой и дикій
Утесъ въ расщелинѣ любовно пріютилъ
Цвѣтокъ малиновой гвоздики;
И, все забывъ, глядѣлъ страдалецъ на него —
Почти безъ мысли и сознанья —
Въ минуту грозную, не помня ничего,
Ловилъ струю благоуханья...
Но палачи къ нему приблизились въ тотъ мигъ;
Онъ ихъ отталкиваетъ гордо
И къ пропасти идетъ, спокоенъ и великъ,
Идетъ безтрепетно и твердо, —
И ропотъ ужаса пронесся надъ толпой...
. . . .

1884.

Morituri.

Мы безконечно одиноки,
Боговъ закинутыхъ жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вѣщіе пѣвцы,
Еще невѣдомые міру!
И отдадимъ мы нашу лиру
Тебѣ, божественный поэтъ...
На гласъ твой первые отвѣтимъ,
Улыбкой первой твой разсвѣтъ,
О, Солнце будущаго, встрѣтимъ,
И въ блескѣ утреннемъ твоемъ,
Тебя привѣтствуя, умремъ!

«Salutant, Caesar Jmperator,
Te morituri». Весь нашъ родъ,

Какъ на аренѣ гладіаторъ,
Предъ новымъ вѣкомъ смерти ждетъ.
Мы гибнемъ жертвой искупленья.
Придутъ иныя поколѣнья.
Но въ оный день, предъ ихъ судомъ,
Да не падутъ на насъ проклятья:
Вы только воспомните о томъ,
Какъ много мы страдали, братья!
Грядущей вѣры новый свѣтъ,
Тебѣ отъ гибнущихъ привѣтъ!

Дѣти ночи.

Устремляя наши очи
На блѣднѣющій востокъ,
Дѣти скорби, дѣти ночи,
Ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ
И, съ надеждою въ сердцахъ,
Умирая, мы тоскуемъ
О несозданныхъ мірахъ.
Мы невѣдомое чуемъ
Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.
Погребенныхъ воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Пѣтуха ночное пѣнье,
Холодъ утра—это мы.
Мы—надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ,
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ.

Изгнанники.

Есть радость въ томъ, чтобъ люди ненавидѣли,
Добро считали зломъ,

И мимо шли, и слезъ твоихъ не видѣли,
Назвавъ тебя врагомъ.

Есть радость въ томъ, чтобъ вѣчно быть изгнанникомъ,
И, какъ волна морей,
Какъ туча въ небѣ, одинокимъ странникомъ
И не имѣть друзей.

Прекрасна только жертва неизвѣстная:
Какъ тѣнь хочу пройти,
И сладостна да будетъ ноша крестная
Мнѣ на земномъ пути.

1893.

Голубое небо.

Я людямъ чуждъ и мало вѣрю
Я добродѣтели земной;
Иною мѣрой жизнь я мѣрю,
Иной, безцѣльной красотой.

Я вѣрю только въ голубую
Недосягаемую твердь.
Всегда единую, простую
И непонятную, какъ смерть.

О небо, дай мнѣ быть прекраснымъ,
Къ землѣ сходящимъ съ высоты,
И лучезарнымъ и безстрастнымъ,
И всеобъемлющимъ, какъ ты.

1894.

Темный ангелъ.

О, темный ангелъ одиночества,
Ты вѣешь вновь,
И шепчешь вновь свои пророчества:
«Не вѣрь въ любовь.

Узналъ ли голосъ мой таинственный?
О, милый мой,
Я—ангелъ дѣтства, другъ единственный,
Всегда съ тобой

Мой взоръ глубокъ, хотя не радостенъ,
Но не горюй:
Онъ будетъ холоденъ и сладостенъ,
Мой поцѣлуй.

Онъ вѣетъ вѣчною разлукою,—
И въ тишинѣ
Тебя, какъ мать, я убаюкаю.
Ко мнѣ, ко мнѣ!»

И совершаются пророчества:
Темно вокругъ.
О, страшный ангелъ одиночества,
Послѣднiй другъ,

Полны могильной безмятежностью
Твои шаги.
Кого люблю съ безсмертной нѣжностью,
И тѣ—враги!

1895.

Молчанiе.

Какъ часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умѣю,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Какъ будто стыдно мнѣ—я говорить не смѣю.

И въ близости ко мнѣ живой души твоей
Такъ все таинственно, такъ все необычайно,—
Что слишкомъ страшною божественною тайной
Мнѣ кажется любовь, чтобъ говорить о ней.

Въ насъ чувства лучшiя стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлетъ тишина:
Пока шумятъ вверху сверкающiя волны,
Безмолвствуетъ морская глубина.

Любовь—вражда.

Мы любимъ и любви не цѣнимъ,
И жаждемъ оба новизны,

Но мы другъ другу не измѣнимъ,
Мгновенной прихотью полны.

Порой, стремясь къ свободѣ прежней,
Мы думаемъ, что цѣпь порвемъ,
Но каждый разъ все безнадежнѣй
Мы наше рабство сознаемъ.

И не хотимъ конца предвидѣть,
И не умѣемъ вмѣстѣ жить,—
Ни всей душой возненавидѣть,
Ни безпредѣльно полюбить.

О, эти вѣчные упреки!
О, эта хитрая вражда!
Тоскуя—оба одиноки,
Враждуя—близки навсегда.

Въ борьбѣ съ тобой изнемогая
И все жъ мучительно любя,
Я только чувствую, родная,
Что жизни нѣтъ, гдѣ нѣтъ тебя.

Съ какимъ коварствомъ и обманомъ
Всю жизнь другъ съ другомъ споръ ведемъ,
И каждый хочетъ быть тираномъ,
Никто не хочетъ быть рабомъ.

Межъ тѣмъ, забыться не давая,
Она растетъ всегда, вездѣ,
Какъ смерть, могучая слѣпая
Любовь, подобная враждѣ

Когда другой сойдетъ въ могилу,
Тогда пойметъ одинъ изъ насъ
Любви безжалостную силу—
Въ тотъ страшный часъ, послѣдній часъ!

Одиночество въ любви.

Темнѣетъ. Въ городѣ чужомъ
Другъ противъ друга мы сидимъ,

Въ холодномъ сумракѣ ночномъ,
Страдаемъ оба и молчимъ.

И оба поняли давно,
Какъ рѣчь безсильна и мертва:
Чѣмъ сердце бѣдное полно,
Того не выразятъ слова.

Не виноватъ никто ни въ чемъ:
Кто гордость побѣдить не могъ,
Тотъ будетъ вѣчно одинокъ,
Кто любитъ,—долженъ быть рабомъ.

Стремясь къ блаженству и добру,
Влача томительные дни,
Мы всѣ—одни, всегда—одни:
Я жилъ одинъ, одинъ умру.

На стеклахъ блѣднаго окна
Потухъ вечерній полусвѣтъ.—
Любить научитъ смерть одна
Все то, къ чему возврата нѣтъ.

Проклятіе любви.

Съ усильемъ тяжкимъ и безплоднымъ
Я цѣпь любви хочу разбить.
О, если бъ вновь мнѣ быть свободнымъ,
О, если бъ могъ я не любить!

Душа полна стыда и страха,
Влачится въ прахѣ и крови.
Очисти душу мнѣ отъ праха,
Избавь, о Боже, отъ любви!

Ужель непобѣдима жалость?
Напрасно Бога я молю:
Все безнадежнѣе усталость,
Все безконечнѣе люблю.

И нѣтъ свободы, нѣтъ прощенья,
Мы всѣ рабами рождены,
Мы всѣ на смерть, и на мученья,
И на любовь обречены

De Profundis.

(Изъ дневника).

...Въ тѣ дни будетъ такая скорбь какой не было отъ начала творенія, которое сотворилъ Богъ, даже донынѣ, и не будетъ. И если бы Господь не сократилъ тѣхъ дней, то не спаслась бы никакая плоть (Ев. Марка, гл. XIII, 19, 20).

I.

Усталость.

Мнѣ самого себя не жаль.
Я принимаю всѣ дары Твои, о Боже,
Но кажется порой, что радость и печаль,
И жизнь, и смерть—одно и то же.

Спокойно жить, спокойно умереть—
Моя послѣдняя отрада.
Не стоитъ ни о чемъ жалѣть,
И ни на что надѣяться не надо.

Ни мукъ, ни наслажденій нѣтъ.
Обманъ—свобода и любовь, и жалость,
Въ душѣ — безцѣльной жизни слѣдъ—
Одна тяжелая усталость.

II.

De Profundis

Изъ преисподней вопію
Я, жаломъ смерти уязвленный:
Росу небесную Твою
Пошли въ мой духъ ожесточенный.

Люблю я смрадъ земныхъ утѣхъ,
Когда въ устахъ къ Тебѣ моленья—
Люблю я зло, люблю я грѣхъ,
Люблю я дерзость преступленья.

Мой Врагъ глумится надо мной:
«Нѣтъ Бога: жаръ молитвъ безплоденъ».
Паду ли ницъ передъ Тобой,
Онъ молвитъ: «встань и будь свободенъ».

Бѣгу ли вновь къ Твоей любви,—
Онъ искушаетъ, гордъ и злобенъ:
«Дерзай, познанья плодъ сорви,
«Ты будешь силой мнѣ подобенъ».

Спаси, спаси меня! Я жду,
Я вѣрю, видишь, вѣрю чуду,
Не замолчу, не отойду
И въ дверь Твою стучаться буду.

Во мнѣ горитъ желаньемъ кровь,
Во мнѣ таится сѣмя тлѣнья.
О, дай мнѣ чистую любовь,
О, дай мнѣ слезы умиленья.

И окаяннаго прости,
Очисти душу мнѣ страданьемъ—
И разумъ темный просвѣти
Ты немерцающимъ сіяньемъ!

Пустая чаша.

Отцы и дѣти, въ играхъ шумныхъ
Все истощили вы до дна,
Не берегли въ пирахъ безумныхъ
Вы драгоцѣннаго вина.
Но хмель прошелъ, слѣпой отваги
Потухъ огонь, и кубокъ пустъ.
И вашимъ дѣтямъ каплей влаги
Не омочить горящихъ устъ.
Послѣднимъ ароматомъ чаши—
Лишь тѣнью тѣни мы живемъ,
И въ страхѣ думаемъ о томъ,
Чѣмъ будутъ жить потомки наши.

1895.

Парки.

Будь, что будетъ—все равно.
Парки дряхлыя, прядите
Жизни спутанныя нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Тремъ богинямъ, вѣщимъ пряхамъ:
Было прахомъ, будетъ прахомъ,—
Ты шуми, веретено.

Нити вѣчныя судьбы
Тянутъ Парки изъ кудели,
Безъ начала и безъ цѣли.
Не склоняютъ ихъ мольбы,

Не плѣняетъ красота:
Головой онѣ качаютъ,
Правду горькую вѣщаютъ
Ихъ поблеклыя уста.

Мы же лгать обречены:
Роковымъ узломъ отъ вѣка
Въ слабомъ сердцѣ человѣка
Правда съ ложью сплетены.

Лишь уста открою—лгу,
Я разсѣчь узловъ не смѣю,
А распутать не умѣю,
Покориться не могу.

Лгу, чтобъ вѣрить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цѣпи рабства и любви,
Все, предъ чѣмъ я полонъ страхомъ,
Разсѣкутъ единымъ взмахомъ,
Парка, ножницы твои!

1892.

Скука.

Страшнѣй, чѣмъ горе, эта скука.
Гдѣ ты, послѣдній тернъ вѣнца,
Освобождающая мука
Давно желаннаго конца?

Съ ея безсмысленнымъ мученьемъ,
Съ ея томительной игрой,
Невыносимымъ оскорбленьемъ
Вся жизнь мнѣ кажется порой.

Хочу простить ее, но знаю,
Уродства жизни не прощу,
И горечь слезъ моихъ глотаю
И умираю, и молчу.

1895.

* * *

Что ты можешь? Въ безумной борьбѣ
Человѣкъ не достигнетъ свободы:
Покорись же, о духъ мой, судьбѣ
И невѣдомымъ силамъ природы!

Если надо,—смирись и живи!
Объ одномъ только помни, страдая:
Ненадолго—страданья твои,
Ненадолго—и радость земная.

Если надо,—покорно вернись,
Умирая, къ небесной отчизнѣ,
И у смерти, у жизни учись—
Не бояться ни смерти, ни жизни!

Старость.

Чѣмъ больше я живу—тѣмъ глубже тайна жизни,
Тѣмъ призрачнѣе міръ, страшнѣй себѣ я самъ,
Тѣмъ больше я стремлюсь къ покинутой отчизнѣ,
Къ моимъ безмолвнымъ небесамъ.

Чѣмъ больше я живу—тѣмъ скорбь моя сильнѣе
И неотзывчивѣй на голосъ дольнихъ бурь,
И смерть моей душѣ все ближе и яснѣе
Какъ вѣчная лазурь.

Мнѣ юности не жаль: прекраснѣй солнца мая,
Мой золотой сентябрь, твой блескъ и тишина.
Я не боюсь тебя, приди ко мнѣ, святая,
О, Старость, лучшая весна!

Тобой обвѣянный, я снова буду молодъ
Подъ свѣтлымъ инеемъ безгрѣшной сѣдины,
Какъ только укротитъ во мнѣ твой мудрый холодъ
И боль и бредъ, и жаръ весны!

Двѣ пѣсни шута.

I.

Если бъ капля водяная
Думала, какъ ты,
Въ часъ урочный упадая
Съ неба на цвѣты,
И она бы говорила:
«Не безсмысленная сила
Управляетъ мной.
По моей свободной волѣ
Я на жаждущее поле
Упаду росой!»
Но ничто во всей природѣ
Не мечтаетъ о свободѣ,
И судьбѣ слѣпой
Все покорно—влага, пламень,
Птицы, звѣри, мертвый камень;
Только весь свой вѣкъ
О невѣдомомъ тоскуетъ
И на рабство негодуетъ
Гордый человѣкъ.

Но увы! лишь тѣ блаженны,
Сердцемъ чисты тѣ,
Кто безпечны и смиренны
Въ дѣтской простотѣ.
Насъ, глупцовъ, природа любитъ,
И ласкаетъ, и голубитъ,
Мы безъ думъ живемъ,
Безъ борьбы, послушны року,
Внизъ по вѣчному потоку,
Какъ цвѣты, плывемъ.

II.

То не въ полѣ головки сбиваетъ дитя
Съ одуванчиковъ бѣлыхъ, играя:
То короны и митры сметаетъ, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.
Смерть приходитъ къ шуту: «Собирайся, Дуракъ,
Я возьму и тебя въ мою ношу,
И къ вѣнцамъ и тіарамъ твой пестрый колпакъ
Въ мою общую сумку я брошу».
Но, какъ векша, горбунъ ей на плечи вскочилъ
И колотитъ онъ Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьетъ, что есть силъ,
И смѣется надъ бѣдной старушкой.
Стонетъ жалобно Смерть: «Ой, голубчикъ, постой!»
Но герой нашъ уняться не хочетъ;
Какъ солдатъ въ барабанъ, бьетъ онъ въ черепъ пустой,
И кричитъ, и безумно хохочетъ:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смѣхъ всей душою любя,
Буду жить-поживать, припѣвая:
Громъ побѣдъ отзвучитъ, красота отцвѣтетъ,
Но дуракъ никогда и нигдѣ не умретъ,—
Но безсмертна лишь глупость людская!»

Нирвана.

И вновь, какъ въ первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ страданья,
Какъ будто въ сердцѣ нѣтъ грѣха.
Не надо мнѣ любви и славы:
Въ молчаньи утреннихъ полей
Дышу, какъ дышатъ эти травы...
Ни прошлыхъ, ни грядущихъ дней
Я не хочу пытать и числить.
Я только чувствую опять,
Какое счастіе—не мыслить,
Какая нѣга—не желать!

Весеннее чувство.

Съ улыбкою безстрастія
Ты жизнь благослови:
Не нужно намъ для счастія
Ни славы, ни любви,

Но почки благовонныя
Нужны,—и небеса,
И дымкой опушенные
Прозрачные лѣса.

И пусть все будетъ молодо,
И зыбь волны, порой,
Какъ трепетное золото
Сверкаетъ чешуей.

Какъ въ дѣтствѣ, все невиданнымъ
Покажется тогда
И снова неожиданнымъ—
И небо, и вода.

Надъ первыми цвѣточками
Жужжанье первыхъ пчелъ,

И съ клейкими листочками
Березы тонкій стволъ.

Съ младенчества любезное,
Намъ дорого—пойми—
Одно лишь безполезное,
Забытое людьми.

Вся мудрость въ томъ, чтобъ радостно
Во славу Богу пѣть.
Равно да будетъ сладостно
И жить, и умереть.

1894.

Мартъ.

Больной, усталый ледъ,
Больной и талый снѣгъ...
И все течетъ, течетъ...
Какъ веселъ вешній бѣгъ
Могучихъ, мутныхъ водъ!
И плачетъ дряхлый снѣгъ,
И умираетъ ледъ.
А воздухъ полонъ нѣгъ,
И колоколъ поетъ.
Отъ стрѣлъ весны падетъ
Тюрьма свободныхъ рѣкъ,
Угрюмыхъ зимъ оплотъ,—
Больной и темный ледъ,
Усталый, талый снѣгъ...
И колоколъ поетъ,
Что живъ мой Богъ вовѣкъ,
Что Смерть сама умретъ!

Ноябрь.

Блѣдный мѣсяцъ—на ущербъ
Воздухъ—звонокъ, мертвъ и чистъ,
И на голой, гибкой вербѣ
Шелеститъ увядшій листъ,

Замерзаетъ, тяжелѣетъ
Въ безднѣ тихаго пруда,
И чернѣетъ, и густѣетъ
Неподвижная вода.

Блѣдный мѣсяцъ на ущербѣ
Умирающій лежитъ,
И на голой черной вербѣ
Лучъ холодный не дрожитъ.

Блещетъ небо, догорая,
Какъ волшебная земля,
Какъ потеряннаго рая
Недоступныя поля.

1895.

Осенью въ лѣтнемъ саду.

Въ аллеѣ нѣжной и туманной,
Шурша осеннею листвой,
Дитя букетъ сбираетъ странный,
Съ улыбкой жизни молодой...

Все ближе тѣнь октябрьской ночи,
Все ярче мертвенный букетъ,
Но радуетъ живыя очи
Увядшихъ листьевъ пышный цвѣтъ...

Чѣмъ блѣдный вечеръ неутѣшнѣй,
Тѣмъ смѣхъ ребенка веселѣй,
Подобенъ пѣнью птицы вешней
Въ холодномъ сумракѣ аллей.

Находитъ въ увяданьи сладость.
Его блаженная пора:
Ему паденье листьевъ—радость,
Ему и смерть еще—игра!..

1894.

Успокоенныя.

Успокоенныя Тѣни,
Тѣ, что любящими были,
Бродятъ жалобной толпой
Тамъ, гдѣ волны полны лѣни,
Тамъ, надъ урной мертвой пыли,
Тамъ, надъ Летой гробовой.

Успокоенныя Тучи,
Тѣ, что днемъ, въ дыханьи бури,
Были мракомъ и огнемъ,—
Тамъ, вдали, гдѣ лѣсъ дремучій,
Спятъ въ безжизненной лазури
Въ слабомъ отблескѣ ночномъ.

Успокоенныя Думы,
Тѣ, что прежде были страстью,
Возмущеньемъ и борьбой,—
Стали кротки и угрюмы,
Не стремятся больше къ счастью
Полны мертвой тишиной.

1894.

Осенніе листья.

Падайте, падайте, листья осенніе,
Нѣкогда въ теплыхъ лучахъ зеленѣвшіе,
Легкія дѣти весеннія,
Сладко шумѣвшія!..
Въ утреннемъ воздухѣ дымъ,—
Пахнетъ пожаромъ лѣснымъ,
Гарью осеннею.
Молча любуюсь на вашу красу,
Позднимъ лучомъ позлащенные!
Падайте, падайте, листья осенніе...
Пѣсни поетъ похоронныя
Вѣтеръ въ лѣсу.

Тихихъ небесъ поблѣднѣвшая твердь
Дышитъ безсмертною радостью,
Сердце чаруетъ мнѣ смерть
Неизреченною сладостью.

Мать.

Съ еще безсильными крылами
Я видѣлъ птенчика во ржи,
Межъ голубыми васильками,
У непротоптанной межи.

Надъ нимъ и надо мной витала,
Боялась мать—не за себя,
И отъ него не улетала,
Тоскуя, плача и любя

Предъ этимъ маленькимъ твореньемъ
Я понялъ благость Вышнихъ Силъ,
И въ сердцѣ, съ тихимъ умиленьемъ,
Тебя, Любовь, благословилъ.

Сталь.

Гляжу съ улыбкой на обломокъ
Могучей стали,—и меня
Быть сильнымъ учишь ты, потомокъ
Воды, желѣза и огня!

Твоя краса—необычайна
О, темно-голубая сталь...
Твоя мерцающая тайна
Отрадна сердцу, какъ печаль.

А между тѣмъ твое сіянье
Нѣжнѣй, чѣмъ въ полѣ вешній цвѣтъ:
На немъ и дѣтскихъ устъ дыханье
Оставить можетъ легкій слѣдъ.

О сердце! стали будь подобно—
Нѣжнѣй цвѣтовъ и тверже скалъ,—

Возстань на силу черни злобной,
Прими таинственный закалъ!

Не бойся ни врага, ни друга,
Ни мертвой скуки, ни борьбы,
Неуязвимо и упруго
Подъ страшнымъ молотомъ Судьбы.

Дерзай же, полное отваги,
Живую двойственность храня:
Безстрастный, мудрый холодъ влаги
И пылъ мятежнаго огня.

1894.

На озерѣ Комо.

Кому страданіе знакомо,
Того ты сладко усыпишь,
Тому понятно будетъ, Комо,
Твоя безвѣтренная тишь.

И по водѣ, изъ церкви дальной,
Въ селеньи бѣдныхъ рыбаковъ,
Ave Maria—стонъ печальный,
Вечерній звонъ колоколовъ...

Здѣсь горы въ зелени пушистой
Уютно заслонили даль,
Чтобы волной своей тѣнистой
Ты убаюкало печаль.

И обѣщанье такъ прекрасно,
Такъ милъ обманчивый привѣтъ,
Что вотъ опять я жду напрасно,
Чего, я знаю, въ мірѣ нѣтъ.

Парѳенонъ.

Мнѣ будетъ вѣчно дорогъ день,
Когда вступилъ я, Пропилеи,
Подъ вашу мраморную сѣнь,

Что пѣны волнъ морскихъ бѣлѣе,
Когда, священный Парѳенонъ,
Я увидалъ въ лазури чистой
Впервые мраморъ золотистый
Твоихъ божественныхъ колоннъ,
Твой камень, солнцемъ весь облитый,
Прозрачный, теплый и живой,
Какъ тѣло юной Афродиты,
Рожденной пѣною морской.
Здѣсь было все душѣ родное,
И Саламинъ, и Геликонъ,
И это море голубое
Межъ бѣлыхъ, дѣвственныхъ колоннъ,
Съ тѣхъ поръ душѣ моей святыня,
О, скудной Аттики земля,
Твоя печальная пустыня,
Твои сожженныя поля!

Титаны

(Къ мраморамъ Пергамскаго жертвенника).

Обида! Обида!
Мы — первые боги,
Мы — древнія дѣти
Праматери-Геи, —
Великой Земли!
Измѣною братьевъ,
Боговъ Олимпійцевъ,
Низринуты въ Тартаръ,
Отвыкли отъ солнца,
Оглохли, ослѣпли
Во мракѣ подземномъ,
Но все еще помнимъ
И любимъ лазурь.
Обуглены крылья,
И ногъ змѣевидныхъ
Раздавлены кольца,

Тройными цѣпями
Обвиты тѣла, —
Но все еще дышимъ,
И наше дыханье
Колеблетъ громаду
Дымящейся Этны,
И землю, и небо,
И храмы боговъ.
А боги смѣются,
Высоко надъ нами,
И люди страдаютъ,
И время летитъ,
Но здѣсь мы не дремлемъ:
Мы мщенье готовимъ,
И землю копаемъ,
И гложемъ, и роемъ
Когтями, зубами,
И нѣтъ намъ покоя,
И смерти намъ нѣтъ.
Источимъ, пророемъ
Глубокіе корни
Хребтовъ неподвижныхъ
И вырвемся къ солнцу, —
И боги воскликнутъ,
Блѣднѣя, какъ воры:
«Титаны! Титаны!»
И выронятъ кубки,
И будетъ ужаснѣй
Громовъ Олимпійскихъ,
И землю разрушитъ
И небо — нашъ смѣхъ.

* * *

Такъ жизнь ничтожествомъ страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только безконечной скукой
И тихимъ ужасомъ полна,

Что кажется—я не живу,
И сердце перестало биться,
И это только наяву
Мнѣ все одно и то же снится.
И если тамъ, гдѣ буду я,
Господь меня, какъ здѣсь, накажетъ—
То будетъ смерть, какъ жизнь моя,
И смерть мнѣ новаго не скажетъ.
1901.

Двойная бездна.

Не плачь о неземной отчизнѣ,
И помни, — болѣе того,
Что есть въ твоей мгновенной жизни,
Не будетъ въ смерти ничего.

И жизнь, какъ смерть необычайна...
Есть въ мірѣ здѣшнемъ—міръ иной.
Есть ужасъ тотъ же, та же тайна—
И въ свѣтѣ дня, какъ въ тьмѣ ночной.

И смерть и жизнь — родныя бездны:
Онѣ подобны и равны,
Другъ другу чужды и любезны,
Одна въ другой отражены.

Одна другую углубляетъ,
Какъ зеркало, а человѣкъ
Ихъ съединяетъ, раздѣляетъ
Своею волею навѣкъ.

И зло, и благо,—тайна гроба.
И тайна жизни—два пути—
Ведутъ къ единой цѣли оба.
И все равно, куда итти.

Будь мудръ,—иного нѣтъ исхода.
Кто цѣпь послѣднюю расторгъ,

Тотъ знаетъ, что въ цѣпяхъ свобода,
И что въ мученіи—восторгъ.
Ты самъ—свой Богъ, ты самъ свой ближній,
О, будь же собственнымъ Творцомъ,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своимъ началомъ и концомъ.

1901.

* * *

О, если бы душа полна была любовью,
Какъ Богъ мой на крестѣ—я умеръ бы любя.
Но ближнихъ не люблю, какъ не люблю себя,
И все-таки порой исходитъ сердце кровью.

О, мой Отецъ, о, мой Господь,
Жалѣю всѣхъ живыхъ въ ихъ слабости и силѣ,
Въ блаженствѣ и скорбяхъ, въ рожденьи и могилѣ.
Жалѣю всякую страдающую плоть.

И кажется порой—у всѣхъ одна душа,
Она зоветъ Тебя, зоветъ и умираетъ,
И бредитъ въ шелестѣ ночного камыша,
Въ глазахъ больныхъ дѣтей, въ огняхъ зарницъ сіяетъ.

Душа моя и Ты—съ Тобою мы одни.
И смертною тоской и ужасомъ объятый,
Какъ нѣкогда съ креста Твой Первенецъ Распятый,
Міръ вопіетъ: Ламма! Ламма! Савахѳани.

Душа моя и Ты—съ Тобой одни мы оба,
Всегда лицомъ къ лицу, о, мой послѣдній Врагъ.
Къ Тебѣ мой каждый вздохъ, къ Тебѣ мой каждый шагъ
Въ мгновенномъ блескѣ дня и въ вѣчной тайнѣ гроба,

И въ буйномъ ропотѣ Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и Я—одно и то же,
И вопію къ Тебѣ, какъ сынъ твой: Боже, Боже.
За что оставилъ Ты меня?

Дѣтское сердце.

Я помню, какъ въ дѣтствѣ нежданную сладость
Я въ горечи слезъ находилъ иногда,
И странную нѣгу, и новую радость—
Въ мученьи послѣднихъ обидъ и стыда.

Въ постели я плакалъ, припавъ къ изголовью;
И было прощеніемъ сердце полно,
Н все жъ не людей,—безконечной любовью
Я Бога любилъ и себя, какъ одно.

И словно незримый слеталъ утѣшитель,
И съ ласкою тихой склонялся ко мнѣ;
Не зналъ я, то мать или ангелъ-хранитель,
Ему я, какъ ей, улыбался во снѣ.

Въ послѣдней обидѣ, въ предсмертной пустынѣ,
Когда и въ тебѣ измѣняетъ мнѣ все,
Не ту же ли сладость находитъ и нынѣ
Покорное, дѣтское сердце мое?

Безумье иль мудрость,—не знаю, но чаще,
Все чаще той сладостью сердце полно,
Итакъ,—что чѣмъ сердцу больнѣе, тѣмъ слаще,
И Бога люблю и себя, какъ одно.

16 августа 1900 г.

Трубный гласъ.

Подъ землею слышенъ ропотъ,
Тихій шелестъ, шорохъ, шопотъ.
Слышенъ въ небѣ трубный гласъ:
—Братъ, вставай же, будятъ насъ.
— Нѣтъ, темно еще повсюду,

Спать хочу и спать я буду.
Не мѣшай же мнѣ, молчи,
Въ стѣну гроба не стучи.
— Не заснешь теперь, ужъ поздно,
Зовъ раздался слишкомъ грозно,
И встаютъ вблизи, вдали,
Изъ разверзшейся земли,
Какъ изъ матерней утробы,
Мертвецы, покинувъ гробы.
— Не могу и не хочу,
Я закрылъ глаза, молчу,
Не повѣрю я обману,
Я не встану, я не встану.
Братъ, мнѣ стыдно — весь я пыль,
Пыль и тлѣнъ, и смрадъ, и гниль.
— Братъ, мы Бога не обманемъ,
Всѣ проснемся, всѣ мы встанемъ,
Всѣ пойдемъ на Страшный судъ.
Вотъ, престолъ уже несутъ
Херувимы, серафимы.
Вотъ нашъ царь дориносимый.
О, вставай же,—радъ не радъ,
Все равно, ты встанешь, братъ.

1902.

Молитва о крыльяхъ.

Ницъ простертые, унылые,
Безнадежные, безкрылые,
Въ покаянiи, въ слезахъ,—
Мы лежимъ во прахѣ прахъ,
Мы не смѣемъ, не желаемъ,
И не вѣримъ, и не знаемъ,
И не любимъ ничего.
Боже, дай намъ избавленья,
Дай свободы и стремленья,

Дай веселья Твоего.
О, спаси насъ отъ безсилья,
Дай намъ крылья, дай намъ крылья,
Крылья духа Твоего!

1902.

Веселыя думы.

Безъ вѣры давно, безъ надеждъ, безъ любви,
О, странно веселыя думы мои!
Во мракѣ и сырости старыхъ садовъ—
Унылая яркость послѣднихъ цвѣтовъ.

Примѣчанія.

Въ отдѣльномъ изданіи стихотворенія Д. С. Мережковскаго появились впервые въ 1888 г.— *Д. Мережковкій. Стихотворенія. (1883—1887). СПБ. 1888. 8°. Стр. 301.*

Второе изданіе относится къ 1892 г.—*Д. Мережковскій. Символы (Пѣсни и поэмы). Изд. А. Суворина. СПБ. 1892. 8°. стр. 424.*

Въ 1896 г. вышло третье изданіе—*Д. Мережковскій. Новыя стихотворенія. Изд. книжн. маг. Ледерлэ. СПБ. 1896. 8°. Стр. 104 + 3.*

Четвертое изданіе появилось въ 1904 г.—*Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Москва. 1904. 8°. Стр. 1 + 182 II.*

Пятое изданіе было выпущено въ 1910 г.— *Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. 1883—1910. Книгоизд. «Просвѣщеніе». СПБ. 1910. 8°. Стр.+ 253.*

Въ изданіи Вольфа помѣщена лишь незначительная часть стихотвореній Д. С. Мережковскаго.

Въ настоящее изданіе вошли, помимо всѣхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ перечисленныхъ сборникахъ, многія изъ стихотвореній, печатавшихся только въ журналахъ и включенныхъ въ отдѣльное изданіе лишь впервые въ настоящемъ изданіи. Къ ихъ числу относятся:

Надъ нѣмымъ пространствомъ чернозема... Впервые появилось въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» за 1887 г., № 11, стр. 212.

Ужъ дышитъ оттепель...—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1888 г., № 3, стр. 168.

Лѣтнія, душныя ночи...—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1888 г., № 4, стр. 26.

Восточный миѳъ. «Сѣверный Вѣстникъ» за 1888 г., № 2, стр. 118.

Мы въ одной долинѣ... — «Сѣверный Вѣстникъ» за 1889 г., № 11 и 12, стр. 164, 168.

Смерть Всеволода Гаршина.—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1888 г. № 5. Передъ текстомъ.

Кой-гдѣ листы склонили внизъ...—«Сѣверный Вѣст. за 1888 г., № 11, стр. 150.

Въ темныхъ, росистыхъ вѣтвяхъ...—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1888 г., № 11, стр. 150.

Дома и призраки людей... и «Трепетныя зори».—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1889 г., № 5, стр. 150.

Какъ странникъ, путь окончивъ...—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1891 г., № 1, стр. 228.

Какъ отъ рожденія слѣпой...—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1891 г., № 4, стр. 78.

Я бы людямъ не могъ разсказать...—«Нива» за 1892 г., № 26, стр. 565.

Свѣтъ вечерній.—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1892 г., № 12, стр. 240.

Пѣвецъ.—«Нива» за 1893 г., № 1, стр. 1.

Въ лѣсу.—«Трудъ» за 1893 г., № 2, стр. 347.

Нѣтъ, ей не жить... «Сборникъ» «Нивы» за 1893 г., № 3, стр. 539.

Спокойствіе.—«Трудъ» за 1893 г., № 3, стр. 582—3.

Сѣрый день.—«Нива» за 1893 г., № 30, стр. 686.

Неуловимое.—«Нива» за 1893 г., № 33, стр. 750.

Бѣлая ночь.—Литературное Приложеніе къ «Нивѣ» за 1894 г., № 1, стр. 92.

Развѣнчанный лѣсъ.—«Трудъ» за 1894 г., № 5, стр. 306.

Краткая пѣсня.—Литературное Приложеніе къ «Нивѣ» за 1894 г., № 5, стр. 26.

Пчелы.—Литературное Приложеніе къ «Нивѣ» за 1894 г., № 6, стр. 193.

Дѣти.—«Трудъ» за 1894 г., № 9, стр. 654.

Эту заповѣдь въ сердцѣ своемъ напиши...—«Трудъ» за 1894 г., № 10, стр. 44.

Снѣгъ.—Литературное Приложеніе къ «Нивѣ» за 1894 г., № 10, стр. 298.

Пѣсня солнца.—«Трудъ» за 1894 г., № 12, стр. 531—2.

Пѣсня вакханокъ.—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1894 г., № 12, стр. 42.

Поэтъ. «Нива» за 1894, № 53 (юбилейный), стр. 6.

Зимній вечеръ.—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1895 г., № 4 стр. 110.

Рабство любви.—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1895 г., № 7, стр. 166.

Не надо звуковъ.— «Сѣверный Вѣстникъ» за 1895 г., № 8, стр. 76.

То, чѣмъ я былъ.—Литературное Приложеніе къ «Нивѣ» за 1895 г., № 12, стр. 647—8.

И вновь, какъ въ первый день....—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1896 г., № 1, стр. 70.

Родное.—Литературное Приложеніе къ «Нивѣ» за 1896 г., № 5, стр. 55—56.

Увы, что сдѣлалъ....—Литературное Приложеніе къ «Нивѣ» за 1896 г., № 9, стр. 145—6.

Передъ грозой.—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1896 г., № 9, стр. 36.

Зимніе цвѣты.—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1897 г., № 1, стр. 132.

Спокойствіе.—«Сѣверный Вѣстникъ» за 1897 г., № 2, стр. 238.

Воля.— Литературное Приложеніе къ «Нивѣ» за 1897 г., № 6. стр. 316.

Синѣетъ море....—Литературное Приложеніе къ «Нивѣ» за 1897 г., № 7, стр. 595—6.

Объ остальныхъ стихотвореніяхъ—см. «Хронологическій перечень произведеній Д. С. Мережковскаго въ т. XXIV настоящаго изданія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

II.

Стр.

III.

Поэмы и легенды.

Эскизы. Лирика.